

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2007 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

№ 2/2014

Главный редактор

КОЗЛОВА С.В. – доктор экономических наук

Редакционный совет

Гринберг Р.С. – член-корреспондент РАН (председатель), директор Института экономики РАН

Архипов А.И. – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Аносова Л.А. – доктор экономических наук, профессор, начальник Отдела общественных наук РАН

Глинкина С.П. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН

Головнин М.Ю. – доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики РАН

Городецкий А.Е. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН

Караваева И.В. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой политической экономии РЭУ им. Г.В. Плеханова, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Рубинштейн А.Я. – доктор философских наук, профессор, первый заместитель директора Института экономики РАН

Сенчагов В.К. – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра финансовых исследований Института экономики РАН

Сорокин Д.Е. – член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института экономики РАН

Тихонков К.С. – доктор экономических наук, первый заместитель генерального директора Международного института исследования риска

Цветков В.А. – член-корреспондент РАН, заместитель директора Института проблем рынка РАН

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

МОСКВА

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 2/2014

Журнал «Вестник Института экономики РАН» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713
(для индивидуальных подписчиков)

Редакционная коллегия:

Шацкая И.В., канд. экон. наук (заместитель главного редактора);

Касьяненко Т.М. (ответственный секретарь журнала);

Смотрницкая И.И., доктор экон. наук;

Дерябина М.А., канд. экон. наук;

Грибанова О.М.

**Журнал «Вестник Института экономики РАН»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN – 2073-6487

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Буздалов И.Н.	
Аграрный кризис как следствие нарушения научных основ аграрной политики	7
Букина И.С., Маневич В.Е.	
Макроэкономическая ситуация и денежно-финансовая политика в России	17
Квашнина И.А., Шуйский В.П.	
Реиндустриализация в России: возможности использования зарубежных технологий	32
Шурубович А.В.	
Влияние постсоветской интеграции на модернизацию российской экономики	43
Калинина Ю.В.	
Российская космическая отрасль: проблемы и перспективы развития	57

ЗАРУБЕЖНАЯ ЭКОНОМИКА

Головнин М.Ю.	
Внешние шоки для российской и белорусской экономик в кризисный и посткризисный периоды (2008–2013 гг.)	64
Ушкалова Д.И.	
Особенности торгово-экономического взаимодействия России и Беларуси в посткризисный период	77
Филатов В.И.	
Структурная модернизация экономик России и Беларуси как фактор преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса	87

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА РОССИИ

Бухвальд Е.М.	
Европейская хартия местного самоуправления и зарубежный опыт в муниципальной реформе в России	97
Мамаев А.В.	
Финансы Москвы в условиях революции 1917 г. и муниципальной реформы	110

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Бобылева А.З., Сидорова А.А.

Эффективность управления вузами в России: проблемы
и решения 120

Сидорова А.А.

Европейский опыт развития предпринимательских университетов:
уроки для России 134

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

Мальцев А.А.

Экономическая наука послевоенной эпохи: вульгаризация
кейнсианства или ответ на вызовы времени? 146

Шульц Д.Н.

Микроэкономическое фундирование макроэкономики
и принцип дополнительности Бора 157

ЛАУРЕАТ КОНКУРСА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ужгинцев А.В.

Поиск эффективных путей деофшоризации российской
экономики 166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеленоборская Л.В.

Институт экономики РАН в 2013 году 171

Аннотации к статьям номера (на английском языке) 185

Контактная информация 189

Требования к рукописям 190

Условия приема в аспирантуру Института экономики РАН в 2014 г. 191

CONTENTS

NATIONAL ECONOMY

Buzdalov I.	
Agrarian crisis as a result of the agrarian policy scientific bases violation	7
Bukina I., Manevich V.	
Macroeconomic situation and the monetary–financial policy in Russia	7
Kvashnina I., Shuyskiy V.	
Reindustrialization in Russia: opportunities for the use of foreign technologies	7
Shurubovich A.	
An influence of post-soviet integration on modernization of the Russian economy	7
Kalinina Yu.	
Russian space branch: the issues and development prospects	7

FOREIGN ECONOMY

Golovnin M.	
External shocks for Russian and Belarusian economies during the crisis and post-crisis periods (2008–2013)	7
Ushkalova D.	
The features of the trade and economic interactions of Russia and Belarus during the post-crisis period	7
Filatov V.	
Structural modernization of the Russian and Belarusian economies as a factor of the world financial and economic crisis consequences overcoming	7

MUNICIPAL REFORM IN RUSSIA

Bukhvald E.	
European charter of local government and foreign experience in the Russian municipal reform	7
Mamayev A.	
Finance of Moscow in the conditions of revolution in 1917 and municipal reform	7

THE MANAGEMENT STRATEGY

Bobylio A., Sidorova A.

An effective management of higher education institutions in Russia: issues and decisions	120
---	-----

Sidorova A.

European experience of enterprise universities development: lessons for Russia	134
---	-----

THE ECONOMIST'S THOUGHTS

Maltsev A.

Economic science of the post-war epoch: a vulgarization of Keynesian economic or an answer to time calls?	146
--	-----

Schultz D.

Microeconomic funding of macroeconomics and the Bohr's principle of the complementarity	157
--	-----

INNER OF THE YOUNG SCIENTISTS COMPETITION

Uzhgintsev A.

The search of effective ways of the Russian economy's deofshorization	166
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Zelenoborskaya L.

The Institute of economics of the Russian Academy of sciences in 2013	171
--	-----

Abstracts (in English)	185
------------------------------	-----

Contact	189
---------------	-----

Requirements to manuscripts	190
-----------------------------------	-----

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

И.Н. БУЗДАЛОВ
академик РАН, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

АГРАРНЫЙ КРИЗИС КАК СЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ НАУЧНЫХ ОСНОВ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Показана серьезность кризисной ситуации в сельском хозяйстве России и ее обусловленность нарушением научных основ аграрной политики, приводящим к дезорганизации всей системы аграрных отношений. Причины этих негативных явлений автор связывает с последствиями ослабления внимания к вопросам аграрной теории, прежде всего касающихся отношений собственности, земельных отношений, общих и специфических закономерностей воспроизводства в сельском хозяйстве, теории и принципов аграрного протекционизма, рентных отношений и ценообразования. Показаны необходимые для преодоления аграрного кризиса существенные изменения в аграрной политике в соответствии с ее научными основами и опытом развитых стран в этой области.

Ключевые слова: аграрная теория, аграрная политика, аграрный кризис и продовольственная безопасность, интенсификация сельского хозяйства, аграрный протекционизм.

Классификация JEL: Q10, Q18.

Социально-экономическое благополучие или, наоборот, кризисное (исходя из общего определения кризиса как «тяжелого переходного состояния») положение в сельском хозяйстве напрямую зависят от «качества», научной обоснованности проводимой в стране аграрной политики, следовательно, от профессионализма властей, принимающих государственные решения по ее формированию и осуществлению. Понятие аграрного кризиса принято считать присущим капиталистической системе и сводить к «перепроизводству» сельскохозяйственной продукции, сопровождающемуся падением аграрных цен, снижением доходности, разорением фермерских хозяйств и т.д.¹ Но в еще более тяжелом положении оказывается сельское хозяйство, крестьянство и все население страны, если из-за несоблюдения научных принципов аграрной политики возникают острый дефицит продукции отрасли, прежде

¹ Экономическая энциклопедия. М.: Экономика, 1999. С. 347.

всего продуктов питания, запредельный ценовой диспаритет и наблюдаются другие перекосы в воспроизводственном процессе. Вследствие этого производство сельскохозяйственной продукции становится низкорентабельным и убыточным, ресурсный потенциал деградирует, подбиваются стимулы к производительному труду.

Именно в таком положении, отражающем системный характер аграрного кризиса, или, по определению академика Л.И. Абалкина, в состоянии «аграрной трагедии» пребывает современное сельское хозяйство России[1]. Признаком этого является засилье в нашей стране продовольственного импорта.

Прямой причиной аграрного кризиса является фактическое несоблюдение властями научных основ аграрной политики, ее бессистемное осуществление с помощью набора полумер и волевых решений. Это совершенно очевидно и не требует особых доказательств. Такая политика в конечном счете неизбежно вносит существенные элементы дезорганизации в развитие и нормальное функционирование всей системы аграрных отношений, что, в свою очередь, непосредственно связано с общим отставанием в разработке узловых вопросов аграрной теории, невостребованностью ее определяющих положений в современной практике государственного регулирования сложного и противоречивого воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве.

Понятия аграрная теория, аграрные отношения, аграрная политика находятся в строго определенной иерархической взаимосвязи, с присущими каждому из этих понятий функциями и основополагающими принципами. Аграрная политика, как наиболее «прикладной» уровень этой взаимосвязи может считаться научно обоснованной, если государственные решения по ее формированию и практическому осуществлению соответствуют объективным закономерностям развития аграрных отношений, отвечающим, в свою очередь, фундаментальным положениям аграрной теории, как более высокому, «направляющему» уровню указанной взаимосвязи.

«Задача экономической теории заключается в том, – отмечают К. Маккеннелл и С. Брю, авторы популярного в мире учебника по экономике, – чтобы привести в систему, истолковать и обобщить факты (т.е. *практические* иллюстрации и подтверждения – И.Б.). Принципы и теории – конечный результат экономического анализа – вносят порядок и смысл в набор фактов, связывая их воедино, устанавливая надлежащие связи между ними и выводя из них определенные обобщения. Теория без фактов, – дополняют они это положение высказыванием Кеннета Е. Боулинга, – может быть пуста, но факты без теории бессмысленны» [2, с. 21]. Иначе говоря, не всякая практика может быть критерием объективной истины, т.е. подтверждением действительной научности, высокого уровня ее теоретического обоснования, в частно-

сти, например, «порядка и смысла» формирования и практического осуществления проводимой сейчас аграрной политики в России.

Заметное ослабление в последнее время внимания к аграрной теории в аграрно-экономических исследованиях, пренебрежение властей к ее базовым положениям – непосредственные причины субъективных решений в аграрной политике, негативно сказавшиеся на осуществлении комплекса практических мер по формированию социально ориентированной рыночной системы аграрных отношений, следовательно, по обеспечению устойчивого, высокоэффективного социально-экономического развития сельского хозяйства и создания для такого развития необходимого уровня и качества жизни в деревне [3, с. 16–17]. В связи с этим всесторонняя научная оценка и переосмысление осуществляемых в сельском хозяйстве в последние 20 лет рыночных преобразований, исправление допущенных в этом процессе ошибок обуславливают необходимость повышения теоретико-методологического уровня их исследований, в том числе касающихся научных основ аграрной политики.

Аграрные отношения – важная сфера всей системы социально-экономических отношений в обществе, их изначальная фундаментальная основа. Этим определяются особые подходы к теоретическому осмыслению сущности, движущих сил, исторических периодов развития отношений между участниками воспроизводственного процесса, связанного с обеспечением «самого первого» условия жизнедеятельности человека – продуктов питания. Вместе с тем теорию аграрных отношений или аграрную теорию как одно из важнейших направлений науки об обществе, следует рассматривать с позиций общего основополагающего системного подхода и единого мирохозяйственного процесса – какой бы ни была специфика общественного устройства отдельных стран. Исходя из этого понятие аграрной теории определяется как тесно взаимосвязанная совокупность основополагающих идей и опирающихся на прогрессивную практику абстрактно-логических представлений об объективных закономерностях развития экономических и социальных отношений между участниками воспроизводственного процесса в самом сельском хозяйстве и в общих рамках агропродовольственной системы государства. При этом, как и в любой сфере человеческой деятельности, первоосновой, главной активной движущей силой в сфере аграрных отношений, следовательно, в теоретических представлениях об их развитии, выступает непосредственный сельский производитель с его общечеловеческими ценностями, интересами, прежде всего личным интересом, с определенными особенностями трудовой деятельности, духовных корней, самосознания, всего образа жизни.

Разработка надежной научной основы для формирования и осуществления взвешенной социально ориентированной государственной

аграрной политики возможно лишь при условии соответствующих общеисторических обобщений. Очевидно, что только знание мировой истории аграрных отношений, заложенных в них постоянно действующих основополагающих принципов и ценностей, всесторонний учет стремлений и интересов их субъектов, только критическое рассмотрение научных взглядов и течений в отечественной и мировой аграрно-экономической мысли в этой области позволяет делать достоверные оценки и теоретические выводы по вопросам путей обеспечения эффективного и устойчивого социально-экономического развития сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы страны, формировать адекватную такому развитию аграрную политику.

С позиций изложенного общего концептуального подхода к научным основам этой политики принципиально важно выделить и теоретически осмыслить социально-экономическое содержание, а также проследить развитие подсистем аграрных отношений. Исторически основными из них являются: формы хозяйства и их внутренние экономические отношения, отношения собственности, прежде всего земельной с адекватным ее природе механизмом экономической реализации; «внешние» отношения крестьянства (с партнерами по экономическим связям в АПК и с государством). Отсюда, определяя теоретико-методологические основы, соответственно стратегию, тактику и механизмы осуществления аграрной политики, используя необходимые для этого методические подходы в проведении конкретного анализа, необходимо прежде всего рассматривать эти основы применительно к указанным базовым элементам или подсистемам этих отношений.

Принято считать, что аграрные отношения представляют собой производственные отношения в сельском хозяйстве, определяемые формами землевладения и землепользования. Такое определение с некоторыми различиями в формулировках (в частности, упоминанием о владении и использовании «и других средств производства») дается во многих энциклопедических изданиях советского и современного периодов, в учебных пособиях и научно-исследовательских работах [4]. Однако оно является односторонним и методологически неправомерным уже потому, что в стороне остается главный субъект системы аграрных отношений – непосредственный земледелец с его интересами и адекватной крестьянской формой жизнедеятельности.

В соответствующих определениях его участие в этой системе как бы предполагается, но поскольку речь идет о первооснове, главной производительной силе аграрного производства, она заслуживает приоритетного внимания в реализации цели и задач аграрной политики. В связи с этим в общем теоретико-методологическом подходе к изучению социально ориентированной рыночной системы аграрных отношений следует четко выделять три базовых элемента. Это – человек,

непосредственный участник производственного процесса в АПК, прежде всего в сельском хозяйстве, с его личным интересом; собственность, с адекватными этому интересу формами экономической реализации и государство с его регулирующими (правовыми и экономическими) функциями [3, с. 15].

Определяя степень соответствия аграрной политики базовым теоретическим принципам в рамках указанных трех фундаментальных основ развития аграрных отношений, важно исходить из обеспечения системности этого исследования, в тесной взаимосвязи изучая структурные элементы этих отношений. Здесь сочетаются как общие, политэкономические элементы системы: теория отношений собственности, теория рынка и его категорий, прежде всего теория ценообразования, теория экономического роста, теория предельной полезности, теория кризисов и т.д., так и специфические, присущие системе и механизму аграрных отношений [4]. Основными элементами собственно аграрной составляющей экономической теории являются: теория земельных отношений, в которой выделяется теория земельной собственности, теория земельной ренты, теория форм ведения хозяйства с выделением теоретических аспектов крестьяноведения, теория «преимуществ» крупного и «устойчивости» мелкого производства, теория аграрных кризисов, теория аграрного протекционизма. Особые теоретические подходы обуславливает специфика аграрной сферы в вопросах ценообразования, налогообложения и действия экономического механизма в сельском хозяйстве и АПК в целом.

В любой системе есть общая фундаментальная основа, вокруг которой в тесной взаимосвязи и иерархической зависимости, «подчиненности» функционируют другие ее элементы, значение которых в процессе исторического развития могут меняться. В системе аграрных отношений неизменной основой были и остаются отношения собственности, прежде всего земельной. Как теоретически обосновываются и насколько адекватно этому в аграрной политике регулируются вопросы собственности в сельском хозяйстве, а следовательно, другие «производные» направления этой политики, так и функционирует вся система аграрных отношений, так решается ее центральный, так называемый крестьянский вопрос. Крестьянин, труженик земли может быть задействован в общественной модели, где он в соответствии в объективными закономерностями социально-экономического развития свободно выбирает форму хозяйства и жизнедеятельности вообще, получая необходимое для этого содействие со стороны государства. Либо, наоборот, государство в своей аграрной политике исходя из заявленных якобы «высоких», но на деле умозрительных, надуманных идеологических фантазий принудительно навязывает заведомо чуждую сельскому труженику форму жизнедеятельности, втискивая

его в модель, где попираются гражданские и экономические свободы, «естественные» жизненные ориентации и общечеловеческие ценности.

История прогрессивной мировой экономической мысли, в том числе российской, однозначно свидетельствует о ее развитии от последней модели к первой. Крестьянин, лишенный собственности или довольствующийся общей, обобществленной (совместно-ничейной) собственностью лишается стимулов творческого труда, житейской прочности и уверенности в будущем. Право частной, прежде всего земельной, собственности, наоборот, создает эту прочность и уверенность, обеспечивая эффективное взаимосвязанное функционирование других форм и всей системы аграрных отношений, всех элементов и рычагов механизма хозяйствования, подтверждая тем самым высокую степень научной обоснованности аграрной политики с приоритетом этого права.

Крайне запутанным, обросшим злоупотреблениями и коррупцией оказался именно узловое разделение ныне проводимой в России аграрной политики, связанный с земельными отношениями. Провозглашенные в начале реформ принципы «землю – крестьянам», «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает» трансформировались в искаженные формы реализации. Миллионы формальных собственников условных земельных долей или за бесценок сдали их в аренду, или вообще лишились реальных земельных участков, так и не выделенных им в натуре. Одновременно, десятки миллионов гектаров сельскохозяйственных земель выпали из активного оборота, заброшены, переводятся в другие категории, являются предметом спекулятивных сделок. Активная государственная защита земли (которую Д.И. Менделеев считал «равносильной защите государства») в стране фактически отсутствует.

Итогом такой реализации земельного направления аграрной политики явилась общая деградация главного средства производства в сельском хозяйстве, истощение почвенного плодородия оставшихся в обработке земельных угодий. За годы нынешних реформ вынос питательных веществ из почвы в три раза превысил их возврат. Дозы минеральных удобрений в расчете на 1 га посевов сократились в 2,2 раза, органических – в 3,2 раза. На 75% посевной площади нарушены севообороты. В результате объем сельскохозяйственного производства в расчете на 1 га сельскохозяйственных угодий (снизившийся за эти годы на 17%, в том числе в животноводстве на 1/3) поддерживается за счет истощения почвенного плодородия. В целом такое отношение к земле и земельным отношениям характеризует уязвимость, ущербность аграрной политики, в том числе в части реализации главного пути развития сельского хозяйства – его последовательной интенсификации.

Таким образом, из всего сказанного, следует, что центральным объектом теоретико-методологической направленности исследования аграрных отношений, формирования и целенаправленного практи-

ческого проведения аграрной политики является непосредственный земледелец, обладающий собственностью, правом распоряжения ее материальным выражением, прежде всего землей. В течение тысячелетий, тем более в эпохи, когда господствующей отраслью в экономике было сельское хозяйство, а основным условием экономического развития – земля, формировалась определяющая роль земельной собственности. Разложение первоначальной, примитивной по своей сущности общинной собственности и образование социальной группы эффективных частных собственников явилось закономерным следствием объективно обусловленного «естественного» стремления наиболее деятельных, предприимчивых людей иметь «свое» индивидуальное, как правило, семейное владение землей и другими средствами производства. Именно с учетом этого стремления и зарубежного опыта в России трудами И.Т. Посошкова, членов Императорского вольного экономического общества, реформаторскими начинаниями М.М. Сперанского создавалась теоретическая база для проведения сначала половинчатой крестьянской реформы 1861 г., а в начале XX в. – радикальных аграрных преобразований П.А. Столыпина.

Эти преобразования были направлены на окончательное разрушение сохранившихся феодальных порядков полукрепостнического аграрного строя, представленного общиной с ее уравнительным переделом земель, круговой порукой, сословной замкнутостью и другими, по словам В.И. Ленина, «реакционными» чертами. Община лишала прирожденных земледельцев, «культурных» хозяев важнейшей общечеловеческой ценности – права частной собственности, следовательно, свободного, предпринимательского труда. Одновременно она закрывала путь к становлению и эффективному развитию добровольных сельскохозяйственных кооперативов, на подлинно демократических основах объединяющих этих хозяев, т.е. самостоятельных членов – собственников земли и других средств производства.

Современное российское крестьянство получило отвечающее фундаментальным постулатам аграрной теории конституционное право частного ведения хозяйства на земле. К сожалению, как отмечено выше, во многом это право реализуется в форме условных земельных долей, хотя законодательно закреплен стратегический курс на становление рыночной социальной структуры аграрного сектора страны. Завершение этого процесса и превращение сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы России в индустриально развитое и социально обустроенное структурное подразделение народного хозяйства зависит от того, насколько аграрная политика государства будет соответствовать положениям подлинно научной аграрной теории, реализуемой в практике аграрных отношений во всех развитых странах мирового сообщества. Пока эта политика далеко не отвечает

указанным положениям, хотя нынешние российские власти ориентируются на использование опыта этих стран, являющихся, как и Россия, членами ВТО.

Общим слабым звеном проводимой аграрной политики является ее крайнее несоответствие принципам аграрного протекционизма, объективно обусловленного рядом причин. Во-первых, специфическими условиями ведения сельского хозяйства, его зависимостью от природных факторов, низкой привлекательностью для частных инвесторов. Во-вторых, производством жизненно важного, незаменимого вида продукции первой необходимости – продовольствия. Вследствие введения (до и после НЭПа) пресловутой антикрестьянской политики «перекачки» сельское хозяйство России неизбежно отбрасывалось в состояние глубокого аграрного кризиса. По этой причине оно и до сих пор не может выйти на интенсивный путь своего развития, на инновационную стратегию, а потому не способно обеспечить своими российскими продуктами питания население нашей страны, ослабляя тем самым общую национальную безопасность России, испытывающей беспрецедентную зависимость от импорта продовольствия [5]. И сколько бы сейчас ни говорили об успехах в сельском хозяйстве, ссылаясь на экспорт зерна, отрасль не преодолела возникшего в начале нынешних реформ провала, сопоставимого с последствиями коллективизации.

Последствия этого провала властями России должным образом не оценены, а меры и механизмы его решительного преодоления в общем направлении радикальных социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве не получили полномасштабного отражения ни в стратегии аграрной политики, и соответственно в Государственных программах развития отрасли на 2008–2012 и 2013–2020 гг., ни в принятой в 2010 г. Доктрине продовольственной безопасности страны. Что касается зернового «флюса» в структуре сельского хозяйства как источника экспорта зерна (в 2013 г. в объеме около 16 млн т), то на фоне резкого отставания животноводства соответствующие показатели являются отражением запредельных диспропорций и перекосов в этой структуре. Масштабный структурный дисбаланс приходится восполнять импортом продукции животноводства, эквивалентным 18 млн т зерна и общим беспрецедентным за всю российскую историю продовольственным импортом часто низкосортной, просроченной продукции на сумму 42 млрд долл. (2012 г.), превышающим объем товарной продукции собственного сельского хозяйства, в закупочных ценах, и являющимся (вместе с экспортом $\frac{4}{5}$ производимых в стране минеральных удобрений) прямой поддержкой зарубежных фермеров.

На деле это означает, что Россия «сбилась» с провозглашенного и начатого 50 лет назад безальтернативного, теоретически обоснован-

ного и практически проверенного в мире курса на интенсификацию, как главный путь эффективного и устойчивого развития сельского хозяйства. Правда, Президент РФ В.В. Путин в статье «О наших экономических задачах» (Ведомости. 2012, 30 янв.) заявил, что направить развитие сельского хозяйства страны на этот путь можно, если следовать аграрной политике «всех развитых стран», основанной, как показывает анализ, на прочной теоретической базе, следовательно, на интенсивных факторах производства, на инновационной стратегии развития. А что показывают сравнительные показатели этих стран, в частности, упомянутых выше США и других стран – членов ВТО, с российскими показателями? Они показывают, что на основе интенсификации, осуществляемой в рамках активной протекционистской аграрной политики, фондооснащенность в расчете на гектар обрабатываемых земель и, соответственно, урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота в 2–3 и более раз выше, чем в сельском хозяйстве России.

Совершенно очевидно, что прогрессивный мировой опыт в интенсификациях сельского хозяйства – результат совсем другой аграрной политики, базирующейся на объективных закономерностях социально-экономического развития, т.е. на прочной научной основе. Призывать к нему, но ничего не менять, оставляя сельское хозяйство страны в состоянии глубокого системного кризиса, или ограничиваться полумерами, общими призывами и декларациями типа Доктрины продовольственной безопасности – значит, не задумываясь о последствиях, продолжать и далее идти по пресловутому, толком никем не объясненному «особому российскому» пути, с его во многом советской «спецификой», в своеобразных формах трансформировавшейся в структуру нынешней вертикали власти с ее тем же «административным» ресурсом и волевыми непрофессиональными решениями, которые с особым «размахом» реализуются в проведении аграрной политики.

В условиях, когда такие решения или благовидные декларации стали нормой, надеяться, что сельское хозяйство может выйти из трясины затянувшегося глубокого системного кризиса, значит предаваться иллюзиям. Преодолеть этот кризис возможно, судя по опыту всех развитых стран, лишь в рамках теоретически выверенной и подтвержденной этим опытом протекционистской модели аграрных отношений, как необходимого условия действительной модернизации и осуществления последовательной интенсификации сельского хозяйства. Изобретать здесь какие-то особые «российские» псевдотеоретические конструкции, которые согласно поэтической притче, «умом не понять» и в которые надо бездумно «только верить», и втискивать в эти конструкции реальную экономическую, в том числе аграрную политику, – это путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и для страны в целом.

Изложенные теоретико-методологические основы становления и развития социально ориентированной рыночной системы аграрных отношений обуславливают необходимость целенаправленного формирования и проведения адекватной этим основам аграрной политики. Определяющим условием перехода к такой политике является экономическое и правовое обеспечение ее активной протекционистской составляющей, характерной для всех развитых стран. Нормативно-правовой базой реализации этого условия могли бы стать соответствующие изменения в аграрном и бюджетном законодательстве с их предметным отражением в специальной программе или особом разделе Государственной программы развития сельского хозяйства и рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. К сожалению, таких изменений в Госпрограмме сельского развития на 2013–2020 гг. не предусмотрено, что создает серьезные и очевидные риски не только для сельского хозяйства, но и для страны в целом и далее, спотыкаясь на каждом шагу, следовать по ухабам и трясинам загадочного и непредсказуемого «особого российского пути».

Литература

1. Абалкин Л.И. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. 2009. № 9.
2. Маккеннелл К., Брю С. Экономикс. Т. 1. Изд-во «Республика», 1992.
3. Буздалов И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления. М.: Academia, 2005.
4. Шмелев Г.И. Аграрная теория и аграрная политика России в XX веке. М.: Наука, 2000.
5. Жученко А.А. Вызовы XXI столетия мировой и отечественной продовольственной безопасности // Агропродовольственная политика России. 2012. № 1.

И.С. БУКИНА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭ РАН

В.Е. МАНЕВИЧ

доктор экономических наук, заведующий сектором ИЭ РАН

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ДЕНЕЖНО-ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Приведены результаты анализа текущей макроэкономической ситуации в российской экономике, сложившейся под воздействием как спонтанных процессов, так и проводимой экономической политики – ценовой, структурной, внешнеэкономической, финансовой, денежно-кредитной. Авторы исследуют результаты циклической динамики цен, неуправляемого роста спроса на иностранные активы и обязательства, роста внутреннего долга в условиях профицита, бюджетной и денежной рестрикции. Дается оценка роли внешних факторов в возникновении современной рецессии.

Ключевые слова: *цены, бюджет, кредит, банки, платежный баланс.*

Классификация JEL: E500, E600.

Макроэкономическая ситуация в российской экономике в истекшем периоде 2013 г. характеризовалась резким замедлением роста валового внутреннего продукта, который за I полугодие вырос всего на 1,4 против 4,5% в 2012 г. и 3,5% в 2011. При этом динамика различных компонентов использования валового внутреннего продукта резко расходилась: расходы на потребление выросли на 4%, инвестиции в основной капитал сократились на 1,4%.

Не менее тревожным представляется падение рентабельности (как активов, так и проданной продукции) ряда базовых отраслей, что непосредственно ведет к сокращению доходов федерального и консолидированного бюджета. В качестве наиболее очевидной причины снижения рентабельности можно назвать рост заработной платы, опережающий рост выпуска и производительности труда. Реальная заработная плата в январе–октябре 2013 г. составила 105,5% от уровня соответствующего периода 2012 г., тогда как валовая добавленная стоимость, произведенная в базовых отраслях, практически не выросла. Очевидно, что рентабельность базовых отраслей должна была снизиться.

Влияние опережающего роста заработной платы на рентабельность предприятий в тех или иных видах деятельности определяется сочетанием темпа роста номинальной заработной платы и темпа роста цен производителя в данном виде деятельности. Опережающий рост

цен в сырьевых отраслях не только компенсировал рост их издержек, но и явился одним из решающих факторов (наряду с ростом оплаты труда) повышения издержек в обрабатывающих отраслях, и, следовательно, падения их рентабельности¹.

1. Специфика механизма цикличности и долговременные тенденции в российской экономике

Динамика цен в российской экономике носит явно выраженный циклический характер. Данные, приведенные в табл. 1, позволяют заключить, что опережающий рост цен на продукцию добывающих отраслей, на нефтепродукты и электроэнергию предшествовал кризису 2008 г. и, после резкого снижения в 2008 г., продолжался весь период, последовавший за кризисом. Исключение представляют 2003 и 2006 гг., когда, по-видимому, под давлением государственного регулирования, цены на энергоносители для внутреннего потребления несколько снизились. Именно в эти годы достигались максимальные за рассматриваемый период темпы роста ВВП.

Падение цен на топливно-энергетические ресурсы во время кризиса дает импульс росту обрабатывающих отраслей в период после кризиса (следует отметить, что аналогичная ситуация сложилась и во время кризиса 1998 г., когда цены на энергоносители резко снизились на внешнем и на внутреннем рынках). Однако затем наблюдается опережающий рост цен на топливо и энергию, который неизбежно, хотя и с некоторым временным лагом, вызывает снижение рентабельности обрабатывающих отраслей. В течение нескольких лет этот эффект гасится вследствие расширения выпуска в обрабатывающих отраслях, но в конце концов, в силу нарастающего кумулятивного воздействия роста издержек, происходит резкое падение их рентабельности. Соответственно, падают и доходы бюджета.

Так в I полугодии 2013 г. поступления по налогу на прибыль организаций составили 995,4 млрд руб. против 1297,7 млрд руб. в I полугодии 2012 г., т.е. снизились в номинальном выражении почти на четверть (на 23,3%), а в реальном выражении – почти на треть. Прирост доходов бюджета от обложения добычи и экспорта энергоносителей в принципе не может уравновесить потери от падения рентабельности

¹ Так, в обрабатывающих отраслях за январь–сентябрь 2013 г. темп роста номинальной заработной платы составил 110,8%, индекс цен – 102,6%, индекс промышленного производства – 99,7% по сравнению с соответствующим периодом 2012 г. При этом сальдированный финансовый результат сократился на 31,7% по сравнению с январем–сентябрем 2012 г. *Источник:* Социально-экономическое положение России: Доклад ФСГС. М., январь–сентябрь 2013 г.; январь–октябрь 2013 г. (gks.ru).

Таблица 1

Индексы цен производителей по отдельным видам экономической деятельности в РФ 2002– 2012 гг. (в %, декабрь к декабрю предшествующего года)

	2002	2003	2004	2005	2006	
Добыча полезных ископаемых	125,8	101,8	164,7	131,0	101,6	
Обрабатывающие производства	113,2	115,8	121,5	108,1	113,3	
Производство пищевых продуктов	110,1	116,3	112,8	104,3	108,1	
Производство нефтепродуктов	117,8	111,7	150,6	126,7	103,1	
Производство машин и оборудования	111,4	109,8	114,4	110,4	110,5	
	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Добыча полезных ископаемых	152,3	61,6	149,2	117,1	126,3	109,3
Обрабатывающие производства	117,9	101,9	105,9	116,9	108,3	103,2
Производство пищевых продуктов	120,0	112,3	106,8	114,3	101,8	107,4
Производство нефтепродуктов	142,2	72,3	128,9	120,4	117,6	109,6
Производство машин и оборудования	113,9	118,5	103,7	105,5	105,4	104,1

других отраслей, поскольку эти потери носят кумулятивный характер: они нарастают от передела к переделу.

За январь–сентябрь *номинальные* доходы консолидированного бюджета составили 104,4% от соответствующего периода 2012 г., а в *реальном выражении* (по ИПЦ) они снизились на 2,3%. В третьем квартале 2013 г. доходы бюджета, по-видимому, продолжали поступать меньшими темпами, чем прогнозировалось, о чем свидетельствует намеченный правительством секвестр расходов.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы о специфике механизма цикличности российской экономики, заключающейся, во-первых, в *неравномерном повышении оплаты труда по мере снижения безработицы в разных видах деятельности* (опережающий рост оплаты труда в рентообразующих отраслях), во-вторых, в цикличности колебания цен на первичные ресурсы².

Циклические процессы в российской экономике протекают на фоне долговременных тенденций, как общих для мировой экономики, так и специфичных для России. К числу последних можно отнести четко выраженную тенденцию к снижению эффективности дополнительных инвестиций, особенно в добывающих отраслях.

² После кризиса 2008 г. в экономической периодике появился ряд интересных исследований признаков цикличности динамики российской экономики, однако большинство из них посвящены построению индикаторов, позволяющих обнаружить приближение экономического спада. Первые попытки содержательного анализа механизма цикличности в российской экономике содержатся в статьях: Райская Н.Н., Сергиенко Я.В., Френкель А.А. [1]; Смирнов С.В. [2].

Таблица 2

Капиталоемкость прироста выпуска 2003–2012 гг. (данные по РФ, млрд руб.)

		2003	2004	2005	2006	2007	2010	2011	2012
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых									
1	Валовые инвестиции в основной капитал, в ценах 2003 г.*	315,6	351,4	353,1	450,3	520,1	550,9	550,5	590,4
2	Темп прироста производства, %	10,3	7,7	2,0	2,7	2,6	3,1	1,3	1,2
3	Цепной индекс роста, 2002=100	110,3	118,8	121,1	124,4	137,6	141,9	143,7	145,4
4	Удельная капиталоемкость 1% прироста выпуска** 1/2/3х100	27,8	38,4	145,8	134,1	145,4	125,2	294,7	338,4
Обрабатывающие производства									
5	Валовые инвестиции в основной капитал, в ценах 2003 г.*	341,9	411,5	469,2	529,1	611,9	562,8	651,6	590,3
6	Темп прироста производства, %	10,3	10,5	7,6	8,4	10,4	11,8	6,5	4,1
7	Цепной индекс роста 2002=100	110,3	121,9	131,2	142,2	157,0	149,6	159,3	165,8
8	Удельная капиталоемкость 1% прироста выпуска*** 5/6/7х100	30,1	32,1	47,1	44,3	37,5	31,9	62,9	86,8

* В качестве дефлятора принят цепной индекс-дефлятор накопления основного капитала.

**Для того чтобы сделать соизмеримой капиталоемкость 1% прироста выпуска в разные годы, результат деления валовых инвестиций на темп прироста (строка 1/строка 2) делится на цепной индекс выпуска (строка 3).

***Для того чтобы сделать соизмеримой капиталоемкость 1% прироста выпуска в разные годы, результат деления валовых инвестиций на темп прироста (строка 5/строка 6) делится на цепной индекс выпуска (строка 7).

В табл. 2 представлены данные о валовых инвестициях и темпах прироста производства в добыче топливно-энергетических ресурсов и обрабатывающих отраслях российской экономики за 2003–2007 гг. и 2010–2012 гг. (кризисные 2008 и 2009 гг. мы пропускаем). Динамика отношения валовых инвестиций к темпам прироста выпуска дает представление об изменении капиталоемкости прироста в добывающих и обрабатывающих отраслях. Всего за 7 лет капиталоемкость прироста добычи топливно-энергетических полезных ископаемых выросла более чем на порядок (в 12 раз), тогда как капиталоемкость прироста выпуска в обрабатывающих отраслях – в 2,9 раза.

Стремительный рост валовых инвестиций при весьма умеренном росте добычи топлива свидетельствует о том, что все большие вложения требуются для поддержания достигнутого уровня производства, а возможности эффективного расширения выпуска исчерпаны. При этом Россия экспортирует половину добываемой нефти, половину производимых нефтепродуктов и более четверти добываемого газа.

Темпы роста, модернизации экономики и социального развития были бы намного выше и устойчивее, если бы основная часть инвестиций направлялась на решение социальных задач, развитие инфраструктуры, развитие науки и технологии.

2. Внешнеэкономические факторы рецессии

В экономической периодике и в заявлениях высших чиновников нередко высказывается утверждение, что спад в российской экономике связан с внешними факторами. Однако как показывают данные Платежного баланса за первые три квартала 2013 г., драматических изменений в сфере внешнеэкономической деятельности в текущем году не произошло. Правда, средняя экспортная цена нефти несколько снизилась (со 111,7 в I полугодии 2012 г. до 106,5 долл. за баррель в I полугодии 2013 г., т.е. на 4,7%), и, соответственно, снизился номинальный объем экспорта (на 2%). Однако данное снижение никак нельзя назвать драматическим. Эффекты колебаний такого масштаба в цене нефти и стоимости экспорта должны гаситься увеличением или уменьшением отчислений в стабилизационные фонды и валютные резервы, и в принципе не должны оказывать существенного влияния на внутреннюю экономику.

Правда, прирост валютных резервов оказался близким к нулю, но и в этом нет ничего драматического, особенно если учесть огромные накопленные избыточные резервы.

Номинальный объем чистого вывоза капитала сократился (с 35,9 млрд долл. в I полугодии 2012 г. до 27,9 млрд долл. в I полугодии 2013 г.), в то же время резко вырос *валовой* объем как ввоза, так и вывоза капитала. Ввоз капитала увеличился в 3,4 раза, вывоз – более чем в 2 раза. При этом абсолютные значения прироста ввоза и вывоза капитала были весьма близки: ввоз капитала увеличился на 78,9 млрд, вывоз – на 70,8 млрд долл. Как отмечают авторы доклада ЦБ, «Основной причиной роста чистых активов и обязательств стало проведение российскими компаниями крупных сделок слияния и поглощения, а также привлечение финансовых ресурсов под их осуществление»³.

³ «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов». С. 9. Официальный сайт Банка России. www.cbr.ru.

Дальнейшее увеличение внешней задолженности российских корпораций и рост доходов, выплачиваемых иностранцам, – это, пожалуй, единственное существенное изменение, которое может в перспективе оказать влияние на внутренние макроэкономические процессы.

3. Федеральный бюджет: профицит в условиях фискального кризиса

Денежное предложение Центрального банка складывается под воздействием не только платежного баланса, но и текущего состояния бюджета. Законом «О федеральном бюджете на 2013 г. и плановый период 2014–2015 гг.» утвержденное значение доходов на 2014 г. составляло 14 063,4 млрд руб.⁴, а Законом «О федеральном бюджете на 2014 г.<...>» планируются поступления в объеме 13 570,5 млрд руб.⁵, т.е. на 3,5% меньше. Также снижены планируемые объемы расходов федерального бюджета – примерно на 247 млрд руб. (1,7% от прошлогоднего плана) и предполагается более высокий уровень бюджетного дефицита – 0,5% ВВП вместо 0,2%.

Тенденция снижения доходов федерального бюджета появилась уже в 2013 г. Несмотря на традиционный рост доходных поступлений во II квартале года, объем доходов во II квартале 2013 г. по сравнению с соответствующим периодом 2012 г. сократился не только в реальном, но и в номинальном выражении. Падение доходов наблюдается по всем основным статьям, в номинальном выражении заметно снизились поступления нефтегазовых доходов – НДСПИ и вывозных таможенных пошлин, а также доходы от прочих налогов, включая налог на прибыль в доле, поступающей в федеральный бюджет.

Снижение нефтегазовых доходов, как обычно представляется, вызывается снижением цены нефти, средние значения которой в I и II кварталах прошлого года составляли соответственно 117,3 и 106,5 долл. за баррель, а в 2013 г. – 111,1 в I квартале и 102,0 долл. во II квартале. Однако следует заметить, что во II квартале 2012 г. по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. средняя цена нефти была ниже примерно на 7%, но тогда это не привело к сокращению нефтегазовых доходов бюджета. Напротив, они выросли почти на 20% в номинальном выражении и примерно на 10,8% в реальном выражении.

⁴ Федеральный закон от 03.12.2012 № 216-ФЗ (ред. от 07.06.2013) «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов». [Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»].

⁵ Федеральный закон от 02.12.2013 № 349-ФЗ «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» [Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»].

Таким образом, зависимость доходов федерального бюджета от цены нефти в последние годы не столь очевидна. Стандартный статистический анализ ежемесячных поступлений нефтегазовых доходов и среднемесячных цен нефти с января 2010 г. по сентябрь 2013 г. не обнаруживает значимой зависимости между колебаниями цен и динамикой доходов бюджета⁶. Следовательно, динамика поступлений нефтегазовых доходов определяется рядом других, не столь очевидных факторов⁷, требующих глубокого системного анализа. Тем не менее по сложившейся бюджетной традиции одним из основных параметров будущего финансового плана остается цена нефти.

В I квартале года федеральный бюджет обычно сводится с небольшим дефицитом, который связан с сезонным сокращением доходов и поступлений в бюджеты всех уровней. Этот формальный дефицит перекрывается дополнительными доходами, так что фактически формируется не дефицит, а избыток бюджета, который используется для прироста остатков на счетах бюджета. В I квартале 2013 г. фактический избыток бюджета использовался также для погашения внутреннего долга.

Во II квартале федеральный бюджет сводится с крупным избытком, который почти целиком оседает на счетах бюджета в ЦБ и коммерческих банках. Аналогичная картина наблюдается и в III квартале. В целом за 9 месяцев как 2012, так и 2013 гг. федеральный бюджет был сведен с крупным избытком, который почти полностью оседал на счетах бюджета. Соответствующие данные приведены в табл. 3.

Бюджетный избыток, накапливаемый в течение трех первых кварталов года, оказывает тормозящее воздействие на экономическую динамику. Видимо, речь должна идти о том, чтобы добиться большей равномерности в поступлении доходов и осуществлении расходов бюджета и задействовать дополнительные источники финансирования бюджетного дефицита.

В 2011 и 2012 гг. Минфин, несмотря на крупный избыток бюджета в течение трех первых кварталов года, осуществлял масштабные внутренние и внешние заимствования. В I квартале 2013 г. эта политика, как могло показаться, была молчаливо пересмотрена:

⁶ Основная проблема, как представляется, заключается в том, что все построенные регрессии с введением нефтегазовых доходов (в реальном выражении) как зависимой переменной характеризуются наличием автокорреляции остатков. Данная проблема остается вне зависимости от способов коррекции сезонности, исключения периодов с необъяснимыми «выбросами» доходов, использования относительных величин и методов оценивания (анализ проводился с использованием пакета EViews).

⁷ Исследовались различные множественные регрессии с включением показателей: индекс производства в деятельности по добыче топливно-энергетических ископаемых, индекс промышленного производства, прибыль организаций, ставка НДС.

Таблица 3

**Формирование и использование избытка федерального бюджета РФ
в январе–сентябре 2012 и 2013 гг., млрд руб.***

	январь– сентябрь 2012 г.	январь– сентябрь 2013 г.
Формирование избытка федерального бюджета		
Объявленный профицит	671,2	652,9
Прирост внутреннего долга	277,7	110,5
Доходы от приватизации	6,7	20,2
Переоценка и продажа драгметаллов	9,9	5,7
Выигрыш на валютном курсе	–	360,8
Операции по управлению едиными счетами бюджета	433,0	378,1
Прирост внешнего долга	163,6	185,0
Статистическое расхождение	1,0	–
Итого: избыток федерального бюджета	1563,1	1713,2
Использование избытка федерального бюджета		
Прирост остатков на счетах бюджета	1375,9	1642,5
Бюджетные кредиты	2,9	27,7
Проигрыш на валютном курсе	88,5	–
Прочие внутренние расходы	9,3	7,3
Выплаты по иностранным кредитам	22,2	17,8
Прочие расходы за границей	64,3	16,1
Статистическое расхождение		1,8
Итого: использование избытка федерального бюджета	1563,1	1713,2
<i>Справочно**:</i> прирост остатков денежных средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния	4608,7	5643,2

* Рассчитано по данным ФТС. www.gks.ru.

** Рассчитано по данным Министерства финансов. minfin.ru.

Минфин не увеличивал, а сокращал государственный долг. Однако уже во II квартале масштабные заимствования Минфина на внутреннем фондовом рынке возобновились и нарастали в III квартале.

Прирост внутреннего государственного долга означает замещение государственными обязательствами тех или иных других активов частного сектора: либо иностранных активов, либо реальных инве-

стиций. Поскольку спрос на иностранные активы в 2012 и 2013 гг. не сокращался, остается предположить, что крупный прирост государственного долга вытеснял реальные инвестиции. Эффект вытеснения инвестиций (хорошо известный в экономической теории) сказывается с некоторым временным лагом, поэтому прирост долга в 2012 г. мог способствовать снижению инвестиций в 2013 г.

Формальным объяснением такой политики служит опасение дальнейшего снижения доходов бюджета и рисками резкого падения нефтегазовых доходов, в связи с чем будущий дефицит бюджета должен финансироваться за счет заимствований. Таким образом, в настоящее время производится «отработка» данного механизма, в том числе через развитие рынка государственных облигаций⁸.

Одновременно с этим в бюджете на очередной финансовый период уже заложено сокращение расходов по важнейшим направлениям социально-экономического развития. В первую очередь это касается решения о сокращении трансфертов Пенсионному фонду (почти на 20% в номинальном выражении относительно 2013 г.). В результате, в 2014 г. работающие граждане как минимум останутся без накопительной части пенсии, которая будет распределена в страховую часть. Кроме того, согласно «Основным направлениям бюджетной политики на 2014 год...», намечается устойчивая тенденция к сокращению доли расходов федерального бюджета на социальную политику и здравоохранение с одновременным ростом доли расходов на национальную оборону (соответственно 8,4% – в 2013 г., 9,6 – в 2014 г., 10,7 – в 2015 г. и 10,8% – в 2016 г.). В конечном итоге 18% расходов федерального бюджета к 2016 г. будут направляться на нужды ВПК и национальной безопасности.

4. Денежно-кредитная политика Банка России: жесткая рестрикция в условиях затухающего роста

Денежно-кредитная политика, проводимая Банком России, отчасти детерминирована состоянием платежного баланса и федерального бюджета. Это, однако, не означает, что ЦБ не обладает рычагами гибкого реагирования на негативные или позитивные процессы в реальном секторе, в области внешнеэкономических связей, в сфере государственных финансов. Тем не менее ЦБ в рассматриваемый период времени не столько воздействовал на складывающуюся ситуацию, сколько пассивно следовал за ней.

⁸ См.: «Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2013–2015 годы» (www.minfin.ru).

В России в течение последних 15 лет денежное предложение Центрального банка строилось в жесткой зависимости от покупки Банком избытка валюты, предлагаемой на внутреннем рынке. Нулевой прирост валютных резервов оборачивается нулевым приростом денежной базы, не смотря на то что даже слабый рост экономики и продолжающаяся инфляция требуют увеличения количества денег высокой эффективности. Кроме того, отказываясь от дополнительной эмиссии, ЦБ и правительство теряют один из важнейших ресурсов финансирования бюджетного дефицита и прямого воздействия на агрегированный спрос и экономическую активность.

Нужно также иметь в виду, что прирост валютных резервов формируется в результате не только покупки валюты Центральным банком, но также в результате отчислений в стабилизационные фонды. За 9 месяцев 2013 г. валютные резервы ЦБ сократились на 7,1 млрд долл., при этом отчисления в стабилизационные фонды составили 23,7 млрд долл. Это означает, что ЦБ не покупал, а *продавал* иностранную валюту на внутреннем рынке. Действительно, нетто-продажа валюты Банком России составила более 23,2 млрд долл. и 0,7 млрд евро. Следовательно, операции ЦБ на валютном рынке способствовали не расширению, а сжатию денежного предложения.

Кратко напомним, из чего складываются ресурсы Центрального банка и как они используются (или могут использоваться). Основными пассивами в балансе ЦБ являются, во-первых, прирост денежной базы, во-вторых, прирост остатков на счетах расширенного правительства. Прирост денежной базы в принципе определяется политикой ЦБ, прирост остатков на счетах бюджетов всех уровней зависит от финансовой политики правительства. Основные активы баланса ЦБ – это прирост иностранных активов, прирост кредитов банкам и правительству.

Однако группировка статей баланса ЦБ на ресурсы и направления их использования не вполне тождественна группировке на активы и пассивы. Совпадение двух этих группировок статей баланса ЦБ достигается только в том случае, если прирост всех активов и всех пассивов имеет положительное значение. Тогда прирост всех пассивов служит ресурсом для прироста активов. Однако допустим, что какая-либо статья актива ЦБ, например, кредиты, предоставленные коммерческим банкам, не увеличивается, а уменьшается. Это значит, что кредитные организации погасили часть задолженности перед Центральным банком, и, следовательно, ЦБ может использовать сумму погашения либо для других активных операций, либо для погашения собственных обязательств перед правительством или частным сектором. Таким образом, уменьшение того или иного актива нужно отнести к ресурсам, а уменьшение того или иного пассива (обязательства) – к направлениям использования ресурсов. С учетом этих пред-

варительных замечаний рассмотрим баланс ЦБ, сформированный не по пассивам и активам, а по ресурсам и направлениям их использования. Соответствующие данные представлены в табл. 4.

Как следует из табл. 4, в I полугодии как 2012 г., так и 2013 г. основным ресурсом ЦБ явился прирост остатков на счетах правительства, обусловленный главным образом избытком федерального и консолидированного бюджета. Как в 2012г., так и в 2013 г. часть ресурсов ЦБ использовалась для прироста иностранных активов, часть – уравновешивалась сокращением денежной базы. Однако были и существенные различия: в I полугодии 2012 г. более 1 трлн руб. (почти половина ресурсов ЦБ) было использовано для кредитования банков, что в значительной мере компенсировало сдерживающее влияние сокращения денежной базы на кредитную активность банков. Напротив, в течение I полугодия 2013 г. задолженность банков перед ЦБ сокращалась.

В третьем квартале, вероятно, в качестве реакции на неблагоприятные итоги I полугодия, ЦБ резко усилил кредитование коммерческих банков. Однако основным ресурсом кредитования коммерческих банков оставался прирост остатков на счетах бюджета, обусловленный нарастающим бюджетным избытком. Прирост денежной базы оставался незначительным, следовательно, качественного сдвига в политике ЦБ не произошло.

Таблица 4

**Аналитическое представление баланса ЦБ РФ
за I полугодие 2012 и 2013 гг., млрд руб.**

Ресурсы	2012	2013	Использование	2012	2013
Прирост обязательств перед расширенным правительством	2384	712	Прирост чистых иностранных активов	836	537
Уменьшение кредита правительству		3	Уменьшение денежной базы	515	790
Уменьшение кредитов банкам		399	Уменьшение других депозитов	98	5
Уменьшение кредитов другим секторам		4	Прирост кредитов банкам	1049	
Прирост других обязательств перед банками (помимо денежной базы)		45	Прирост кредита правительству	16	
Прирост капитала ЦБ	5	23	Прирост кредитов другим секторам	2	
Прирост прочих пассивов	127	206	Прирост прочих активов		60
Итого	2516	1392	Итого	2516	1392

Политику, проводившуюся ЦБ в I полугодии 2013 г., можно назвать вдвойне ограничительной: сжатие банковских резервов сопровождалось сокращением кредитования коммерческих банков Банком России. Неизбежным результатом такой политики является дефицит ликвидности в банковской системе и в экономике в целом, рост процентных ставок и торможение экономического роста. Третий квартал позволил несколько улучшить ситуацию, но, отчасти, за счет сжатия кредитования других секторов.

В докладе ЦБ, опубликованном в 2013 г.⁹ (также, как в докладе, опубликованном год назад), констатируется, что банковская система функционирует в условиях дефицита ликвидности. По мнению авторов докладов ЦБ, сокращение количества денег высокой эффективности обусловлено исключительно накоплением остатков на счетах бюджетов. Однако, как показывает анализ баланса ЦБ, прирост остатков на счетах правительства действительно может уравниваться сжатием денежной базы, но только в том случае, если приросту пассивов в балансе ЦБ не противостоит прирост кредитов и иностранных активов. Обострение структурной нехватки ликвидности в 2013 г. вызывалось непосредственно действиями ЦБ, а именно свертыванием кредитования коммерческих банков.

5. Кредитная активность коммерческих банков

Как ограничительная политика ЦБ сказывалась на кредитной активности банков? Для ответа на этот вопрос мы сопоставили аналитическое представление баланса кредитных организаций за I полугодие 2012 и 2013 гг. (см. табл. 5 и 6)¹⁰.

Как видно из данных этих таблиц, в I полугодии 2012 г. единственным крупным чистым кредитором банковской системы был ЦБ. Ресурсы *чистого* кредитования коммерческих банков Банком России складывались из прироста валовых кредитов ЦБ и сокращения обязательств ЦБ перед банками (сокращения резервов ликвидности). Основным чистым заемщиком у банковской системы явился сектор нефинансовых корпораций. Об интенсивности процессов перераспределения сбережений в пользу сектора нефинансовых корпораций свидетельствует также сокращение обязательств банков перед нефинансовыми корпорациями.

⁹ «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и плановый период 2015–2016 годов». Официальный сайт Банка России. cbr.ru.

¹⁰ Таблицы 5 и 6 рассчитаны по данным таблиц «Обзор кредитных организаций», размещаемых на официальном сайте Банка России. cbr.ru.

Таблица 5

**Аналитическое представление баланса кредитных организаций
в I полугодии 2012 г., млрд руб.**

	Активы банков	Пассивы банков	Чистое кредито- вание бан- ковской системы	Чистое заимствова- ние у бан- ковской системы
Остальной мир	440	493	53	
Правительство	92	-311		403
Центральный банк	-580	1050	1630	
Нефинансовые организации	1235	-178		1413
Домохозяйства	1098	893		205
Другие финансовые органи- зации	166	145		21
Капитал банков и другие пассивы		361	361	
Итого:	2452	2452	2043	2043

Таблица 6

**Аналитическое представление баланса кредитных организаций
в I полугодии 2013 г., млрд руб.**

	Активы банков	Пассивы банков	Чистое кредито- вание бан- ковской системы	Чистое заимствова- ние у бан- ковской системы
Остальной мир	1701	854		847
Правительство	-21	536	557	
Центральный банк	-786	-350	436	
Нефинансовые организации	1419	563		856
Домохозяйства	1137	1295	158	
Другие финансовые органи- зации	145	288	143	
Капитал банков и другие пассивы		409	409	
Итого:	3595	3595	1703	1703

Правительство в I полугодии 2012 г. также выступало как чистый заемщик, что отражало спорную (чтобы не сказать абсурдную) концепцию государственных заимствований («занимай и сберегай»). Остальной мир выступал в роли чистого кредитора, хотя и второстепенного. Следовательно, ресурсы банков не использовались для кредитования остального мира. Сектор домохозяйств выступал в роли

чистого заемщика, что было явной аномалией, потому что означало, что сектор домашних хозяйств не участвует в накоплении реального производственного капитала.

В I полугодии 2013 г. мы видим принципиально другую картину кредитной активности банков. Позитивные изменения заключаются в том, что правительство превращается из чистого заемщика в чистого кредитора, поскольку отказывается от массированных заимствований на внутреннем финансовом рынке (по крайней мере временно), а сектор домохозяйств и сектор небанковских финансовых организаций возвращают себе роль чистых кредиторов. Негативные изменения заключаются в том, что, *во-первых*, резко сокращается роль ЦБ как чистого кредитора, причем чистое кредитование банков Центральным банком достигается исключительно за счет сокращения резервов ликвидности при одновременном сокращении валовых кредитов, предоставляемых ЦБ. *Во-вторых*, остальной мир выступает теперь в роли чистого заемщика банковской системы, причем объем чистого кредитования остального мира поглощает половину ресурсов чистого кредитования и практически равен чистому кредитованию нефинансовых корпораций. В результате объем чистого кредитования банками нефинансовых корпораций *сократился* с 1413 до 856 млрд руб., т.е. в 1,7 раза.

В III квартале 2013 г. в кредитной активности коммерческих банков произошли определенные сдвиги. Банки расширяли кредитование внутренней экономики не только за счет средств ЦБ и правительства, но и за счет сокращения своих иностранных активов. Однако вполне возможно, что в то время как банки за счет сокращения своих иностранных активов увеличивали кредитование нефинансовых корпораций, последние, наоборот, наращивали вывоз капитала.

Домохозяйства в III квартале выступали как чистый заемщик, в результате по итогам первых трех кварталов *чистое* заимствование домохозяйств через банковскую систему составило примерно 0,6% ВВП.

Сокращение резервов ликвидности в течение I полугодия 2013 г. привело к повышению всего спектра процентных ставок и закономерному снижению инвестиционной активности нефинансовых предприятий. Ставка по кредитам нефинансовым организациям сроком более 1 года в истекшие кварталы 2013 г. держалась на уровне 11–12%. По сравнению с 2011 г. ставка по долгосрочным кредитам в 2013 г. выросла почти в 2 раза. Этот факт в значительной мере объясняет замедление роста инвестиций в 2012 г. и их абсолютное сокращение в I полугодии 2013 г.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам выделить следующие ключевые факторы, способствующие стагнации российской экономики.

1. Ценовая и тарифная политика сырьевых монополий и правительства ведет к ценовым диспропорциям между сырьевыми и перерабатывающими отраслями и к кумулятивному снижению рентабельности, нарастающему от передела к переделу.

2. Растет неуправляемый спрос на иностранные активы, финансируемый в решающей степени за счет внешних заимствований. Эти заимствования ничего не дают российской экономике, но обременяют ее выплатами по внешним обязательствам.

3. Долговая политика Минфина, не связанная с реальными потребностями финансирования дефицита, отвлекает ресурсы от реальных инвестиций и создает напряжение на фондовом рынке, вызывает повышение ставки по долгосрочным кредитам.

4. Сжатие расходов бюджета сдерживает рост агрегированного спроса, замораживает часть доходов, поступающих в бюджет. Профицит бюджета, который искусственно поддерживается в течение трех кварталов года, является «встроенным тормозом» роста экономики.

5. Политика денежной и кредитной рестрикции, проводимая Центральным банком, генерирует дефицит ликвидности в экономике, повышает весь спектр процентных ставок. Эмиссионный доход, который мог бы направляться на финансирование расходов бюджета и предоставление банкам ресурсов кредитования, не используется вовсе.

Все названные выше факторы сказываются на процессах перераспределения сбережений институциональных секторов, протекающих преимущественно через систему коммерческих банков. Чистое кредитование нефинансовых корпораций другими секторами экономики сократилось в I полугодии 2013 г. вдвое (по сравнению с соответствующим периодом 2012 г.). Примерно половину ресурсов банков поглощал прирост иностранных активов.

Торможение российской экономики на современном этапе объясняется не столько внешними причинами, сколько проводимой экономической политикой – ценовой, структурной, внешнеэкономической, финансовой, денежно-кредитной, политикой доходов – резко снижающей возможности и потенциал роста нашей страны и требующие ее системного пересмотра.

Литература

1. Райская Н.Н., Сергиенко Я.В., Френкель А.А. Использование интегральных индексов в анализе циклических изменений российской экономики // Вопросы статистики. 2009. № 12. С. 8–12.
2. Смирнов С.В. Циклические колебания промышленного производства в США и России: причины различий // Экономический журнал ВШЭ. 2010. № 2. С. 185–201.

И.А. КВАШНИНА

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

В.П. ШУЙСКИЙ

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассмотрены возможности использования в России зарубежных технологий и прямых иностранных инвестиций для осуществления реиндустриализации. Показаны основные причины, препятствующие внедрению иностранных технологий. Предложены меры по стимулированию импорта инвестиционного оборудования и технологий и по привлечению прямых иностранных инвестиций в технологичные производства.

Ключевые слова: *реиндустриализация, импорт технологий, прямые иностранные инвестиции.*

Классификация JEL: F21, O14, O33.

Мировой опыт знает немало примеров масштабной индустриализации, опирающейся на использование зарубежных технологий. России, видимо, также не удастся поднять свое машиностроение и существенно продвинуться в создании и развитии новых высокотехнологичных производств без широкого использования передовых иностранных технологий. В этой связи необходимо выяснить, насколько эффективно используются возможности внешнеэкономических связей страны для привлечения передовых иностранных технологий на цели реиндустриализации¹. В частности, представляется важным проследить, как функционируют главные каналы привлечения зарубежных технологий в Россию – импорт, покупка лицензий, прямые иностранные инвестиции в обрабатывающую промышленность.

¹ Под реиндустриализацией понимается восстановление отраслей промышленности традиционных укладов на новой технологической основе.

Российский импорт как канал доступа к зарубежным технологиям

В настоящее время Россия недостаточно использует импорт как канал получения технологий. Потребительский характер российского импорта выявляется при его сравнении с другими странами, решающими сходные проблемы развития. К примеру, в импорте Китая, Индии, Бразилии доля инвестиционных товаров намного превышает долю потребительских². Российский импорт пока не стал действенным инструментом ускорения научно-технического прогресса, модернизации производственного и технологического потенциала. Однако прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. исходит из того, что уже в ближайшие три года доля инвестиционных товаров в российском импорте возрастет до 27%³.

При этом увеличение удельного веса инвестиционных товаров является избирательным и разноскоростным для разных видов оборудования. Лидером по темпам роста должно стать металлообрабатывающее оборудование, с помощью которого можно в дальнейшем уменьшить зависимость от зарубежных поставок. Ввоз прочих видов оборудования, по которым отечественные производители имеют перспективы увеличения доли на внутреннем рынке, необходимо сдерживать. А с помощью импорта передовых зарубежных технологий следует поднимать такие важные, но отставшие в технологическом отношении, отрасли как станкостроение, электроника, нефтепереработка, фармацевтическая промышленность, приборостроение. В свою очередь наиболее готовыми к импортозамещению являются отрасли тяжелого и энергетического машиностроения, где пока сохранилась значительная часть научного потенциала. К достаточно быстрому развитию производства готовы также отрасли транспортного и сельскохозяйственного машиностроения, использующие фактор сборочных производств.

В настоящее время Россия подавляющую часть технологий импортирует в виде машин и оборудования. Между тем, как показывает мировой опыт, в отдельных случаях импорт технологий в «чистом» виде (в форме патентов, лицензий и ноу-хау) имеет ряд преимуществ по сравнению с импортом «овеществленной» технологии. Лицензионные соглашения, помимо экономии валютных средств, позволяют

² International Merchandise Trade Statistics 2007-2012, UNITED NATIONS. Comtrade.un.org.

³ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов. С. 413. economy.gov.ru/macro/prognoz/doc2013.

получать от продавца ценные ноу-хау и содействие в совершенствовании лицензионной продукции, в ее реализации на зарубежных рынках. Кроме того, подобное соглашение может стать исходной базой для новых отечественных разработок. По оценкам экспертов, в середине прошлого десятилетия на базе лицензионных соглашений производилось свыше половины выпускаемой в мире продукции машиностроения [1, с. 35]. Именно за счет лицензий и ноу-хау Япония, Южная Корея, Сингапур и другие страны ЮВА преодолели технико-экономическое отставание от развитых стран.

Разрабатывая стратегию и тактику закупок иностранных технологий, следует учитывать специфику торговли такими товарами. Если производители прочих товаров расширяют и поддерживают свой экспорт, то обладатели технологий, особенно в неовещественном виде, отдают себе отчет в том, что любая инновационная технология предоставляет конкурентное преимущество на рынке. Желание передать технологию вовне появляется только после того, как она переходит в более зрелую стадию и владелец уже не может «снимать сливки» с рынка. В этот момент наиболее рациональным решением становится ее продажа и получение дополнительных прибылей за счет оказания комплекса профессиональных услуг по техподдержке, эксплуатационному обслуживанию и ремонту.

За последние 10–15 лет круг мировых экспортеров технологий в овещественном виде (в форме машин, оборудования, инструментов, различных приборов) значительно расширился. К развитым странам присоединилась большая группа развивающихся – Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Китай, Бразилия, Мексика. В 2011 г. на долю развивающихся стран приходилось более 40% мирового экспорта машин и оборудования⁴.

Рынок неовещественных технологий, в отличие от рынка машин и оборудования, практически полностью принадлежит развитым странам. Около 75 % экспорта чистых технологий приходится на пять стран – США, Япония, Германия, Великобритания, Франция⁵. США задают тон в международной торговле технологиями. Именно под давлением США, ЕС и Японии в 1995 г. было подписано Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS), которое затем было инкорпорировано в свод правил ВТО и сейчас является основным регулятором в этой сфере. Под влиянием тех же США в международной торговле технологиями утвердился принцип, согласно которому трансферт технологий невозможен без наличия у принимающей стороны эффективной системы защиты прав интеллектуаль-

⁴ International Merchandise Trade Statistics 2011. UN. Table F.

⁵ World Development Indicators 2012. World Bank. P. 332–334.

ной собственности. Помимо TRIPS торговля технологиями подпадает под действие Вассенаарских соглашений по контролю за экспортом обычных вооружений и технологий «двойного применения». Каждое государство само определяет, что из подобных товаров и технологий оно готово продавать и кому. Фактически это новая форма известного КОКОМ. Опираясь на это соглашение, США регулярно определяют список критических технологий, трансферт которых ограничен.

Сравнительно малые объемы ввоза технологий в Россию по каналам международной торговли (как в овеществленном, так и неовеществленном виде) объясняются их низкой востребованностью со стороны большинства российских предприятий. В условиях слабого развития конкуренции на внутреннем рынке они не испытывают органичной потребности в систематическом обновлении выпускаемой продукции и используемого оборудования. Неблагоприятный инвестиционный климат, отсутствие эффективных стимулов инновационного развития отрицательно сказываются как на инвестиционной активности, так и на объемах ввоза в страну зарубежных технологий.

Широкомасштабная модернизация и диверсификация отечественной экономики, на наш взгляд, не может быть реализована спонтанно, посредством рыночных механизмов саморегулирования. Она может стать успешной только в том случае, если будет проводиться в рамках промышленной политики, а во главе этого процесса будет стоять государство. Именно государство должно сформировать необходимые экономические и институциональные условия для перевода экономики в новое качественное состояние. Главное из этих условий – создание достаточной экономической мотивации у хозяйствующих субъектов для активного участия в проектах модернизации отечественной обрабатывающей промышленности и экономики в целом. Особое место в ряду необходимых мер должно занять восстановление налоговой инвестиционной льготы. Целесообразно было бы также осуществить меры по облегчению импорта промышленного оборудования, не производимого в стране. В частности, можно было бы временно (на 5–7 лет) снизить ставки ввозных пошлин на такое оборудование до нулевых значений, даже в тех случаях, когда это не предусмотрено обязательствами России перед ВТО. Подобное снижение уже практиковалось в предкризисный период. Следует также восстановить практику отмены обложения налогом на добавленную стоимость технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных частей к нему), аналоги которого не производятся в России.

Технологической модернизации обрабатывающих отраслей могло бы способствовать и расширение возможностей их кредитования. Развернуть коммерческие банки в сторону финансирования инвестиций в основные фонды предприятий обрабатывающей промышленности

можно было бы путем передачи в управление Банку развития определенной части золотовалютных резервов государства. Это было бы рациональным решением, учитывая, что нынешний объем резервов, по оценкам экспертов, является чрезмерным. Указанная система мер должна быть частью общей научно-технической и промышленной политики страны. В рамках данной политики, на основе имеющихся у отечественных разработчиков заделов и общих перспектив НТП в мире, должны быть определены приоритетные для разработок собственными силами технологии и виды оборудования. Также необходимо определить технологии и оборудование, ввоз которых в страну должен стимулироваться. Эта политика должна быть разработана таким образом, чтобы не пострадали ни отечественный сектор исследований и разработок, ни отечественная промышленность, ни технологическая безопасность страны в целом.

Перевооружение отечественного машиностроения потребует огромного количества металлообрабатывающего оборудования. Между тем в настоящее время российская станкостроительная промышленность в состоянии обеспечить ввод в действие всего 5–6% устанавливаемого оборудования⁶. Поэтому в настоящее время невозможно переоснащение отечественного машиностроения за счет российской станкостроительной промышленности, даже абстрагируясь от технологического уровня устанавливаемого оборудования. Таким образом, на ближайшие годы импорт останется важным источником технологического переоснащения российского машиностроения. Гражданские отрасли, очевидно, не будут испытывать особых препятствий в доступе к большинству видов металлообрабатывающего оборудования, включая самые сложные. Однако в специальном станкостроении, связанном с оборонным комплексом, с космической и атомной отраслями, определенные трудности могут возникнуть. Если Россия намерена производить современное вооружение и сложную наукоемкую продукцию, она должна обладать развитым производством самых сложных и точных станков. В связи с этим следует признать совершенно правильным принятие правительством в 2011 г. программы «Развитие отечественного станкостроения и инструментальной промышленности» (входит в общую госпрограмму «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»), в которой впервые за 20 лет предусмотрено выделение бюджетных средств на НИР и ОКР с целью разработки новых моделей станков, изготовления опытных образцов и создания производственных мощностей для их дальнейшего выпуска. Основная цель программы – ликвидация критической зависимости российских стратегических организаций машиностроительного и обо-

⁶ Станок для нового уклада // Эксперт. 2013. №7. С.48.

ронно-промышленного комплексов от поставок зарубежного технологического оборудования. В случае успеха данная программа может положить начало реиндустриализации России. Очень полезными, на наш взгляд, могли бы стать идентичные программы по восстановлению в стране производства высокоточной контрольно-измерительной аппаратуры, высокотехнологичного сварочного и автогенного оборудования, а также инструментов для обработки различных материалов.

Признавая безальтернативность импорта многих видов оборудования и технологий для старта реиндустриализации, нужно понимать, что Россия, как любая крупная страна с высоким потенциалом образования и фундаментальных исследований, не должна полагаться исключительно на использование импортных технологий. Подобная стратегия может привести к дальнейшему упадку отечественной науки, активизации процесса утечки мозгов, к ухудшению качества человеческого потенциала и к серьезным угрозам экономической безопасности и обороноспособности страны

Роль иностранного капитала в развитии национальной промышленности

Хотя прямые иностранные инвестиции едва ли станут определяющим источником ресурсов для модернизации российской экономики, они все же способны оказать существенное позитивное влияние на деятельность российских и иностранных компаний, способствовать созданию конкурентной среды, служить каналом получения зарубежных технологий и современных систем управления. На первый взгляд Россия как импортер прямых иностранных инвестиций выглядит неплохо. По объемам ежегодно получаемых прямых иностранных инвестиций (ПИИ) она входит в первую десятку стран мира, по накопленным ПИИ на душу населения находится на одном уровне с Бразилией и значительно опережает остальных участников БРИКС⁷. Между тем, качественные характеристики поступающих в страну ПИИ оставляют желать лучшего. По привлечению капиталовложений в обрабатывающие отрасли Россия уступает конкурентам из стран Азии (60–70% общей суммы средств на новые проекты) и Латинской Америки (43–57%)⁸. Ограниченность вклада иностранных инвестиций в модернизацию производственного и технологического потенциала страны проявляется в структуре российского экспорта, три четверти которого приходится на сырьевые товары.

⁷ World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. UNCTAD UN New York and Geneva 2013. Figure 1.2. P. 3.

⁸ UNCTAD WIR. 2012. P. 42, 45, 52.

Формально основная масса накопленных прямых иностранных инвестиций концентрируется в обрабатывающих отраслях экономики – 31,9%⁹. Однако больше половины из них так или иначе связаны с обработкой сырья (металлургия, производство нефтепродуктов, химия, производство пищевых продуктов и табака, обработка древесины). Доля зарубежных инвесторов в технологичных производствах, в частности, в машиностроении, в 2,4 раза меньше, чем, например, в операциях с недвижимым имуществом и в аренде. На протяжении всего периода рыночных реформ инвесторы отдают предпочтение экспортоориентированному добывающему и сырьевому сектору, а также сфере услуг с быстрой оборачиваемостью вложений. Накопленные инвестиции в обрабатывающие производства с высокой добавленной стоимостью составляют лишь 6,5%. Правда, по итогам 2012 г. их доля составила 11,8%, прежде всего за счет транспортного машиностроения¹⁰.

В то же время в последние годы наблюдаются положительные сдвиги, связанные с внедрением иностранного капитала в промышленность России. Эти тенденции лишь отчасти отражаются в статистике Росстата, но о них можно судить по косвенным данным. В частности, проводимый журналом «Эксперт» ежеквартальный мониторинг крупных инвестиционных проектов (от 20 млн. долл.) свидетельствует о растущем интересе зарубежных инвесторов к реальному сектору экономики. За период с 2010 г. по апрель 2013 г. среди находящихся в разной стадии строительства промышленных объектов от 40 до 50% приходилась на инвестиционные проекты с участием иностранного капитала, преимущественно в виде нового строительства (*greenfield*)¹¹. На основе публикуемых в прессе данных можно составить представление о степени участия зарубежного капитала в некоторых несырьевых отраслях и производствах на территории РФ.

Энергетика и энергетическое машиностроение. В ходе ликвидации федерального холдинга РАО ЕЭС в 2008 г. часть его активов была приобретена крупнейшими зарубежными компаниями – *E.ON*, *Enel* и *Fortum*. В целях модернизации отрасли все покупатели, в том числе российские, принимали на себя обязательства по вводу в эксплуатацию генерирующих мощностей с установленными характеристиками и в установленный срок. В отличие от многих российских компаний, «большая тройка» полностью выполняет взятые на себя обязательства стоимостью свыше 400 млрд. руб. Итальянская *Enel* закончила инвестиционную программу в части строительства новых мощностей в России,

⁹ gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d2/24-09.htm.

¹⁰ Рассчитано по: Россия в цифрах 2013. gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d2/24-10.htm.

¹¹ Эксперт. 2010. №38. С. 28–29; Эксперт. 2012. №36; Эксперт. 2013. №24.

введя два парогазовых энергоблока. Немецкая E.ON тоже завершает программу: ей осталось инвестировать 10 млрд руб., финскому *Fortum* – 30 млрд руб. за ближайшие 1,5 года¹². Реформирование электроэнергетики создало спрос на энергетическое оборудование, половина из которого закупается за рубежом. В настоящее время обозначилась положительная тенденция – строительство крупнейшими мировыми компаниями-лидерами предприятий на территории РФ. Совместные проекты с французской компанией *Alstom Hydro*, австрийской *Voith Hydro*, американской *General Electric* и немецким *Siemens* заполняют ниши в производстве гидротурбин и газовых турбин для тепловых и гидроэлектростанций. В то же время строительство в Подольске «Росатомом» совместно с французской компанией *Alstom* завода паровых турбин для АЭС и ТЭЦ может создать конкуренцию «Силовым машинам», которые на сегодняшний день остаются единственным производителем турбин и генераторов для атомных электростанций.

Иностранные инвестиции в электроэнергетическую промышленность, помимо локализации производства, сопровождаются трансфером технологий (как правило, в виде передачи лицензий и ноу-хау), внедрением программ подготовки и переподготовки кадров, а также возможностью совместного выхода на зарубежные рынки с технологичной продукцией (турбины, генераторы, силовое и сопутствующее оборудование). Производство сложного оборудования влечет за собой и необходимость его сервисного обслуживания.

Транспортное машиностроение. На перспективный российский рынок железнодорожного машиностроения вышли две конкурирующие между собой фирмы – *Alstom* и *Siemens*. На совместном предприятии *Siemens* и холдинга «Синара» под Екатеринбургом производятся локомотивы *Desiro RUS* («Ласточка»). Уровень локализации основных компонентов поезда на ООО «Уральские локомотивы» к концу 2017 г. должен составить 80%. После удовлетворения внутренних потребностей, ориентировочно в 2016-2018 гг. локомотивы будут поставляться в Беларусь, Казахстан и Украину¹³. Французская компания *Alstom* и ЗАО «Трансмашхолдинг» (ТМХ) открыли в Новочеркасске предприятие (50 млн долл.) по производству ключевых и высокотехнологичных компонентов для новых электропоездов. Тяговые приводы и системы управления предназначены для комплектования пассажирских и грузовых электропоездов, которые являются совместной разработкой партнеров. Принципиальное значение имеет то, что разработка нового подвиж-

¹² vedomosti.ru/companies/news/17170841/energetiki-prosyat-zaschity

¹³ w3.siemens.ru/press_office/2191/pr_archive/28568.html; rzd-partner.ru/news/mashinostroyeniye/rzhd---sinara---i-siemens-soglasovali.

ного состава велась в специально учрежденном совместном инжиниринговом центре – СП ТРТранс¹⁴.

После объявления о программе строительства высокоскоростной магистрали Москва – Казань и выделения на этот проект значительных государственных средств можно ожидать появления в отрасли железнодорожного машиностроения новых значимых инвестиционных проектов с участием иностранного капитала.

Автомобильная промышленность. На сегодняшний день на российском рынке легковых автомобилей представлены практически все ведущие иностранные компании. В стране сложилось четыре крупных кластера по производству автомобилей – калужский, Санкт-петербургский, поволжский и калининградский. Появляются все новые инвестиционные проекты по производству тех или иных комплектующих для автосборочных производств. По оценкам Минпромторга, инвестиции в производство и выпуск автокомпонентов к 2020 г. составят около 5 млрд. долл. Впервые автоконцерном *Volkswagen* объявлено о строительстве в России завода по производству бензиновых двигателей (250 млн. долл.). Поставщиками части деталей могут стать российские производители после прохождения немецкого аудита. О локализации двигательного производства к 2015 г. заявляют также *Ford* (партнерство с *Sollers*) и *Renault-Nissan*. На рынке *грузовиков и легких коммерческих автомобилей* представлены многие ведущие мировые игроки. В отличие от легкового автомобилестроения они не доминируют и занимаются в основном поузловой сборкой и сервисным обслуживанием. Оживление наблюдается и в производстве *строительной и сельскохозяйственной техники*.

Машиностроение для нефтегазовой отрасли. Иностранные компании, специализирующие на производстве основного промышленного оборудования для нефтегазовой отрасли, не спешат размещать свое производство в России, предпочитая экспортные поставки. Примеры локализации единичны и скорее представляют исключение из правила. Это, например, сборочные производства буровых установок и бурового оборудования немецкой фирмы *Bentec* в Тюмени и американской *National Oilwell Varco* в Костроме, совместное производство компрессоров для газотурбинных установок Газпрома и *Siemens*.

«Роснефть» и «Газпром» сейчас имеют контроль над 80% перспективных площадей, поэтому в том случае, если на российском арктическом шельфе начнутся разработки углеводородов, то этим российским компаниям придется практически с нуля создавать и осваивать высокотехнологичное производство. Реально осуществить это можно только в союзе с компетентными зарубежными партнерами. Возни-

¹⁴ sdelanounas.ru/blogs/32502.

кает уникальная возможность построения на российской территории новой индустрии. Когда в Бразилии государственная нефтяная компания *Petrobras* начала активно развивать добычу углеводородов на шельфе, государство обязало ее закупать буровые и добывающие платформы, а также танкеры только на собственной территории. За десять лет ведущие корейские, китайские и японские компании совместно с бразильцами построили более десятка крупных современных верфей, а также заводов по производству комплектующих. В итоге Бразилия вошла в пятерку крупнейших стран с гражданским судостроением¹⁵.

Станкостроение. Без модернизации станкостроительной отрасли невозможно ни полноценное развитие промышленности, ни существование военно-промышленного комплекса. Практически одновременно в стране запускается несколько инвестиционных проектов с участием известных зарубежных производителей станкостроительной продукции. Самый масштабный из них – строительство в Ульяновске германской компанией *Gildemaster* завода по производству токарных и фрезерных станков с использованием передовых немецких технологий¹⁶. Крупнейшим потребителем станков производства Гильдемайстер АГ станет «Авиастар-СП». На территории Ульяновской области располагается более 90 компаний, производящих автокомпоненты, которые также являются потенциальными потребителями станков. Компания предусматривает размещение заказов на изготовление деталей к станкам на предприятиях Ульяновской области. Еще один крупный проект по локализации (2 млрд руб.) осуществляет японская компания *OKUMA Corporation* в Екатеринбурге. С 2014 г. предприятие планирует выпускать 150–200 комплектов универсальных металлообрабатывающих станков¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что наметилась положительная тенденция, связанная с вовлечением иностранного капитала в процессы индустриализации в современной России. Государство здесь играет важную роль, создавая с помощью таможенных инструментов условия для локализации производства или же выступая основным партнером и заказчиком инвестиционных проектов в лице государственных компаний или корпораций. Признавая остроту проблемы улучшения инвестиционного климата, руководство страны в последнее время предпринимает ряд тактических шагов. Так, под эгидой Агентства стратегических инициатив (АСИ) реализуется «Национальная предпринимательская инициатива по улучше-

¹⁵ expert.ru/expert/2013/24/po-brazilskoj-sisteme.

¹⁶ mashportal.ru/machinery_russia-23660.aspx.

¹⁷ expert.ru/expert/2011/49/yapontsyi-oblyubovali-ural.

нию инвестиционного климата в России». Проектом намечено пять направлений: таможенное администрирование, улучшение предпринимательского климата в сфере строительства, облегчение подключения к энергетическим сетям, улучшение предпринимательского климата в регионах, поддержка экспорта и доступа на рынки зарубежных стран. Документ разрабатывается совместно с бизнес-сообществом в формате «дорожных карт» и имеет целью улучшение деловой среды для всех предпринимателей, вне зависимости от их государственной принадлежности.

Когда в 2011 г. запускался проект АСИ, Россия занимала 120-е место в международном рейтинге Всемирного банка и Международной финансовой корпорации Doing Business. В качестве конечной цели была поставлена задача подняться на 20-е место к 2018 г. По итогам 2013 г. РФ продвинулась на 19 ступеней и заняла 92-е место. Такой успех был достигнут преимущественно за счет снижения бюрократической нагрузки на бизнес. Следует, однако, иметь в виду, что снизить бюрократические препоны намного легче, чем реформировать правовые институты и улучшить среду для малого и среднего бизнеса.

Масштабному притоку ПИИ в обрабатывающие отрасли препятствует, как уже было сказано, неблагоприятный деловой климат. Он же является и причиной бегства отечественного капитала из страны, а это – системная проблема, требующая серьезных институциональных изменений. Речь идет о снижении административных барьеров и масштабов государственного вмешательства в деятельность бизнеса, об усилении защиты прав собственности, в том числе интеллектуальной, прав миноритарных акционеров, об укреплении судебной системы и совершенствовании контрактного права, об улучшении конкурентной среды, расширении возможностей долгосрочного кредитования. Прогресс на каждом из этих направлений будет благоприятно отражаться на объемах ввоза и на качестве поступающих в страну зарубежных инвестиций.

Стратегия и тактика закупок иностранных технологий и привлечения иностранного капитала должны стать составной частью государственной промышленной политики. В рамках этой политики необходимо определить производства и технологии, которые, с учетом имеющихся наработок, перспектив НТП и соображений национальной безопасности, будут разрабатываться собственными силами, а также и те, ввоз которых в страну должен целенаправленно стимулироваться.

Литература

Проблемы эффективной интеграции научно-технического потенциала России в мировое хозяйство. М.: Издательство АКИ, 2008.

А.В. ШУРУБОВИЧ
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

ВЛИЯНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Раскрыты взаимосвязи и взаимообусловленности модернизации российской экономики и развития интеграции на постсоветском пространстве. Приведена оценка программных документов экономической модернизации России с позиций отражения в них возможностей постсоветской интеграции. Показаны преимущества согласованной модернизации экономики России и стран-партнеров.

Ключевые слова: модернизация российской экономики, постсоветская интеграция, программные документы, экономическое сотрудничество, согласованная модернизация.

Классификация JEL: F020, O310.

Среди масштабных и неотложных задач, стоящих ныне перед Россией, две задачи занимают особое место. Для успешного экономического и социального развития страны и укрепления ее позиций в мировом хозяйстве первостепенное значение имеет модернизация экономики, ее обновление и совершенствование на основе широкого внедрения передовых технологий. Под экономической модернизацией мы понимаем структурные, технологические и институциональные изменения в национальной экономике, направленные на повышение ее глобальной конкурентоспособности и устойчивости к внутренним и внешним шокам. Модернизация экономики предполагает как технологическое обновление действующего производственного потенциала, так и ускоренное развитие высокотехнологичных видов деятельности. Она призвана превратить технологические и организационные нововведения в главный фактор развития национальной экономики. Стратегический курс на модернизацию экономики обозначен в ряде официальных документов последних лет, в частности, в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной в декабре 2011 г., и в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

Модернизация экономики и решение других внутренних задач России, в свою очередь, во многом зависят от наличия благоприятных внешних условий, создавать которые призвана внешняя политика государства. При этом важнейшим направлением внешнеполитической деятельности РФ является развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве путем создания Евразийского экономического союза с участием России, Белоруссии и Казахстана, к которым по мере готовности будут постепенно подключаться другие государства, прежде всего участники Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и прочие страны СНГ. Важно отметить в этой связи, что, хотя приоритетность отношений со странами Содружества неоднократно провозглашалась и ранее, она лишь в последние годы обретает реальные очертания. В 2010 г., прежде всего благодаря усилиям России, начал функционировать Таможенный союз, с 1 января 2012 г. запущено Единое экономическое пространство Белоруссии, Казахстана и России; к 2015 г. намечается создать Евразийский экономический союз. В Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» в отношениях со странами СНГ ставятся задачи: «рассматривать развитие многостороннего взаимодействия и интеграционных процессов на пространстве Содружества Независимых Государств как ключевое направление внешней политики Российской Федерации; способствовать углублению евразийской интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан и созданию к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, исходя из открытости этих процессов для присоединения других государств, прежде всего членов Евразийского экономического сообщества и участников Содружества Независимых Государств, содействовать международному позиционированию новых интеграционных структур»¹.

Таким образом, модернизация экономики на инновационной основе является ныне ключевой задачей России с точки зрения ее внутреннего экономического и социального развития, а евразийская интеграция – с точки зрения создания благоприятных внешних условий для успешного развития страны.

В этой связи первостепенное значение приобретает научный анализ взаимосвязи, «состыковки» двух указанных задач, которые пока, к сожалению, решаются, по существу, независимо друг от друга.

¹ www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/CEEDDDFE094340634425.

Модернизация экономики и постсоветская интеграция в программных документах России

Представление о том, что повышение роли России в мировой экономике и политике тесно связано с переходом к инновационной модели развития, стало складываться в начале 2000-х гг. Результатом этого явилась разработка программ и стратегий, призванных обеспечить модернизацию национальной экономики на основе инноваций.

В ноябре 2008 г. правительством России был утвержден основополагающий экономический документ перспективного характера – Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Концепция предусматривала переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития, предполагающему, *во-первых*, модернизацию традиционных секторов российской экономики (нефтегазового, сырьевого, аграрного и транспортного) при опережающем увеличении объема продукции отраслей высоких переделов; *во-вторых*, превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех секторах экономики; *в-третьих*, формирование новой экономики – экономики знаний и высоких технологий, которая должна стать одним из ведущих секторов национальной экономики, сопоставимым к 2020 г. по своему вкладу в ВВП с нефтегазовым и сырьевым секторами. Однако ввиду глубокого экономического кризиса 2008–2009 гг. в России, явившегося следствием мирового финансово-экономического кризиса, реализация указанной Концепции оказалась невозможной.

Кризис, отчетливо выявивший бесперспективность нынешней сырьевой модели российской экономики, еще более четко обозначил необходимость перехода страны на инновационный путь развития, который, однако, придется осуществлять в значительно усложнившихся условиях. С учетом этих условий была разработана и в декабре 2011 г. утверждена Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., призванная ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития, определить цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики. Целью Стратегии является перевод к 2020 г. экономики России на инновационный путь развития, так как, несмотря на определенные успехи, достигнутые в последние годы, Россия по-прежнему значительно отстает от передовых стран по уровню инновационного развития².

² Так, в 2009 г. разработку и внедрение технологических инноваций осуществляли 9,4% общего количества промышленных предприятий РФ, тогда как в Германии – 71,8%, Бельгии – 53,6%, Эстонии – 52,8%, Финляндии – 52,5%, Швеции – 49,6%. Доля

Важная роль в реализации Стратегии отводится участию России в мировой инновационной системе, включая поддержку российских высокотехнологичных компаний на внешних рынках, создание высокотехнологичных производств и исследовательских центров международных компаний на территории России, активизацию международного научно-технического сотрудничества. Однако в разделе Стратегии, посвященном международным аспектам инновационного развития, практически ничего не говорится о сотрудничестве со странами СНГ; тем самым подразумевается, что оно не будет играть заметной роли в модернизации российской экономики. Более того, во вступительной части Стратегии утверждается, что реальными конкурентами России становятся не только страны – лидеры в сфере инноваций, но и многие развивающиеся страны, государства-участники Содружества Независимых Государств³. Тем самым страны СНГ (прежде всего Белоруссия, Казахстан и Украина, имеющие значительный инновационный потенциал и, как будет показано ниже, успешно сотрудничающие с Россией в указанной сфере), взаимодействие с которыми в рамках постсоветских интеграционных проектов призвано внести весомый вклад в повышение креативной составляющей в модернизации экономики России, переводятся в разряд конкурентов, что, на наш взгляд, неправомерно.

Противоречивость подхода к постсоветской интеграции характерна и для другого документа – доклада «Стратегия–2020: новая модель роста – новая социальная политика» (далее – Стратегия–2020)⁴, подготовленного в 2011 г. группой экспертов и намечающего, несмотря на его неофициальный характер, определенные ориентиры для выработки социально-экономической политики страны на период до 2020 г. Хотя в этом докладе аргументированно доказывается необходимость сотрудничества и интеграции со странами СНГ для развития России и укрепления ее международных позиций, в нем в то же время недооценивается, на наш взгляд, значение сотрудничества с ними для модернизации российской экономики.

затрат на технологические инновации в общем объеме затрат на производство отгруженных товаров, выполнение работ, услуг организаций промышленного производства в России составляла 1,9% (в Швеции – 5,4%, в Финляндии – 3,9%, в Германии – 3,4%). Доля произведенных российскими компаниями товаров и услуг в общемировых объемах экспорта высокотехнологичной продукции гражданского назначения в 2008 г. составила лишь 0,25%, что несравненно меньше доли Китая (16,3%), США (13,5%), Германии (7,6 %). government.ru/gov/results/17449.

³ government.ru/gov/results/17449/.

⁴ Стратегия – 2020: новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. kommersant.ru/content/pics/doc.1753934.pdf.

В этом отношении представляется показательным следующее положение этого документа: «Текущий технологический уровень стран СНГ не позволяет рассматривать сотрудничество с ними в качестве основного фактора, стимулирующего модернизационные процессы в России. Однако критически важно, чтобы механизмы интеграционного сотрудничества на пространстве СНГ и Таможенного союза, имеющие важную политическую составляющую, обеспечивали рынки сбыта для российских технологически сложных и инновационных товаров»⁵. Таким образом, значение интеграции в СНГ для модернизации российской экономики видится исключительно в возможности экспорта высокотехнологичной инновационной продукции в страны Содружества, тогда как возможность совместного выпуска такой продукции и выхода с ней на внешние рынки даже не рассматривается. В то же время большие надежды возлагаются на страны ЕС, которые, как предполагается, в период до 2020 г. «останутся основными торговыми партнерами России и основными поставщиками прямых иностранных инвестиций в экономику страны. Трансферт европейских технологий и развитие технологических альянсов между российскими и европейскими компаниями, освоение европейских рынков будут служить мощными стимулами для повышения конкурентоспособности национальных производителей»⁶.

Таким образом, в качестве главных геополитических партнеров и союзников России рассматриваются страны СНГ (прежде всего участницы Таможенного союза и ЕЭП), тогда как главными партнерами при проведении модернизации и источниками ресурсов для нее видятся западные страны (прежде всего государства ЕС), являющиеся для страны геополитическими соперниками.

Ориентация на сотрудничество с высокоразвитыми государствами при проведении модернизации российской экономики во многом обусловлена низким уровнем экономического и инновационного развития стран СНГ и отсутствием должной нацеленности на модернизацию в деятельности интеграционных объединений на пространстве Содружества. Необходимо, однако, отметить, что в последние годы в этом отношении наметился некоторый прогресс. В большинстве стран Содружества были разработаны стратегии и программы, призванные обеспечить модернизацию национальных экономик на основе инноваций, и началась их реализация. В деятельности постсоветских интеграционных объединений (прежде всего ЕврАзЭС и особенно Союзного государства России и Белоруссии) и СНГ в целом усилилось внимание к проблемам модернизации государств-участ-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ников и взаимного сотрудничества в инновационной сфере, которое в последнее время стало рассматриваться в качестве «локомотива» углубления взаимного сотрудничества.

Основные направления взаимного сотрудничества в контексте модернизации экономики России

Сотрудничество России со странами СНГ воздействует на модернизацию ее экономики по нескольким взаимосвязанным направлениям: инвестиционное сотрудничество, взаимная торговля машиностроительной продукцией, взаимодействие в высокотехнологичных отраслях производства, научно-техническое сотрудничество и др. В последние годы в его развитии накоплен определенный позитивный опыт.

Так, с начала 2000-х гг. наблюдается быстрый рост объема инвестиций в экономику России из стран Содружества, причем более 70% этих инвестиций приходится на долю Белоруссии и Казахстана – партнеров РФ по евразийской интеграции (см. табл. 1).

Из 2191 млн долл. накопленных на конец 2011 г. инвестиций из стран СНГ в экономику России на долю Казахстана приходилось

Таблица 1

Инвестиции из стран СНГ в экономику России

	2000 г.		2005 г.		2010 г.		2012 г.	
	Тыс. долл.	В % к итогу	Тыс. долл.	В % к итогу	Тыс. долл.	В % к итогу	Тыс. долл.	В % к итогу
Все инвестиции	22375	100	1665257	100	4714269	100	7335718	100
В том числе из стран:								
Азербайджан	831	3,7	54983	3,3	91088	1,9	147294	2,0
Армения	5	0,0	4541	0,3	73955	1,6	82777	1,1
Белоруссия	1007	4,5	447135	26,9	1939135	41,1	2558441	34,9
Грузия*	207	0,9	7902	0,5	–	–	–	–
Казахстан	5632	25,2	732788	44,0	1495003	31,7	3010666	41,1
Киргизия	839	3,8	140168	8,4	404263	8,6	601467	8,2
Молдавия	1069	4,8	18100	1,1	42873	0,9	56418	0,8
Таджикистан	27	0,1	13843	0,8	36204	0,8	60139	0,8
Туркменистан	1024	4,6	2288	0,1	4613	0,1	9837	0,1
Узбекистан	2738	12,2	10639	0,6	48916	1,0	68010	0,9
Украина	8996	40,2	232870	14,0	578219	12,3	740669	10,1

* Грузия вышла из состава СНГ в августе 2009 г.

Источник: www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d2/24-13.htm; www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d2/24-13.htm.

1442 млн долл. (65,8%), Беларуси – 258 млн (11,8%), Украины – 238 млн долл. (10,9%)⁷.

Основные сферы инвестиций из стран СНГ на территории России – финансы и банки, строительство и недвижимость, торговля; однако есть примеры крупных капиталовложений и в производственную сферу. Так, в 2006 г. казахстанская Евразийская промышленная ассоциация (ЕПА) купила российский Серовский завод ферросплавов. ЕПА является главным поставщиком хромовой руды в Серов через свою дочернюю фирму – компанию «Казхром». Покупка завода в Серове позволила «Казхрому» создать интегрированную компанию, имеющую собственную сырьевую базу. В 2006 г. в Дзержинске (Нижегородская область) «ВитаРос» («дочка» казахстанской ВИТА) открыла завод по производству соевых текстуратов. Завод построен на производственных мощностях химического завода «Заря».

Украинские инвесторы осуществляют вложения в России в энергетику, целлюлозно-бумажный комплекс, черную металлургию, пищевую промышленность, белорусские – в нефтегазовый комплекс и торговлю [1, с. 134].

Следует, однако, отметить, что доля инвестиций из стран СНГ в общем объеме инвестиций в российскую экономику весьма невелика. Хотя объем инвестиций из этих стран многократно возрос – с 22,4 млн долл. в 2000 г. до 7335,7 млн долл. в 2012 г., их доля в общем объеме направленных в РФ иностранных инвестиций в 2012 г. составила лишь 4,7%⁸. Из 455904 млн долл. прямых иностранных инвестиций, вложенных в экономику России к началу 2012 г., прямые инвестиции из стран Содружества составляли 1981 млн долл., или 0,4%⁹.

Значительно большее модернизационное воздействие на Россию оказывают взаимная торговля машинотехнической продукцией, производственная и научно-техническая кооперация. Импорт Россией машин, оборудования и транспортных средств из стран СНГ в последние годы значительно возрос (с 5,6 млрд долл. в 2009 г. до 15,4 млрд долл. в 2012 г.); увеличилась с 25,9% до 38,1% и доля этой товарной группы в общем объеме импорта РФ из стран Содружества¹⁰. Доля этих стран в общем объеме импорта машинотехнической продукции возросла с 7,7% в 2009 г. до 9,8% в 2012 г.

В российском экспорте в страны СНГ доля машин, оборудования и транспортных средств значительно выше, чем в экспорте в страны

⁷ www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d5/24-26.htm.

⁸ Рассчитано по: www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d2/24-13.htm.

⁹ Рассчитано по: www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/dir-inv_in_country.hmp&pid=svs&sid=ITM_58761.

¹⁰ www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d2/26-12.htm.

дальнего зарубежья (в 2012 г. соответственно 13,3% и 3,6%)¹¹. В российском экспорте машинотехнической продукции на страны Содружества приходится почти 40%. Таким образом, спрос рынка стран СНГ играет важную стимулирующую роль в развитии российского машиностроения.

Подавляющая часть импорта машиностроительной продукции из СНГ приходится на Республику Беларусь и Украину. Машиностроение – ведущая отрасль экономики этих стран, тесно связанная с российским рынком, в том числе и разными формами производственно-технологической кооперации. В основном взаимные кооперационные связи сложились еще в советское время.

Так, взаимными поставками продукции связаны более 8 тыс. белорусских и российских предприятий. Например, Минский тракторный завод (МТЗ) имеет кооперационные связи со 157 предприятиями России, ПО «Гомсельмаш» сотрудничает с 212 российскими предприятиями, поставляющими ему сырье, материалы и комплектующие. Поставки в Россию зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов составляют более 60% производства «Гомсельмаша». В то же время «Гомсельмаш» поставляет некоторые узлы и детали для российских предприятий сельскохозяйственного машиностроения.

Особенно тесная кооперация сложилась между РФ и РБ в оборонно-промышленном комплексе. 99 белорусских предприятий поставляют 1880 наименований продукции для 255 предприятий оборонных отраслей России. У 940 российских предприятий главными клиентами являются 67 предприятий в Белоруссии, получающие от них около 4000 наименований продукции [2]. Основу поставок белорусской продукции военного назначения в Россию составляют высокотехнологичные разработки – навигационные приборы, пилотажные системы, средства спутниковой и космической связи, антенные устройства, радиостанции, бортовые и стационарные вычислительные комплексы и пр.

Модернизации экономик РФ и РБ способствуют и совместные программы, реализуемые в рамках Союзного государства. Так, в рамках программ по развитию дизельного автомобилестроения, в которых участвовали около 20 ведущих предприятий автомобильной промышленности России и Белоруссии, был налажен массовый выпуск автомобильной техники, соответствующей международным требованиям по экологии, экономичности, безопасности и надежности ЕВРО-2, ЕВРО-3 и ЕВРО-4. В результате реализации программ «СКИФ» и «СКИФ-ГРИД» по созданию и внедрению суперкомпьютеров созданы и введены в эксплуатацию 7 суперкомпьютерных систем и 23 программ-

¹¹ Там же.

ных комплекса для них, нашедших применение в различных отраслях экономики РФ и РБ, а также в науке, образовании, медицине [3]. По некоторым оценкам (на наш взгляд, несколько завышенным), благодаря российско-белорусской промышленной и научной кооперации, в том числе в рамках совместных программ, уже в середине 2000-х гг. в России выпускалось около 40%, а в Белоруссии – около 65% высокотехнологичной продукции [4].

Взаимовыгодные кооперационные связи в оборонно-промышленном комплексе, авиастроении, судостроении, атомной энергетике и других наукоемких отраслях развиваются между Россией и Украиной, хотя в последнее время они сталкиваются с серьезными трудностями (в том числе по политическим причинам). Так, авиапромышленность Украины получает из России почти 70% готовых изделий и 95% материалов и полуфабрикатов, в кооперации участвуют около 100 российских предприятий. Корпорация «Мотор-Сич» изготавливает авиадвигатели, которые Россия закупает для установки на крупнотоннажных самолетах и на вертолетах [5, с. 249]. В настоящее время украинскими двигателями производства ОАО «Мотор-Сич» оснащено абсолютное большинство российских вертолетов и ряд самолетов. В сфере самолетостроения главным совместным российско-украинским проектом является производство самолетов Ан-140, Ан-148 и Ан-158 на заводе «Воронежское акционерное самолетостроительное общество» (ВАСО), а также транспортных самолетов Ан-70 и Ан-124 [6, с. 47].

По мнению специалистов, углубление взаимодействия авиакомплексов двух стран очень важно для России, поскольку за время рыночной трансформации в РФ в значительной степени утерян опыт разработки гражданских воздушных судов, а украинской стороне в то же время удалось разработать несколько перспективных моделей гражданских самолетов (Ан-140, Ан-148, Ан-158), ориентированных для использования в сложных климатических условиях России [7, с. 49].

Развивается производственная кооперация двух стран в судостроении. 75 российских судостроительных предприятий получают из Украины свыше 1,5 тыс. комплектующих изделий. Так, предприятие НПКГ «Зоря» – «Машпроект» (Николаев) поставляет в Россию силовые установки для корветов, патрульных и ракетных катеров, электромашиностроительный завод «Фирма Сэлма» – оборудование для сварки и резки при строительстве и ремонте судов, завод «Экватор» (Николаев) – вентиляционное и климатическое оборудование [6, с. 55].

Следует, однако, отметить, что недавние политические события в Украине, прежде всего вооруженный захват власти в феврале 2014 г. при поддержке Запада откровенно антироссийскими, националистическими силами, серьезно ограничивают возможности российско-украинского сотрудничества, в том числе в инновационной сфере.

Сотрудничество с Казахстаном весьма важно для развития космической сферы России. На космодроме «Байконур» совместно с российской стороной создается космический ракетный комплекс «Байтерек». Реализация этого проекта направлена на проведение запусков с «Байконура» космических аппаратов различного назначения в рамках космических программ двух стран, а также на осуществление международных проектов в данной сфере на базе экологически чистой ракеты-носителя «Ангара». В 2008 г. подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования и развития Глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС [8, с. 9]. Реализуется также ряд совместных проектов в атомной энергетике, машиностроении и других отраслях.

Однако взаимное сотрудничество в целом, как уже отмечалось, играет ограниченную роль в модернизации экономики России. Доля стран СНГ в машиностроительном импорте РФ составляет менее 10%. Это существенно меньше, чем доля этих стран в российском импорте в целом (13,3% в 2012 г.). Инвестиции в экономику России из стран Содружества значительно меньше, чем инвестиции России в экономику этих стран (в 2012 г. соответственно 7335718 млн долл. и 11967713 млн долл.)¹².

Главным фактором модернизации экономик России и ее партнеров по СНГ на сегодняшний день служит импорт техники и технологий путем закупок лицензий и товаров, а также через прямые инвестиции из третьих стран. Приток зарубежных технологий ускоряет модернизацию соответствующих отраслей, но объективно затрудняет координацию технологического обновления экономики в странах Содружества и производственную кооперацию, поскольку центры технологических и продуктовых нововведений находятся вне СНГ. Это усиливает потребность в выработке новых подходов к сотрудничеству, нацеленных на радикальное повышение его роли в модернизации экономики России и ее партнеров по Содружеству.

Возможности и перспективы согласованной модернизации экономики

Модернизация экономики при опоре на финансовые и интеллектуальные ресурсы третьих стран, как уже отмечалось, неизбежна на нынешнем этапе развития экономики России и ее партнеров по евразийской интеграции. Однако в долгосрочной перспективе она приведет к закреплению их подчиненного положения в мировом хозяйстве, обрекая на технологическую зависимость от высокоразвитых госу-

¹² www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d2/24-12.htm.

дарств. Модернизация в этом случае неизбежно останется адаптивной (имитационной), т.е. основанной на заимствованных нововведениях, а имеющиеся у России и некоторых других стран СНГ потенциальные возможности проведения модернизации по креативному типу, когда разработанные и внедренные в стране инновации получают признание и начинают распространяться по миру, принося ей определенный рентный доход¹³, не будут реализованы.

По мере укрепления национальных экономик стран Содружества и наращивания их инновационных потенциалов все более остро будет ощущаться необходимость в усилении креативной составляющей модернизации. Немалые возможности в этом отношении открывает, вопреки распространенному мнению, углубление взаимного сотрудничества и развитие интеграции между этими странами.

Являясь географическим и социокультурным звеном, связывающим интегрирующуюся Европу и бурно развивающиеся страны Азиатско-Тихоокеанского региона, государства СНГ имеют экономические предпосылки для формирования рынков инновационной продукции и услуг и располагают для этого достаточным, но далеко еще не востребованным кадровым потенциалом в сфере научных исследований и разработок. По имеющимся оценкам, современный промышленный потенциал России, Беларуси, Украины составляет примерно 10% мирового, запасы основных видов природных ресурсов – около 25%, экспортный потенциал – 4,5%. Научно-технический потенциал России, Белоруссии, Украины, выраженный в форме интеллектуальной собственности, по некоторым данным составляет не менее 500 млрд долл., а платежеспособный спрос на наукоемкую продукцию может выражаться объемами в 150–200 млрд долл. [9, с. 32].

Для реализации этих возможностей требуются последовательные совместные действия по радикальному улучшению состояния инновационной сферы и усилению инновационной ориентации во взаимном сотрудничестве.

Будущую роль в активизации инновационного сотрудничества стран СНГ призвана играть Россия. Только она, обладая наиболее мощным экономическим и научно-техническим потенциалом в Содружестве, может инициировать и возглавить согласованную модернизацию экономики, необходимость которой ощущается все более остро. В нашем понимании согласованная модернизация – это скоординированная по целям, приоритетам и механизмам реализации модернизация экономики группы стран Содружества при зна-

¹³ Подробнее о креативной и адаптивной модернизации см.: Вардомский Л., Шурубович А. Факторы и модели модернизации экономик стран СНГ // Мир перемен. 2011. № 3. С. 45–47.

чительной доле в ней креативной составляющей, т.е. при опоре преимущественно на собственные ресурсы этой группы, прежде всего на ресурсы страны-лидера.

Успешный ход модернизации в России через научно-техническую кооперацию, экспорт инвестиций и технологий, подготовку специалистов в российских вузах и на российских предприятиях, растущий в ней спрос на новые товары и услуги, безусловно, ускорит этот процесс в других странах. Однако весьма важно, чтобы стратегии модернизации в России и странах Содружества были совместимыми и скоординированными.

В силу, прежде всего, политических и геополитических факторов согласованная модернизация экономики при лидерстве России вряд ли охватит все страны СНГ. На наш взгляд, она в полной мере может осуществляться в рамках ЕЭП и формируемого Евразийского экономического союза, а впоследствии – в случае успеха – идея согласованной модернизации могла бы стать привлекательной и для ряда других стран Содружества. При этом наибольшее развитие согласованная модернизация, видимо, получит в рамках формируемого Союзного государства России и Беларуси, где интеграционные процессы, несмотря на все трудности, продвинулись дальше, чем в «тройке» в целом.

Согласованной модернизации экономик стран Содружества способствует то обстоятельство, что эти страны (по крайней мере экономически более развитые Россия, Республики Беларусь, Казахстан и Украина) имеют по существу одни и те же или сходные приоритеты в научно-технической сфере: новые и возобновляемые источники энергии, новые материалы, биотехнологии, нанотехнологии, информационные технологии, космические технологии и др. Путем согласования или совмещения этих приоритетов страны Содружества получают возможность подключиться к планируемым в России технологическим коридорам, в рамках которых конкурентоспособность отдельных выбранных секторов экономики достигается преимущественно за счет технологий отечественной разработки. Интернационализация технологических коридоров (или национальных инновационных систем) может реализовываться, в частности, через механизмы соглашений и контрактов, приобретение активов, учреждение совместных предприятий и т.д., включение национальных профильных компаний и исследовательских центров в работу российских компаний и научных центров.

Россия таким образом может возглавить процесс модернизации на пространстве СНГ, предложив партнерам инновационную модель экономики, а идея согласованной модернизации на основе технологических нововведений, разработанных как самостоятельно, так

и совместными усилиями, способна консолидировать страны Содружества вокруг России, что дало бы мощный импульс развитию интеграционных процессов на пространстве Содружества.

В рамках согласованной модернизации экономик России и других стран Содружества появится возможность решить проблемы, которые ранее не могли решаться на основе их двустороннего и многостороннего сотрудничества. Речь идет о: 1) возможности организовать процесс расширенного воспроизводства преимущественно на базе собственных ресурсов и внутреннего спроса при одновременном расширении взаимодействия с внешним миром и повышении конкурентоспособности всего региона; 2) решении стратегической задачи преодоления совместными усилиями периферийного характера экономики региона и устранении в нем чрезмерной экономической и социальной дифференциации, оказании адресной помощи менее развитым участникам и обязательствах последних по участию в общих проектах; 3) формировании в рамках интегрируемого сообщества системы перераспределения выгод и компенсации потерь от интеграционных проектов.

Модернизация экономики стран-участниц должна стать одним из важнейших направлений деятельности создаваемого Россией, Беларуссией и Казахстаном Евразийского экономического союза. Пока что в рамках «тройки» основное внимание уделяется либерализации движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между странами-участницами, тогда как вопросы модернизации экономик этих стран фактически остаются вне поля зрения.

Успешная согласованная модернизация экономик стран Содружества, усиление «модернизационной составляющей» в деятельности интеграционных группировок могут способствовать преобразованию самой структуры глобальной экономики, в которой Россия и другие государства СНГ могут в перспективе занять достойное место, наряду с высокоразвитыми государствами и новыми индустриальными странами. Если страны СНГ, проведя согласованную модернизацию своих экономик, смогут войти в число мировых лидеров хотя бы по нескольким направлениям научно-технологического прогресса, новая структура мировой экономики будет формироваться при их активном участии, и они получат от глобализации, в отличие от нынешней ситуации, ощутимые выгоды. Однако учитывая серьезные проблемы в развитии национальных экономик стран СНГ и взаимного сотрудничества, для этого потребуется, достаточно продолжительное время.

Следует обратить внимание на то, что интеграционные усилия России на постсоветском пространстве по времени совпадают с усилиями по привлечению технологий и капиталов из третьих стран.

Эти две линии проводимой политики вступают в противоречие, поскольку на закупку технологий нужны большие финансовые ресурсы. Это естественное противоречие, которое не может быть быстро разрешено. Выход может заключаться в учете Россией интересов и возможностей стран – партнеров по постсоветским объединениям при разработке и реализации программ обновления национальной экономики и социальной сферы, в создании институтов и механизмов сотрудничества, усиливающих потенциал согласованной модернизации.

Литература

1. Хейфец Б.А. Российский бизнес в странах ЕврАзЭС. Модернизационный аспект. М.: Экономика, 2011.
2. Юзвак И. Не делить, а умножать. Реальная кооперация является основой союзной экономики // СОЮЗ. Беларусь – Россия. 08.07.2010.
3. Яковлев В. По высоким стандартам // Союз. Беларусь – Россия. 15.11.2012.
4. Чичкин А. «Блочное строительство» в историческом разрезе // СОЮЗ. Беларусь – Россия. 10.03.2005.
5. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Международная кооперация и инновации в странах СНГ. СПб.: Алетейя, 2011.
6. Экономическая и технологическая кооперация в разрезе секторов ЕЭП и Украины. СПб.: Европейский банк развития. Центр интеграционных исследований, 2013.
7. Губарев В.А. Авиационная промышленность России: перспектива развития (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2010.
8. Мусабиев Т. Осваиваем космос вместе // Международное сотрудничество. Казахстан – Россия. Спецвыпуск. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2012.
9. Чистякова В.Е. Проблемы интеграции научных исследований и разработок в экономическом пространстве России, Белоруссии и Украины // Инновации. 2011. № 12 (158).

Ю.В. КАЛИНИНА
студентка Финансового университета при Правительстве РФ

РОССИЙСКАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ОТРАСЛЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Представлены результаты исследования современного состояния российской космической отрасли, а также существующие на сегодняшний день проблемы и возможные пути их решения. Рассмотрены перспективы инновационного развития отрасли.

Ключевые слова: космическая программа, стратегия инновационного развития, космическая отрасль, инвестиции, государственные расходы.

Классификация JEL: H560, O310, O250.

Ракетно-космическая отрасль (РКО) является одним из высокотехнологичных секторов российской экономики. За период 2006–2010 гг. объем продукции, произведенной предприятиями РКО, вырос на 197,3% (за этот же период времени рост объема продукции, произведенной российской промышленностью в целом, составил 112,1%). Из 14 статистически выделяемых видов экономической деятельности в промышленности не появилось ни одного с темпами роста производства выше, чем в ракетно-космической промышленности (РКП). Ракетно-космическая отрасль – единственная, в которой не было спада производства на пике кризиса в 2009 г. [1, с. 8]. За период 2008–2010 гг. рост основных фондов в РКО составил 235,4% (для сравнения – в добывающей промышленности – 172%, в обрабатывающей промышленности – 138%). Износ основных фондов в 2010 г. в РКО соответствовал среднему показателю по основным отраслям российской промышленности, но был значительно ниже, чем по всей экономике страны. Чистые активы увеличились за 2008–2011 гг. в 3 раза. Инвестиции в основной капитал выросли по РКП в 2,72 раза, в то время как в целом по экономике – в 2 раза (в номинальном выражении, а с исключением инфляции – в 1,2 раза) [1, с. 8].

Модернизация РКО невозможна без инновационного развития, и не только потому, что РКО является ведущей. Она позволяет осуществлять трансфер технологий, полученных в результате инновационной деятельности в этой отрасли, в практическую жизнь и оказывать влияние на развитие многих сфер общественной жизни. Появление и развитие новых средств коммуникации, новых методов гео-

логоразведки и метеорологии, навигации, пожарного мониторинга прежде всего обязаны ракетно-космической отрасли. Более того, в последнее время человечеству приходится задумываться об альтернативных источниках энергии. Так, некоторые ученые [2] считают самой перспективной альтернативой в этом плане Гелий-3. Учеными подсчитано, что населению нашей планеты лунного ресурса Гелия-3 должно хватить как минимум на ближайшее тысячелетие. Помимо возможного использования Гелия-3 в качестве источника энергии уже сегодня существует и другое применение этому изотопу: он не так давно начал использоваться в магнитно-резонансной томографии для получения изображения легких с помощью ядерного магнитного резонанса. Такого рода инновации дают импульс развитию всей национальной экономики.

Однако современный затяжной и глубокий кризис также не обошел РКО России, обострив накопившиеся в ней проблемы. Одна из них – дефицит квалифицированных кадров на всех уровнях. Средний возраст работников в отрасли составляет 44 года [1, с. 7]. В связи с тем что отрасль практически 20 лет находилась в состоянии стагнации, выпускники вузов все это время не спешили идти на работу в авиационную и космическую промышленность. Поэтому сегодня в ней работников в возрасте свыше 60 лет более 30%. Из-за низкой заработной платы с предприятий РКО в первый год уходит каждый третий молодой работник. В отрасли высокая текучесть кадров, да и уровень квалификации молодых специалистов трудно назвать удовлетворительным¹. Для решения этой проблемы в первую очередь необходимо повышать престиж профессии работника космической отрасли. Еще более важным моментом является создание специальных программ по аэрокосмическому образованию школьников.

Следующая проблема, с которой сталкивается отрасль, связана с ее финансированием. Сравнение государственного финансирования отрасли в России и США показало, что разница в объемах инвестирования (абсолютные показатели) колоссальна – в разы (см. рис.).

Вместе с тем обе страны заинтересованы в достижении максимального результата при минимальных затратах. Поскольку и Россия, и США имеют общую цель – научное освоение космоса, было бы рациональным в данном случае этим странам не конкурировать, а наоборот, развивать сотрудничество. Кооперация в данной сфере смогла бы привести к более высоким результатам при взаимовыгодной экономии государственных средств.

¹ Аэрокосмическое образование в XXI веке – Конференция Международного союза содействия развитию инноваций в социально-экономической сфере. Москва, 17 ноября 2011 г. // Инициативы XXI века. 2011. № 4, 5 (дата обращения: 10.02.2014).

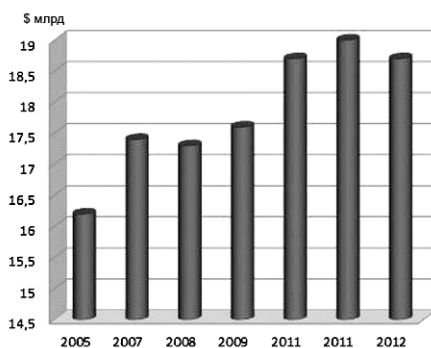
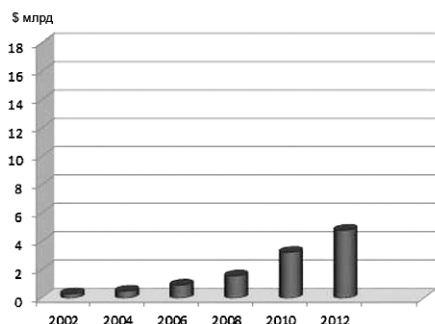

Рис. Объем государственных инвестиций в космическую отрасль России и США.
Источник: составлено автором по данным сайта РОСКОСМОС и НАСА, federalspace.ru, nasa.gov.

Эффективность финансирования РКО нельзя оценивать исходя только из объема государственных вложений в эту отрасль. Здесь важно рассмотреть те направления, по которым они осуществляются. Анализ расходов на реализацию Федеральной космической программы на 2006–2015 гг. показал следующее. Из всех расходов на *Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы* около 65% (323,8 млрд руб.) приходится на работы по российскому сегменту международной спутниковой системы. Расходы на дистанционное зондирование Земли, гидрометеорологическое наблюдение, экологический мониторинг и контроль чрезвычайных ситуаций составляют 19%. На остальные направления, такие как космические средства связи и ретрансляции, средства управления космическими аппаратами научного и социально-экономического назначения, обеспечение надежности ракетно-космической техники, системные исследования и прикладные научно-исследовательские работы, направляется от 1% до 6%. Анализ данных позволяет сделать вывод о крайне неравномерной концентрации расходов по подразделам программы, поэтому нельзя однозначно судить об эффективности финансирования государством Федеральной космической программы, поскольку в одних направлениях финансирование значительно, в других – крайне мало.

Также было бы ошибочным говорить о недофинансировании этого сегмента. Исследуя финансирование космической отрасли, представляется важным сравнить внутренние затраты России и других стран на НИОКР по экономике в целом (см. табл.).

При анализе данных становится очевидным, что практически во всех странах, представленных в табл., кроме России, доля затрат государ-

Внутренние затраты на исследования и разработки, %

Страны	% к ВВП				
	Всего в 2010 г. (100%)	По секторам			
		Государ- ственный	%	Предприни- мательский	%
Россия	1,16	0,81	70	0,29	30
Япония	3,26	0,56	17	2,47	83
США	2,9*	0,9	31	1,78	69
Германия	2,47	0,73	30	1,63	70
Франция	2,15	0,7	33	1,3	67
Великобритания	1,76	0,56	32	0,79	68
Китай	1,77	0,42	24	1,26	76
Бразилия	1,19	0,62	52	0,54	48
Индия	0,8**	0,6	75	0,2	25

Источник: таблица составлена по открытым данным Всемирного Банка и Росстата. www.worldbank.org/eca/russian/, www.gks.ru/.

* данные приведены за 2009 г

** данные приведены за 2004 г.

ственного сектора на финансирование НИОКР колеблется в среднем от 20 до 30%, в то время как в России доля государственных затрат составляет 70%. Таким образом, доля российских государственных затрат на финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок такая же, а в некоторых случаях больше, чем в развитых странах. Следовательно, было бы ошибочным считать, что российское правительство финансирует инновационное развитие экономики в недостаточном объеме. Здесь возникает другая проблема, с которой сталкивается наша экономика в целом, и в частности космическая отрасль, – это крайне небольшой объем частных инвестиций. Привлеченные средства составляют менее 10% от всех расходов космической отрасли.

Ключевой проблемой отсутствия привлекательности для частного бизнеса является низкий спрос на инновации в российской экономике в целом, а также его неэффективная структура – перекося в сторону закупки готового оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок. Уровень инновационной активности предприятий значительно уступает показателям стран – лидеров в этой сфере². Очевидно, что если нет спроса на инновации, сколько

² Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Раздел II. Современное состояние и проблемы инновационного развития РФ, rusnor.org/pubs/reviews/7456.htm (дата обращения: 11.02.2014).

бы денег ни выделялось, космическая отрасль все равно не сможет развиваться. Российские частные компании на космическом рынке практически отсутствуют, в то время как во всем мире наблюдается тенденция к увеличению доли частного сектора в космической деятельности.

Закон РФ № 5663-I «О космической деятельности» был принят еще 20 августа 1993 г., и на сегодняшний день он не отвечает современным реалиям³. При нечетко выраженной позиции государства по фундаментальным вопросам бизнесмены не хотят рисковать и вкладывать деньги. Тем не менее важно отметить одного российского «игрока» – космический кластер «Сколково», который на протяжении 2012 г. вел активную работу по привлечению компаний-резидентов для работы в строящемся иннограде. В настоящее время у кластера уже более 80 компаний-резидентов, занятых реализацией коммерческих проектов во многих областях космической деятельности⁴.

Закономерно возникает вопрос, как в такой ситуации стимулировать спрос на частные инвестиции? В этом случае может быть использована модель государственно-частного партнерства (ГЧП), призванного обеспечить приток частных инвестиций под залог будущих прямых и/или косвенных эффектов в промышленности. ГЧП подразумевает участие частного сектора промышленности в расходах на начальных этапах реализации проектов освоения космоса, когда он участвует в расходах по созданию космических средств (берет капитальные расходы на себя), а на последующих стадиях реализации проектов – получает от государства заранее оговоренные контрактные платежи за эксплуатацию соответствующих средств. Современные российские экономисты считают, что партнерство государства и частного бизнеса за счет использования разнообразных форм, учитывающих конкретную специфику, обеспечивает выбор наиболее эффективных путей использования как государственной, так и частной собственности [3].

Каковы же перспективы развития данной отрасли в России? На ее развитие направлен ряд стратегий, долгосрочных федеральных государственных программ, подкрепленных необходимыми финансовыми и организационными ресурсами, среди которых выделяются:

- Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ.
- Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года.
- Стратегия развития ракетно-космической промышленности на период до 2015 года.

³ Справочно-правовая система «Гарант». base.garant.ru/136323/ (дата обращения 11.02.2014).

⁴ Инновационный центр «Сколково» и развитие коммерческой космонавтики в России // Космический дайджест. dl.ebull.ru/dl/digest-001.pdf (дата обращения 21.02.2014).

- Стратегия развития космической деятельности России до 2030 года и на дальнейшую перспективу.

Ключевыми приоритетами при выполнении данных программ и стратегий являются три основных направления. Первый приоритет отдается работам, связанным с развитием ракетно-космической техники, технологий и услуг в интересах решения задач социально-экономической сферы, науки, обороны, с обеспечением выхода на международный рынок, а также с выполнением международных обязательств. Второй – создание пилотируемых, транспортных и надпланетных средств для решения задач освоения космического пространства, в том числе многоразовой ракетно-космической системы. Третий – работы, связанные с созданием научно-технического задела для осуществления в составе международной кооперации пилотируемого полета на Марс, а также с созданием орбитальной станции нового поколения.

Можно выделить следующие направления космической деятельности, способствующие достижению вышеупомянутых приоритетов:

- реализация космических проектов в интересах расширения знаний о Земле, Солнечной системе и Вселенной, проведение фундаментальных научных исследований в области астрофизики, планетологии, физики Солнца и солнечно-земных связей;
- обеспечение равноправного участия Российской Федерации в международных космических программах и проектах с целью гарантированного доступа к конечным результатам реализации этих программ (проектов);
- осуществление орбитальных пилотируемых полетов в интересах развития экономики, науки, решения прикладных задач;
- отработка технологий производства в космосе новых материалов и высокочистых веществ⁵.

Важно отметить, что в реформировании отечественного авиапрома в последние годы немаловажную роль играют общественные институты, одним из которых является Комитет Торгово-промышленной Палаты (ТПП) по развитию авиационно-космического комплекса. Согласно его отчетам о работе, проводится постоянный мониторинг законодательной базы в области обеспечения устойчивого развития авиационно-космического комплекса. Также в рамках Комитета работает Молодежная секция по обеспечению космической промышленности молодыми квалифицированными кадрами.

Россия – одна из немногих стран, которая в течение нескольких последних лет увеличивает финансирование космической деятельно-

⁵ Федеральная космическая программа России на 2006–2015 годы, утвержденная постановлением Правительства от 22 октября 2005 года № 635. federalspace.ru/115/ (дата обращения: 12.02.2014).

сти, в отличие от стран в Европы и США, вынужденно сокращавших, на фоне мирового финансового кризиса, бюджетные ассигнования на космические программы. Еще одним положительным моментом является будущий запуск первого российского частного спутника. Так, первый серийный аппарат на орбиту должна отправить компания «Спутникс», дочерняя компания ИТЦ «СканЭкс», ставшая в ноябре 2011 г. резидентом уже упомянутого ранее центра «Сколково». Компания планирует создавать малые космические аппараты массой от 12 до 50 кг. Российская компания «Даурия – спутниковые технологии», дочерняя компания «Даурии Аэроспейс» – еще один резидент «Сколково» – планирует создание и запуск микроспутников весом до 10 кг. Существование таких компаний, как «Спутникс», «Даурия Аэроспейс» и многих других резидентов «Сколково» вселяет надежду на становление частного бизнеса в России в самом ближайшем времени.

В заключение важно отметить, что российское государство будет продолжать оказывать поддержку ракетно-космической промышленности. При условии, что ближайшие годы не принесут новых проблем, а все проекты будут финансироваться частным сектором более высокими темпами, они будут реализованы «качественно и в срок», и Россия уже в ближайшем будущем займет место безусловного лидера в космической отрасли.

Литература

1. Бауэр В.П., Ковков Дж.В., Московский А.М., Сенчагов В.К. Состояние и механизмы развития ракетно-космической промышленности России. М.: Институт экономики РАН, 2012. С. 8.
2. Юфеев С. Сокровище Луны – Гелий-3. topwar.ru/24664-sokrovishche-luny-geliy-3.html от 25.02.2013.
3. Зельднер А.Г. Правовые проблемы развития государственно-частного партнерства // Вопросы экономики и права. 2011. № 1.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЭКОНОМИКА

М.Ю. ГОЛОВНИН
доктор экономических наук, заместитель директора
Института экономики РАН

ВНЕШНИЕ ШОКИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИК В КРИЗИСНЫЙ И ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОДЫ (2008–2013 гг.)¹

Представлены направления и результаты воздействия глобального экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. на экономику России и Белоруссии. Рассмотрено влияние снижения спроса со стороны России на белорусскую экономику. Анализируются последствия изменения внешнеторговой политики РФ и создания Таможенного союза в 2010 г. для российской и белорусской экономик.

Ключевые слова: *внешние шоки, глобальный экономический и финансовый кризис, внешняя торговля, иностранные инвестиции.*

Классификация JEL: F41, F14, F21.

Внешние шоки в современной экономике и методы оценки их воздействия

Одним из последствий распространения глобализационных процессов в мировой экономике стало усиление подверженности национальных экономик различного рода внешним шокам, которые могут носить как позитивный, так и негативный характер. Например, рост цен на нефть, наблюдавшийся на протяжении 2002–2008 гг., может рассматриваться как позитивный шок для российской экономики. Крайней формой негативных внешних шоков выступают кризисные явления, распространяющиеся извне на национальную экономику.

Влияние глобализации на характер внешних шоков проявилось как в усилении частоты и степени их воздействия, так и в изменении

¹ Работа выполнена в рамках совместного научно-исследовательского проекта РГНФ и БРФФИ «Социально-экономические последствия мирового финансово-экономического кризиса и меры по их преодолению в экономике и денежно-кредитной системе России и Беларуси» №13-22-01001 а(м).

силы воздействия различного типа шоков. В последние десятилетия существенно усилилось влияние финансовых шоков в форме различного рода финансовых кризисов (валютных, банковских, долговых). Ч. Киндлбергер и Р. Алибер отмечают, что частота и глубина финансовых кризисов в период с начала 1970-х гг. усилилась [1, с. 15]. Механизмом, который приводит к разрастанию кризисных процессов, становится международное движение капитала с преобладанием спекулятивной составляющей. В свою очередь важной предпосылкой для его развития стали процессы валютно-финансовой либерализации, распространившиеся в развитых странах в 1970–80-е гг., а в развивающихся – в 1990-е гг.

Период 1990–2000-х гг. был отмечен серией кризисов, в которых важную роль сыграло международное движение капитала, в том числе: кризис европейской валютной системы 1992–1993 гг.; серия кризисов в странах с формирующимися рынками в 1994–2002 гг.², на которые наложился кризис фондовых рынков в развитых странах (2000–2002 гг.); глобальный экономический и финансовый кризис (2007–2009 гг.); европейский долговой кризис (2010–2013 гг.).

В 2000-е гг. появилась обширная экономическая литература, посвященная изучению кризисов в новых условиях, получившая особое развитие после 2008 г., когда стало очевидно, что кризисные явления носят глобальный характер. Особое распространение получили термины «заражение» (contagion) и «эффекты переноса» (spillover effects).

Понятие «заражения» самым простым способом может быть определено как перенос любого шока из одной страны в другие страны. Б. Айхенгрин и Э. Роуз, а также Г. Камински и К. Райнхарт рассматривают заражение как ситуацию, в которой знание о кризисе в одной стране увеличивает риск кризиса в другой стране [2, р. 3]. С. Эдвардс дает более узкое определение экономического заражения, когда масштаб, с которым шок переносится, превышает тот, который можно было бы ожидать на основе анализа ожидаемых ключевых макроэкономических переменных [3]. «Эффекты переноса» во многом аналогичны понятию «внешних эффектов», обычно рассматриваемых экономической теорией на микроуровне.

Традиционно анализируются два канала передачи внешних шоков: торговый и инвестиционный. Действие торгового канала разделяется на две составляющие: «объемный» шок и ценовой шок [4, с. 58]. Первый связан с сокращением физических объемов внешней торговли в силу

² В этот период наблюдались кризисы в отдельных странах и регионах с формирующимися рынками, которые представляют собой практически непрерывный процесс: Мексика (1994 г.), Аргентина (1995 г.), Юго-Восточная Азия (1997 г.), Россия (1998 г.), Бразилия (1999 г.), Турция (2000 г.), Аргентина (2001–2002 гг.), Уругвай (2002 г.).

изменения спроса на продукцию данной страны за рубежом, либо внутри страны (например, под воздействием сокращения реальных доходов или изменения динамики валютного курса). Ценовой шок подразумевает изменение цен на товары экспорта и импорта данной страны.

В современных условиях, как нам представляется, особо следует выделить финансовый канал, принимая во внимание, что значительная часть инвестиционных потоков представляет собой движение исключительно финансового капитала. Он может подразумевать не только непосредственный перенос шока посредством трансграничного движения капитала, но и через зависимость национальных финансовых рынков от глобальных финансовых рынков (прежде всего рынков развитых стран). То есть шок может переноситься и опосредованно через изменение ожиданий как внешних игроков, так и внутренних инвесторов.

При характеристике воздействия кризиса на экономику страны через различные внешние шоки необходимо принимать во внимание экономическую политику данной страны. Среди ключевых характеристик экономической политики можно выделить следующие: показатели бюджетно-налоговой политики (уровень доходов, расходов, дефицита бюджета и государственного долга по отношению к ВВП); действующий режим денежно-кредитной политики, в частности, применяемый режим валютного курса; качество финансового регулирования [4, с. 60] и др.

Для оценки эффектов воздействия внешних шоков может использоваться анализ статистической информации (с выделением соответствующих показателей), однако формализованная оценка требует применения эконометрического инструментария, как правило, с использованием моделей векторной авторегрессии (VAR). Следует отметить, что модели векторной авторегрессии не несут в себе теоретического объяснения, поэтому для выделения каналов распространения внешних шоков с учетом теоретически выделенных взаимосвязей используют динамические стохастические модели общего равновесия (Dynamic Stochastic General Equilibrium models – DSGE).

Оценки по сравнительному масштабу действия разных каналов переноса шоков различаются. Подходы к моделированию, основанные на симуляции результатов (simulation-based results), показывают относительно большую значимость торгового канала, тогда как подходы, основанные на использовании векторной авторегрессии, демонстрируют большую значимость различных форм финансового канала [5, p. 7].

Многие работы, посвященные анализу «эффекта переноса» [5, 6, 7], содержат вывод о том, что основной глобальный эффект вызван изменениями экономической динамики в США. Вместе с тем Х. Пуассон и С. Вебер показали, что влияние США усилилось в течение более позднего периода (1993–2010 гг.) по сравнению с более ранним пери-

одом [5, р. 8]. Тем самым подтверждается увеличение значимости «эффектов переноса» в период глобализации.

Как правило, большую значимость демонстрируют эффекты со стороны экономики США на близкие к ним страны. Так, Р. Дутта-гупта и Н. Баррера в своей работе³ показали взаимосвязь динамики реального ВВП Канады с изменением условий кредитования в США и с динамикой цен на нефть. В долгосрочном периоде вариативность канадского реального ВВП наполовину объясняется изменением реального ВВП США и на 13% – динамикой цен на нефть [8].

Тем не менее применительно к рассматриваемым нами странам (Российская Федерация и Республика Беларусь) больший интерес представляют работы, посвященные анализу стран с формирующимися рынками. В частности, Г. Адлер и К. Товар на основе эконометрического анализа воздействия 8 случаев глобальных финансовых шоков 1990–2000-х гг. на страны данной группы показали, что страны с более устойчивыми макроэкономическими показателями (главным образом относящимися к внешнему сектору) и более гибкими режимами валютного курса лучше переносят внешние шоки. При этом для всех групп стран с формирующимися рынками (за исключением стран Восточной Европы) наблюдается ослабление воздействия этих шоков со временем [9].

В свою очередь Ф. Озкан и Д. Унсал, применяя методологию динамической стохастической модели общего равновесия к анализу малой открытой экономики с формирующимся рынком, пришли к выводам, что в случае внешнего финансового шока глубина его воздействия на национальную экономику зависит от уровня ее подверженности внешнему «заражению». Соответственно, чем больше уровень внешне-торговой открытости, тем большей будет эта глубина воздействия [10].

Внешние шоки для российской и белорусской экономики

Наше дальнейшее исследование будет сконцентрировано на статистическом анализе внешних шоков для российской и белорусской экономики, включая влияние динамики первой на вторую. Выбор стран для анализа не случаен. Россия и Беларусь участвуют в интеграционном объединении на постсоветском пространстве (Таможенный союз/Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана), в котором планируется движение к достаточно высокой степени интеграции (экономическому союзу). С одной стороны, углубление экономической интеграции приводит к усилению экономической взаимо-

³ Следует отметить, что в работе использовалась не стандартная, а байесовская векторная авторегрессия (Bayesian VAR).

зависимости стран – членов объединения, с другой – синхронизация воздействия внешних шоков является дополнительным аргументом в пользу экономической интеграции, поскольку последняя на высоких стадиях (таможенный союз – для внешней торговли, экономический союз – для экономики в целом) начинает играть роль «буфера» для подобных шоков.

Российская и белорусская экономики демонстрируют достаточно высокую степень открытости. Однако они различались по моделям открытости. Если белорусская экономика демонстрировала относительно большую внешнеторговую открытость⁴ (см. рис. 1), то российская (за исключением кризисного периода) – большую открытость с позиций движения капитала (см. рис. 2).

На рассматриваемом нами временном интервале общим ключевым внешним шоком для российской и белорусской экономики стал глобальный экономический и финансовый кризис, распространившийся на страны во второй половине 2008 г.⁵

Россия испытала воздействие кризиса уже летом 2008 г., когда началось падение фондовых индексов, связанное с уходом иностранного капитала [11, с. 13–14], игравшего важную роль на рынке ценных бумаг⁶. Наиболее сильное воздействие финансового шока и распространение кризиса на реальный сектор произошли в конце 2008 г. после банкротства банка Lehman Brothers и падения цен на нефть начавшегося во второй половине июля 2008 г. и продолжавшегося до конца 2008 г.

Отток капитала из страны привел к тому, что увеличение обязательств по линии портфельных инвестиций поменяло знак на отрицательный в III квартале 2008 г., а по линии прочих инвестиций – в IV квартале 2008 г. В результате в целом за 2008 г. обязательства по портфельным инвестициям составили отрицательную величину в 27,3 млрд долл. (против увеличения на 16 млрд долл. в 2007 г.). Обязательства по прочим инвестициям сократились на 55% и только по прямым инвестициям выросли на 37% в силу их большей инертности. Однако уже в 2009 г. (по сравнению с 2008 г.) объем прямых

⁴ Для сопоставления можно отметить, что отношение экспорта товаров и услуг к ВВП составляло в 2012 г. в Бразилии 12,6%, Индии – 23,8%, Индонезии – 24,2%, ЮАР – 28,2%.

⁵ Строго говоря, отдельные сигналы, связанные с воздействием мирового финансового кризиса, начавшегося в 2007 г., Россия испытывала и ранее. В августе 2007 г. произошел резкий рост процентных ставок на межбанковском рынке России. Центральный банк вмешался, предоставив коммерческим банкам ликвидность для преодоления возникших проблем.

⁶ Доля нерезидентов в общем объеме вторичных торгов на Фондовой бирже ММВБ в мае 2008 г. составляла около 34%.

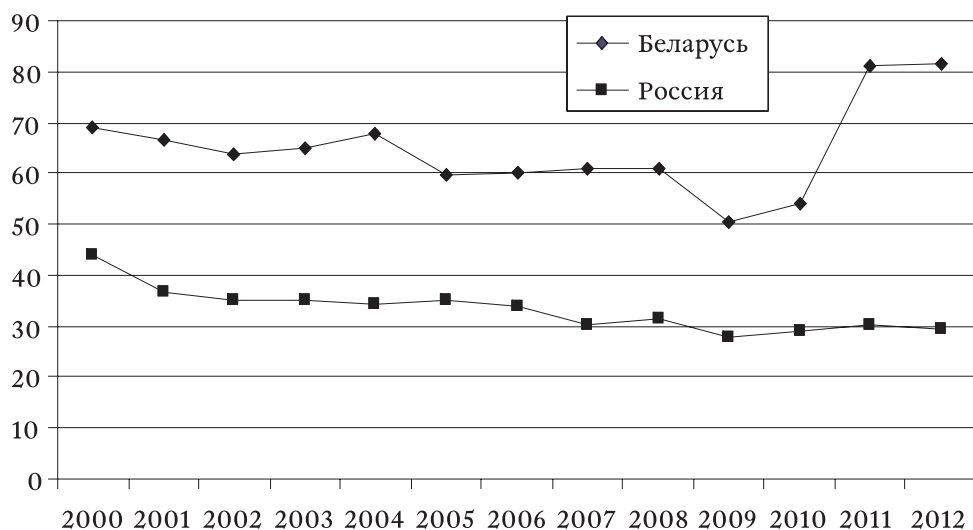

Рис. 1. Экспорт товаров и услуг России и Беларуси

Источник: данные Всемирного банка. data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS.

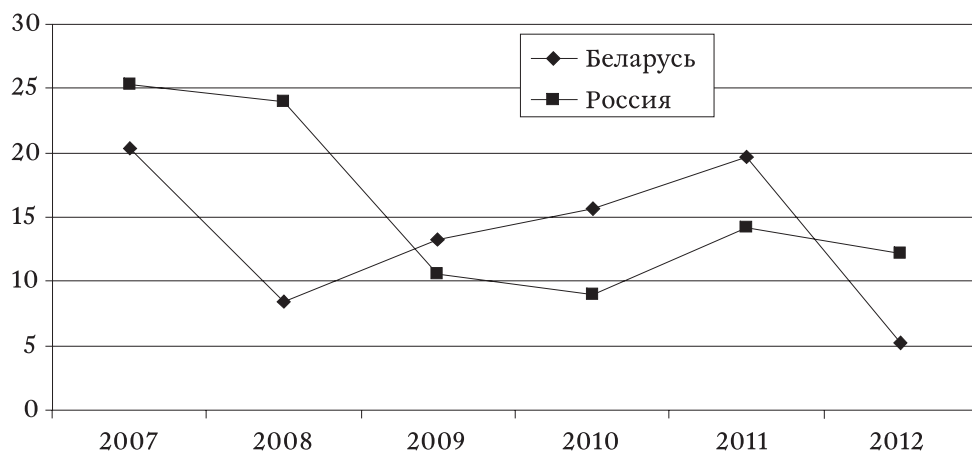

Рис. 2. Совокупные трансграничные потоки капитала России и Беларуси.

Рассчитаны как сумма (по модулю) активных и пассивных статей «прямые инвестиции», «портфельные инвестиции» и «прочие инвестиции» финансового счета платежного баланса.

Источник: Данные национальной статистики платежного баланса.

инвестиций в страну сократился на 49%. Следует также отметить существенные изменения в потоках капитала в 2008 г., тогда как их абсолютные значения по сравнению с 2007 г. изменились незначительно (см. рис. 2). Речь идет о резком увеличении активов по линии

прочих инвестиций: в 3,1 раза по абсолютному значению по сравнению с 2007 г. С четвертого квартала 2008 г. началось падение российского экспорта – в нижней точке падения (в I квартале 2009 г.) экспорт снизился по сравнению с аналогичным кварталом предыдущего года на 48%. В целом за 2009 г. по сравнению с 2008 г. экспорт сократился на 36%.

Таким образом, распространение кризиса на Россию началось по финансовому каналу, затем добавилось действие внешнеторгового и инвестиционного (в широком смысле слова) каналов. Внешние шоки достаточно быстро транслировались в реальный сектор: в октябре 2008 г. началось резкое снижение темпов роста основных макроэкономических показателей (инвестиций в основной капитал, промышленного производства, реальных располагаемых доходов населения) по сравнению с аналогичным месяцем предыдущего года, а в ноябре 2008 г. темпы прироста перешли в отрицательную область. При этом наиболее чувствительными к кризисным потрясениям оказались темпы прироста инвестиций в основной капитал и динамика производства в обрабатывающей промышленности.

Результаты воздействия глобальных шоков на российскую экономику были весьма существенными. Темп экономического спада в 2009 г. в России (7,8%) существенно превысил темп спада в мировой экономике в целом (0,4%), не говоря уже о том, что группа стран с формирующимися рынками и развивающихся стран, в которую входит Россия, продемонстрировала в 2009 г. экономический рост (на 3,1%). Нельзя объяснить глубину российского спада и только спецификой ее экспорта (резким падением цен на энергоносители): группа стран – экспортеров нефти испытала в 2009 г. спад всего на 1,2% [12, р. 153]. По-видимому, свою роль сыграли недостатки экономической политики, главным образом бюджетно-налоговой, не сумевшей оперативно выстроить систему реагирования на внешние шоки в части изменения налогов, связанных с экспортными отраслями, и увеличения расходов, ориентированных на поддержку конечного спроса [11, с. 22]. При этом двойственная денежно-кредитная политика, проводившаяся Россией во время кризиса, в целом оказала скорее негативное воздействие на совокупный спрос [13, с. 11–15].

Экономика Беларуси в меньшей степени интегрирована в мировую финансовую систему, соответственно, на нее основное распространение внешних шоков шло по линии торгового канала. В 2009 г. экспорт республики сократился на 34,6%, опередив сокращение импорта (на 27,5%), что привело к ухудшению ситуации с платежным балансом. Дефицит текущего счета увеличился с 8,2% ВВП в 2008 г. до 12,6% ВВП в 2009 г., достигнув критической отметки. При этом действие кризиса проявилось и по линии финансового канала: обязательства по про-

чим инвестициям в 2008 г. снизились по сравнению с 2007 г. на 54,7%. Однако при этом прямые инвестиции выросли на 21%, и не произошло значительного увеличения активов (как в случае с Россией). В результате сальдо финансового счета платежного баланса несколько улучшилось⁷.

Перенос эффектов глобального кризиса на реальный сектор экономики Беларуси оказался достаточно быстрым: спад промышленного производства начался в ноябре 2008 г. и продолжался на протяжении 2009 г. (оживление началось лишь в конце 2009 г.) [14, с. 80–81]. Отличительной особенностью от России стало то, что Беларуси удалось в 2009 г. сохранить темпы экономического роста на близкой к нулевой отметке (0,1%). Определенный вклад в подобную динамику внесла национальная экономическая политика, обеспечившая, в частности, высокие темпы прироста инвестиций в основной капитал (особенно рост капитального строительства) [14, с. 81], тогда как в России именно сокращение инвестиций во многом обусловило столь значительную глубину спада.

Следующим по значимости общим внешним шоком для российской и белорусской экономик стал европейский долговой кризис, начавшийся весной 2010 г. (с проблем по обслуживанию греческого государственного долга) и распространившийся на Ирландию, Португалию, Испанию, Италию, а с 2012 г. – на европейскую экономику в целом. Так, со второго квартала 2012 г. началось падение реального ВВП ЕС, а по итогам 2012 г. он сократился на 0,3%.

Воздействие европейского кризиса на российскую экономику прослеживается по нескольким каналам: торговому, инвестиционному (под которым мы понимаем исключительно прямые инвестиции) и финансовому. Действие торгового канала было связано с сокращением спроса со стороны ЕС сначала на нефть (в 2011–2012 гг.), а затем на природный газ (в 2013 г.). Действие инвестиционного канала проявилось слабо, главным образом в виде оттока российского капитала из стран ЕС в 2012 г.⁸ Финансовый канал проявлялся через рынок акций, валютный рынок и воздействие на российский межбанковский рынок [15]. Тем не менее в целом мы наблюдаем устойчивое снижение темпов экономического роста России по кварталам с начала 2012 г. до середины 2013 г., которое может объясняться отложенным действием европейского кризиса (через «эффект переноса»).

⁷ Здесь и далее статистика по платежному балансу Беларуси приводится на основе данных Национального банка Республики Беларусь. nrb.by/statistics/BalPay.

⁸ Следует, однако, оговориться, что оценка географической структуры прямых иностранных инвестиций России крайне затруднена в силу наличия «оффшорного фактора».

Экономическая динамика Беларуси во время европейского кризиса отличалась достаточно высокими темпами экономического роста в 2010–2011 гг. (7,7 и 5,5% соответственно) при их существенном замедлении в 2012 г. (до 1,5%). Однако это замедление было вызвано во многом внутренними потрясениями в экономике страны, начавшимися весной 2011 г. Эти потрясения в определенной мере стали отложенным эффектом экономической политики, позволившей сгладить воздействие глобального шока в 2008–2009 гг. Мы уже отмечали, что Беларусь в эти годы наращивала дефицит текущего счета платежного баланса, к 2010 г. (с учетом влияния России в области поставок энергоносителей, речь о котором пойдет ниже) его значение достигло величины, близкой к 15% ВВП. Кроме того, власти Беларуси несколько смягчили экономическую политику, которая была ужесточена для получения помощи со стороны МВФ в 2009 г. В результате возникло мощное давление на валютном рынке, приведшее к девальвации белорусского рубля к доллару США в мае 2011 г. на 56%⁹. Как следствие произошло улучшение ситуации с текущим счетом платежного баланса страны. Дефицит по отношению к ВВП снизился до 9,7% ВВП в 2011 г. и 2,9% ВВП в 2012 г. В то же время следует отметить, что свой вклад в эту динамику внесло улучшение ситуации во внешней торговле Беларуси с Россией, в том числе под воздействием создания Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси.

Таким образом, динамика белорусской экономики в 2010–2013 гг. во многом определялась внутренними тенденциями, действие которых усугублялось ухудшением ситуации в европейской экономике. Однако точный эффект этого воздействия определить достаточно сложно в связи с тем, что на него наложилось действие внешних факторов со стороны России.

Влияние российской экономики на динамику экономического развития Беларуси

Роль России во внешней торговле Беларуси хотя и снизилась по сравнению с началом 2000-х гг., но продолжает оставаться на достаточно высоком уровне (см. рис. 3). Главным образом она определяется российским экспортом в Беларусь и в меньшей степени – белорусским экспортом в Россию.

Также Россия играет значимую роль в иностранных инвестициях в Беларусь, особенно по линии прямых и прочих инвестиций (см. табл.).

Исходя из приведенных данных можно предположить, что действие общих внешних шоков для Беларуси существенным образом

⁹ Transition Report 2011. EBRD, 2011. P. 116.

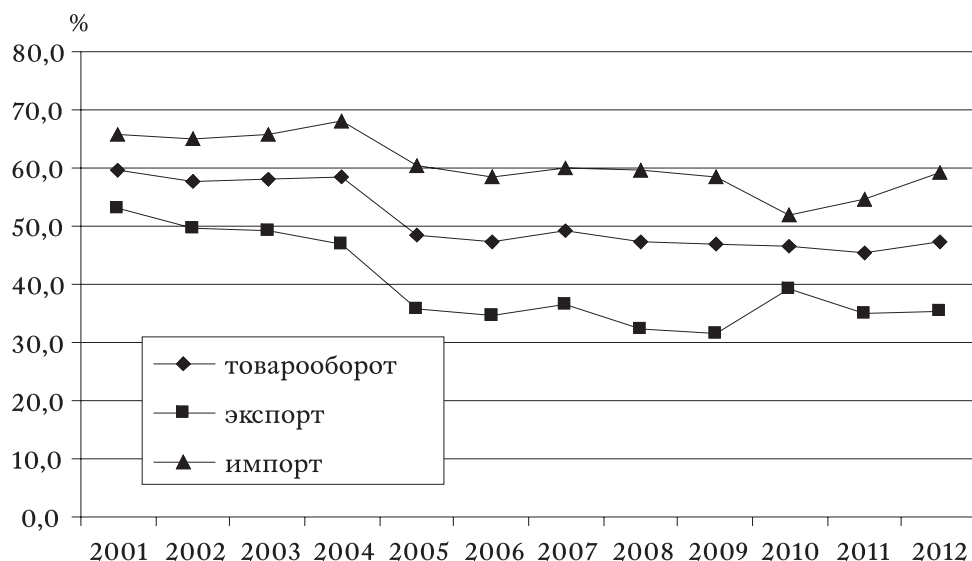

Рис. 3. Доля России во внешней торговле Беларуси.

Источник: Рассчитано на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь. belstat.gov.by.

«преломляется» через Россию, при этом на экономике республики сказываются и «локальные» российские шоки.

Применительно к воздействию глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. на экономику Беларуси через российскую экономику явно прослеживается сокращение спроса России на продукцию белорусского экспорта (особенно в связи с опережающим падением обрабатывающей промышленности), равно как и снижение объемов белорусского импорта из России. Если совокупный экспорт Беларуси сократился в 2009 г. на 34,6%, то экспорт в Россию – на 36,3%. Соответственно сокращение экспорта в Россию к ВВП Беларуси в 2009 г по сравнению с 2008 г. (в долларовом выражении) составило 7,8%¹⁰.

При этом следует отметить, что по инвестиционному каналу взаимодействие России с Беларусью скорее демпфировало для последней влияние глобального шока (см. табл.). На фоне сокращения общего объема прямых иностранных инвестиций Беларуси в 2009 г. на 14,2%, прямые инвестиции из России выросли на 32,8%. В целом в период 2009–2011 гг. доля России в прямых иностранных инвестициях Беларуси была близка к 70%. Однако подобная ситуация во многом объ-

¹⁰ Для отражения асимметричности подобного шока отметим, что отношение сокращения российского экспорта в Беларусь в 2009 г. к ВВП России составило всего 0,6%.

**Основные статьи финансового счета платежного баланса Беларуси
(млн долл.)**

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Чистое кредитование/ заимствование						
Всего:	-5 261,1	-4 149,7	-5 304,3	-6 101,1	-5 564,6	-602,2
с Россией	-2 956,7	-2 085,4	-2 529,2	-3 309,9	-2 580,4	883
Прямые инвестиции (чистое принятие обязательств)						
Всего:	1807,3	2187,9	1876,5	1393,4	4002,4	1463,6
с Россией	813	1031,7	1370	933,7	2819,6	469,9
Доля России в прямых инвестициях в Беларусь (в %)	45,0	47,2	73,0	67,0	70,4	32,1
Прочие инвестиции (чистое принятие обязательств)						
Всего:	5439,5	2464,1	4018,9	4750,9	4101,1	-1018,5
с Россией	2957,3	938,2	1468,1	1959	1151,9	-485,9
Доля России в прочих инвестициях в Беларусь (в %)	54,4	38,1	36,5	41,2	28,1	47,7

Источник: Платежный баланс Республики Беларусь по данным Национального банка Республики Беларусь (www.nbrb.by).

яснялась одной сделкой, платежи по которой были растянуты во времени, – приобретением Газпромом Белтрансгаза¹¹. Соответствующие платежи завершились в 2011 г., и уже в 2012 г. мы наблюдаем резкое сокращение прямых иностранных инвестиций из России.

Кроме того, следует отметить, что Россия оказывала значительную финансовую поддержку Беларуси по линии межгосударственной помощи. В период острой фазы кризиса она предоставила Беларуси два стабилизационных кредита: в ноябре 2008 г. в размере 1 млрд долл. и в марте 2009 г. в размере 500 млн долл. В конце 2009 г. Беларусь также получила синдицированный кредит от четырех российских банков в размере 6 млрд российских рублей [14, с. 91].

Впоследствии национальная поддержка России была дополнена поддержкой по линии интеграционного объединения (ЕврАзЭС).

¹¹ Среди крупных сделок с участием российского капитала в период кризиса следует также отметить приобретение в декабре 2009 г. 93%-ной доли в Белпромстройбанке российским Сбербанком. См.: Transition Report 2010. EBRD, 2010. P. 105.

Для преодоления внутреннего экономического кризиса 2011 г. было одобрено предоставление Беларуси 3 млрд долл. из Антикризисного фонда ЕврАзЭС на срок 2011–2013 гг. шестью траншами, пять из которых уже были проведены¹².

В то же время изменения во внешнеторговой политике России, связанные с порядком установления экспортных пошлин на нефть, послужили источником внешних шоков для Беларуси. Так, в начале 2010 г. Россия изменила правила взимания экспортных пошлин для Беларуси: вместо использования формулы расчета экспортной пошлины, учитывающей внутреннее потребление нефти Беларусью, вводилась квота этого потребления в размере 6,3 млн т, сверх которой поставки нефти в эту страну облагались 100%-ной экспортной пошлиной. Как следствие, импорт Беларуси из России в 2010 г. рос невысокими темпами (8,1%) при опережающей динамике совокупного импорта страны в данном году (22,1%).

Позитивным внешнеторговым шоком для Беларуси стало вступление в Таможенный союз с Россией, сказавшемся прежде всего на белорусском экспорте. При совокупном увеличении экспорта страны в 2010 г. на 18,7%, экспорт в Россию вырос на 48,2%. Экспорт Беларуси в Россию также рос опережающими темпами по сравнению с совокупным экспортом в 2012 г., а за первые девять месяцев 2013 г. демонстрировал положительную динамику (5,8%) при сокращении совокупного экспорта (на 21,3%)¹³.

Проведенный анализ позволяет выделить в рассматриваемый период следующие ключевые внешние шоки для белорусской экономики со стороны России: сокращение спроса на белорусский экспорт в 2009 г.; демпфирующее воздействие на экономическую динамику Беларуси по линии прямых иностранных инвестиций и официальной международной помощи (в 2009–2011 гг.); дополнительная помощь по линии интеграционного объединения с участием России (антикризисный фонд ЕврАзЭС); негативные эффекты от внешнеторговой политики России в 2010 г. и позитивные эффекты от вступления в Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана.

Динамика экономического развития Беларуси в ближайшей перспективе будет определяться не только внутренней экономической политикой, но и развитием ситуации в российской экономике, которая находится на переломе между сползанием в рецессию и возобновлением экономического роста. При этом существуют предпосылки для появления новых внешних шоков в глобальной экономике, которые могут затронуть обе страны.

¹² acf.eabr.org/r/projects/belarus_project/.

¹³ belstat.gov.by/homep/ru/indicators/trade_balance.php.

Литература

1. Киндлбергер Ч., Алибер Р. Мировые финансовые кризисы: мании, паники и крахи. С-Пб.: Питер, 2010.
2. Jokipii T., Lucey B. CEE Banking Sector Co-Movement: Contagion or Interdependence? // IIS Discussion Paper. 2005. No. 77.
3. Edwards S. Contagion // The World Economy. 2000. Vol. 23. No. 7.
4. Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. Чем определялась глубина спада в кризисный период? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 8.
5. Poirson H., Weber S. Growth Spillover Dynamics from Crisis to Recovery // IMF Working Paper. 2011. No. 218.
6. Helbling Th., Berezin P., Kose A., Kumhof M., Laxton D., Spatafora N. Decoupling the Train: Spillovers and Cycles in the World Economy / Chapter 4 in *World Economic Outlook*, April 2007. Washington DC: International Monetary Fund, 2007.
7. Bayoumi T., Swiston A. Foreign Entanglements: Estimating the Source and Size of Spillovers Across Industrial Countries // IMF Staff Papers. 2009. Vol. 56 (2).
8. Duttagupta R., Barrera N. The Impact of the Global Crisis on Canada: What Do Macro-Financial Linkages Tell Us? // IMF Working Paper. 2010. No. 5.
9. Adler G., Tovar C.E. Riding Global Financial Waves: The Economic Impact of Global Financial Shocks on Emerging Market Economies // IMF Working Paper. 2012. No. 188.
10. Ozkan F.G., Unsal D.F. Global Financial Crisis, Financial Contagion, and Emerging Markets // IMF Working paper. 2012. No. 293.
11. Некипелов А.Д. Денежно-кредитная политика России и мировой экономической кризис // Стратегия и тактика денежно-кредитной политики России и Украины и мировой экономической кризис. / Под ред. А.Д. Некипелова, М.Ю. Головнина. М.: Институт экономики РАН, 2010.
12. *World Economic Outlook*. October 2013. Washington DC: International Monetary Fund, 2013.
13. Некипелов А.Д., Головнин М.Ю. Стратегия и тактика денежно-кредитной политики в условиях мирового экономического кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 1.
14. Шурубович А.В. Белоруссия // Национальные особенности проявления мирового финансового кризиса в постсоветских странах / Под общ. ред. Л.Б. Вардомского. М.: ИЭ РАН, 2010.
15. Последствия европейского долгового кризиса для экономики России / Под ред. М.Ю. Головнина. М.: ИЭ РАН, 2013.

Д.И. УШКАЛОВА
кандидат экономических наук,
заведующая сектором Института экономики РАН

ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД¹

В статье рассматривается специфика торгово-экономического взаимодействия России и Беларуси в 2008–2013 гг. Анализируется динамика и качественные характеристики взаимного товарного обмена двух стран. Дается оценка влияния фактора создания Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана на торговое взаимодействие России и Беларуси в посткризисный период.

Ключевые слова: *внешняя торговля, взаимная торговля России и Беларуси, экономическая интеграция, Таможенный союз и Единое экономическое пространство, внешнеторговые интеграционные эффекты.*

Классификация JEL: F14, F15.

С момента распада СССР Республика Беларусь выступает ключевым экономическим и интеграционным партнером России на постсоветском пространстве. Между тем в последние годы динамика и содержательность экономического сотрудничества двух стран стали претерпевать существенные изменения.

С одной стороны, с 2010 г. наблюдается интенсивное углубление интеграционного взаимодействия России и Беларуси. В рамках трехстороннего Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Беларуси и Казахстана функционирует единая таможенная территория. Таможенный союз имеет единую систему таможенно-тарифного и нетарифного регулирования внешней торговли, таможенное администрирование (осуществлен перенос таможенного и других согласованных видов государственного контроля на

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках совместного научно-исследовательского проекта с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований «Социально-экономические последствия мирового финансово-экономического кризиса и меры по их преодолению в экономике и денежно-кредитной системе России и Беларуси» (проект №13-22-01001 а(м)).

внешнюю границу), единую систему санитарно-ветеринарных и фито-санитарных требований, что по существу соответствует модели таможенного союза, который был создан в Европе в конце 1960-х гг. [1, с. 18].

С другой стороны, функционирование ТС и ЕЭП происходит на фоне продолжающейся посткризисной стагнации мировой экономики, ухудшения ряда макроэкономических показателей стран-членов ТС, изменения конфигурации внешнеторговых связей стран региона, что вносит существенные коррективы как в динамику российско-белорусского экономического взаимодействия в различных сферах, так и в систему взаимосвязей хозяйственных комплексов двух стран.

Мировой экономический кризис оказал существенное негативное воздействие на внешнюю и взаимную торговлю России и Беларуси (см. рис. 1, 2). При этом основные показатели внешней торговли двух стран показывали практически идентичную динамику, что обусловлено как общностью экзогенных факторов развития кризиса (падением цен на мировых и региональных товарных рынках), так и высокой степенью взаимозависимости российской и белорусской экономик.

Следует отметить, что для России воздействие фактора «таможенного союза» имело значительно меньший масштаб, чем для Беларуси. Экспорт России в страны Таможенного союза и, в частности, в Беларусь начал показывать лучшую динамику, чем экспорт в третьи страны только в 2011 г., преимущественно под воздействием роста поставок в Беларусь минерального сырья. В 2011–2012 гг. экспорт России в Беларусь рос опережающими темпами по сравнению с поставками в дальнее зарубежье, однако разница в темпах роста не была достаточно значимой для того, чтобы подтвердить наличие эффекта «создания торговли». При этом важной характеристикой торгового взаимодействия России с партнерами по Таможенному союзу и, в частности, с Беларусью, в 2011 г. явилось превышение темпов роста импорта из стран ТС над аналогичным показателем для импорта из третьих стран, а также над темпами роста российского экспорта. Данное обстоятельство указывает на то, что Беларусь в большей мере, чем Россия, смогла реализовать преимущества, полученные при формировании интеграционного объединения.

Эффекты создания Таможенного союза, проявившиеся в торговле России и Беларуси, оказались наиболее существенными. Так, проведенное с участием автора эконометрическое исследование подтвердило, что создание Таможенного союза привело к росту российско-белорусской торговли в 2010–2012 гг., в то время как эффекты для российско-казахстанской и белорусско-казахстанской торговли оказались неопределенными. Иными словами, активизация торгового обмена между Россией и Беларусью оказалась единственным подтвержденным эконометрически интеграционным эффектом в сфере торговли [2, с. 4].

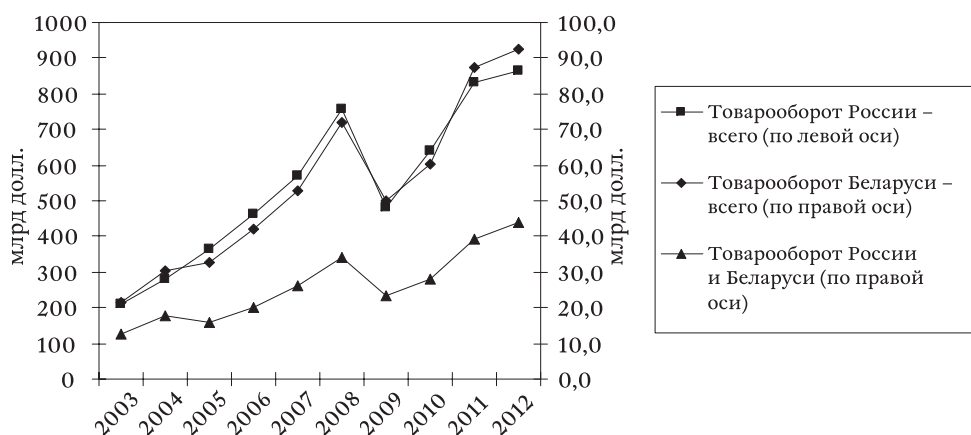

Рис. 1. Динамика товарооборота России и Беларуси в 2007–2012 гг., млрд долл.

Источник: Беларусь в цифрах (годовые данные). Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. belstat.gov.by/homep/ru/indicators/ftrade1.php; данные Центрального банка РФ. www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/trade.htm&pid=svs&sid=vt.

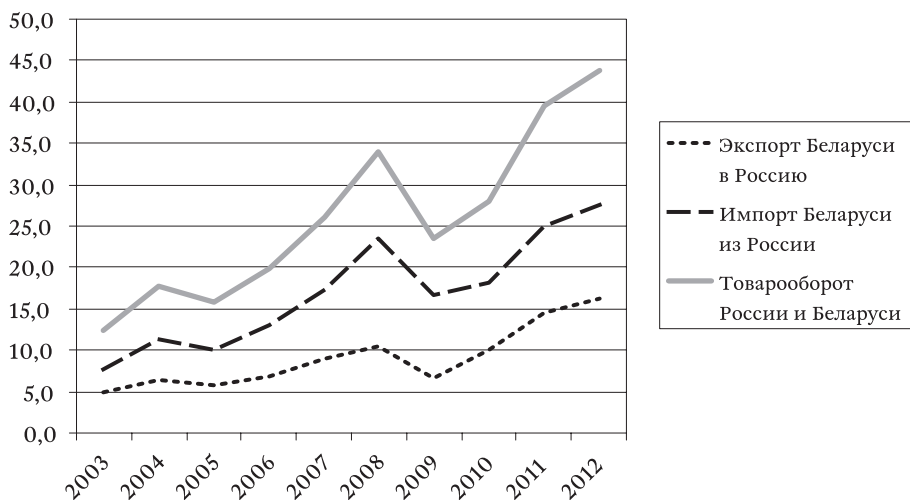

Рис. 2. Динамика основных показателей взаимной торговли России и Беларуси в 2003–2012 гг., млрд долл.

Источник: Беларусь в цифрах (годовые данные). Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. belstat.gov.by/homep/ru/indicators/ftrade1.php.

Для Беларуси это было обусловлено воздействием, главным образом, двух факторов – спецификой поставок углеводородного сырья и активизацией экспорта на рынки России и Казахстана белорусской готовой продукции, в частности, продовольствия, машин и обору-

дования. Именно активизация торговли топливно-энергетическими товарами, связанная с отменой экспортных пошлин на нефть в российско-белорусской торговле, оказалась важнейшим «отраслевым» эффектом, выявленным эконометрическим исследованием [2, с. 4, 5].

Этот фактор стал важнейшим для развития внешней торговли Беларуси в 2011–2012 гг. Так, после ратификации Республикой Беларусь пакета соглашений по Единому экономическому пространству в июле 2010 г. экспортные пошлины при вывозе нефти из России в Беларусь были отменены, а экспортные пошлины, уплачиваемые при экспорте нефтепродуктов из Беларуси за пределы единой таможенной территории, перечисляются в российский бюджет.

В результате в 2011 г. произошло резкое увеличение поставок нефти из России в Беларусь и, соответственно, стоимостных объемов белорусского импорта из России, сокращение поставок из Казахстана и наращивание объемов экспорта нефтепродуктов и продукции нефтехимии в страны дальнего зарубежья (главным образом, ЕС). Как следствие, под воздействием создания ТС и активизации импорта нефти из России темпы роста поставок Беларуси в страны дальнего зарубежья в 2011 г. превысили относительно высокий аналогичный показатель для взаимной торговли с Россией: экспорт Беларуси в Россию возрос на 45,8%, а в третьи страны – в 1,6 раза².

Столь масштабный прирост экспорта в третьи страны был обусловлен преимущественно резким увеличением поставок таких товарных позиций, как растворители и разбавители, а также смазочные масла, экспортная пошлина на которые в российский бюджет не перечислялась (в отличие от экспортной пошлины на светлые нефтепродукты). Вывоз из России светлых нефтепродуктов под видом «растворителей и разбавителей», а также «биодизеля» позволил обеспечить полную загрузку двух белорусских НПЗ и принес белорусской стороне существенную прибыль.

В середине 2012 г., учитывая ощутимые потери российского бюджета данная ситуация была урегулирована путем переговоров, и практика экспорта Беларусью нефтепродуктов под видом товарных позиций, вывозные пошлины на которые не взимаются в российский бюджет, была прекращена. В результате с августа 2012 г. экспорт Беларуси в третьи страны начал показывать отрицательную динамику. За счет сокращения поставок в Республику простейших нефтепродуктов, использовавшихся в качестве сырья для переработки на белорусских НПЗ, ухудшилась и динамика российского экспорта в Беларусь. Так,

² Расчеты на основе данных: Беларусь в цифрах (годовые данные). Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. belstat.gov.by/homeper/ru/indicators/fttrade1.php.

по итогам I полугодия 2013 г. физические объемы импорта нефтепродуктов в Беларусь из России сократились на 99,1% [3, с.12], а импорт Беларуси из России в целом снизился на четверть³.

Другим важнейшим трендом в развитии российско-белорусской торговли в 2011–2012 гг., связанным с формированием Таможенного союза, стала активизация взаимной торговли машинами, технической продукцией, продовольствием и сельскохозяйственным сырьем. Например, в 2011 г. по сравнению с 2010 г. белорусский экспорт в страны ТС⁴ машин, оборудования и транспортных средств возрос в 1,9 раз, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) – на 21,7%. В свою очередь экспорт Беларуси в страны ТС по товарной группе «минеральные продукты» в годовом исчислении увеличился на 74,9% в 2011 г., в 2,2 раза – в 2012 г. и в 2,8 раза – в январе–сентябре 2013 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года⁵.

Развитие рассмотренных тенденций привело к активной эволюции отраслевой специализации Беларуси в торговле со странами Таможенного союза и, в частности, с Россией, на которую приходится около 95% белорусского экспорта. Товарная структура экспорта Республики Беларусь в страны Таможенного союза в последние годы претерпевает изменения: увеличивается удельный вес продовольственных товаров и минеральных продуктов, а также продукции химической промышленности на фоне сокращения доли машин и оборудования. Так за период с 2011 года по 30 сентября 2013 г. доля экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) увеличилась на 5% (2011 г. – 22,6 %, 2012 г. – 24,2, 2013 г. – 27,4%). Доля продукции химической промышленности и каучука выросла на 1,1% (2011 г. – 9,8%, 2012 г. – 10,3, 2013 г. – 10,9%). Доля экспорта минеральных продуктов за это время увеличилась почти в 5 раз (2011 г. – 1,4%, 2012 г. – 2,8, 2013 г. – 6,1%). В этот же период сокращение доли экспорта машин, оборудования и транспортных средств составило более 10% (2011 г. – 42,1%, 2012 г. – 38,2, 2013 г. – 31,5%)⁶.

К началу 2013 г. потенциал опережающего роста взаимной торговли России и Беларуси оказался по существу исчерпанным. После прекращения практики экспорта Беларусью «растворителей и раз-

³ По данным Евразийской экономической комиссии. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/vzaim_stat/iCU201306/Documents/i201306_9.pdf.

⁴ Следует отметить, что в структуре белорусского экспорта в страны ТС около 95% приходится на экспорт в Россию (в структуре импорта – более 99%).

⁵ Данные Евразийской экономической комиссии. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/vzaim_stat/Pages/default.aspx.

⁶ Данные Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/vzaim_stat/Pages/default.aspx).

бавителей» российско-белорусская торговля начала показывать отрицательную динамику. Существенное негативное воздействие оказало развитие кризисных явлений в экономиках двух стран, следствием которых явилось начавшееся в 2012 г. и продолжающееся в 2013 г. сокращение спроса на инвестиционные товары, в частности, на продукцию белорусского машиностроения. По итогам января–сентября 2013 г. (по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года) экспорт России в Беларусь сократился на 20,4%, в то же время экспорт Беларуси в Россию возрос на 5,8%⁷. Однако физические объемы поставок в Россию белорусских грузовых автомобилей снизились на 32,4%, седельных тягачей – на 53,4%, тракторов – на 11,5%, сельскохозяйственной техники – на 13,2% [4, с. 23].

Следует отметить, что в основе ухудшения динамики взаимной торговли лежат фундаментальные факторы прежде всего исчерпание так называемых среднесрочных эффектов интеграции, которые наблюдаются непосредственно после формирования интеграционного объединения и приводят к выходу объемов взаимной торговли на новый уровень, но не меняют качественной характеристики ее роста в долгосрочной перспективе. В отличие от «долгосрочных» эффектов, повышающих эффективность экономики в рамках интеграционного объединения и тем самым способствующих повышению качества экономического роста, действие среднесрочных эффектов основано на преимуществах доступа на рынки партнеров, емкость которых задана экзогенно, в то время как «долгосрочные» эффекты обусловлены повышением емкости объединенного рынка за счет изменения структуры экономики в ходе интеграционного процесса.

Развитие взаимной торговли России и Беларуси в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства трех стран демонстрирует наличие определенных среднесрочных эффектов, однако указывает на отсутствие значимых долгосрочных интеграционных эффектов. Так, по мере насыщения рынка Таможенного союза товарами, произведенными в странах-партнерах, наблюдающиеся первоначально весьма высокие темпы роста начинают демонстрировать тенденцию к снижению (см. рис. 3). В подобной ситуации ухудшение динамики взаимного обмена России и Беларуси в 2012 г. (с учетом эффекта высокой базы 2011 г.) представляется вполне закономерным.

⁷ Снижение импорта Беларуси из стран ТС в стоимостном выражении объясняется сокращением физических объемов поставок на 19% и снижением средних цен импорта товаров на 1,8%. Рост стоимостных объемов белорусского экспорта в страны ТС, наоборот, объясняется увеличением средних цен экспорта на 2% и физического объема поставок на 3,4% (Внешняя торговля// Беларусь в цифрах (октябрь 2013 г.). Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. С. 22. belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013_10/9.pdf).

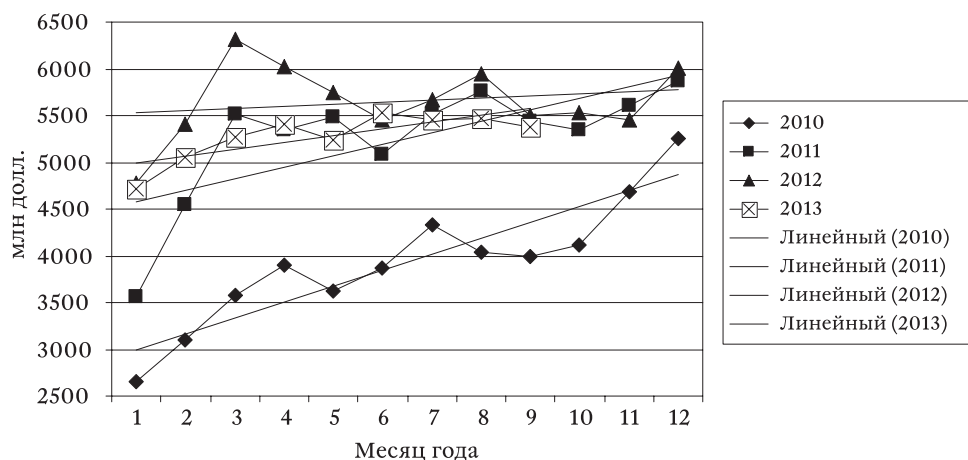

Рис. 3. Помесячная динамика взаимной торговли в рамках Таможенного союза – Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана.

Источник: Данные Евразийской экономической комиссии. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/vzaim_stat/Pages/default.aspx.

На отсутствие значимых долгосрочных внешнеторговых эффектов указывает и динамика структуры торговли России и Беларуси (см. табл.). Однако активизация взаимной торговли России и Беларуси в ходе создания Таможенного союза все же привела к некоторому увеличению удельного веса России в общем объеме экспорта и импорта Беларуси (с 39,4% в 2010 г. до 44% в январе-сентябре 2013 г. и с 52,3% до 53,7% соот-

Таблица

Удельный вес России и Беларуси в общем объеме экспорта и импорта двух стран

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Январь–сентябрь 2013 г.
Удельный вес России в общем объеме экспорта Беларуси	39,4	35,0	35,4	44,0
Удельный вес России в общем объеме импорта Беларуси	52,3	55,7	59,4	53,7
Удельный вес Беларуси в общем объеме экспорта России	4,6	4,9	5,2	4,4
Удельный вес Беларуси в общем объеме импорта России	4,3	4,7	5,2	5,4

Источник: Расчеты на основе данных Евразийской экономической комиссии. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx.

ветственно), а также к незначительному увеличению удельного веса Беларуси в импорте России (с 4,3% в 2010 г. до 5,4% в январе–сентябре 2013 г.).

С точки зрения анализа торговой взаимодополняемости России и Беларуси интерес представляет динамика индекса торговой комплементарности двух стран⁸ (см. рис. 4). Следует отметить, что и для пары Россия (экспортер) – Беларусь (импортер), и для пары Беларусь (экспортер) – Россия (импортер) индексы торговой комплементарности имеют достаточно высокие значения, что указывает на значительную степень соответствия экспортного и импортного профиля России и Беларуси. Так, индекс торговой комплементарности для пары Россия (экспортер) – Беларусь (импортер) все последние годы колеблется в диапазоне от 0,5 до 0,6, а в 2011 г. достигал значения в 0,58. Для сравнения, аналогичный индекс для пары Германия (экспортер) – Франция (импортер) в последние годы составляет порядка 0,7, в то время как для пары Россия (экспортер) – Украина (импортер) не превышает 0,4⁹.

В то же время, если степень соответствия экспортного профиля России импортному профилю Беларуси, отраженная в индексе торговой комплементарности Россия–Украина, в последние годы, несмотря на колебания, находилась на достаточно высоком уровне, то степень соответствия импортного профиля России экспортному профилю Беларуси, наоборот, демонстрировала тенденцию к снижению. Создание Таможенного союза привело к локальному повышению индекса торговой комплементарности Беларусь – Россия, однако, как представляется, пока не привело к кардинальному изменению сложившейся ситуации.

Подводя итоги, можно констатировать, что специфика развития взаимной торговли России и Беларуси в посткризисный период в значительной степени определялась эффектами, обусловленными про-

⁸ Индекс торговой комплементарности показывает, насколько экспортный профиль одной страны соответствует импортному профилю другой. Индекс торговой комплементарности между странами k и j определяется следующим образом:

$$S_{e,jm_k} = 1 - \frac{\sum_i |E_{ij} - M_{ik}|}{2},$$

где S_{e,jm_k} – индекс торговой комплементарности между экспортером j и импортером k , i – товары с трехзначным кодом МСТК (SITC Rev. 3), j – экспортер (страна или группа стран), k – импортер (страна или группа стран), E_{ij} – доля товара i в общем экспорте страны j , M_{ik} – доля товара i в общем импорте страны k . Значение индекса может изменяться от 0 до 1. Индекс принимает значение «0» в случае, если одна страна не импортирует ни одного вида товара, экспортируемого другой страной; значение индекса равно 1 в том случае, если доли экспорта товара i в стране j и импорта этого товара в стране k в точности совпадают (UNCTAD, Merchandise trade complementarity, annual, 1995–2012. unctadstat.unctad.org/TableViewer/summary.aspx).

⁹ Данные UNCTAD, UNCTADstat Merchandise Trade Matrix.

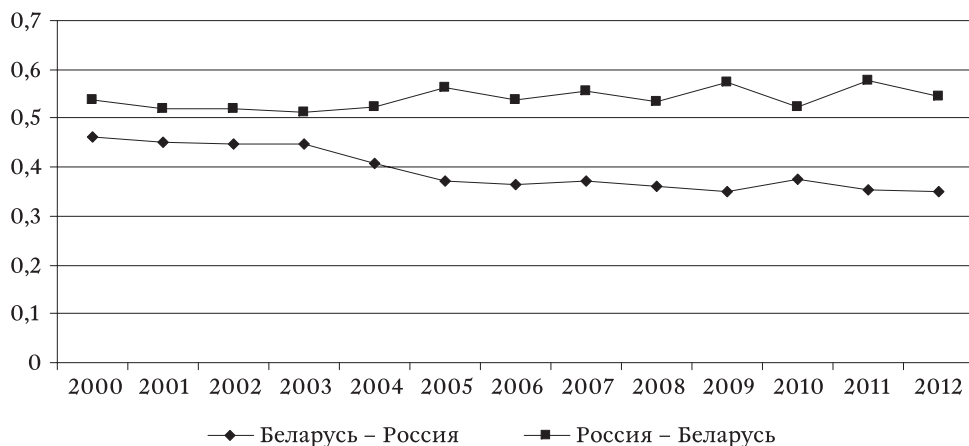

Рис. 4. Динамика индексов торговой комплементарности России и Беларуси.
 Источник: составлено по данным UNCTAD, UNCTADstat Merchandise Trade Matrix.

цессом формирования Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана. Однако до настоящего времени данные эффекты носили среднесрочный или краткосрочный характер. Высокая положительная динамика взаимного торгового взаимодействия России и Беларуси опиралась на экстенсивные факторы роста товарного обмена. То есть создание ТС-ЕЭП пока не заложило надежного фундамента для возникновения интеграционных эффектов в сфере торговли двух стран, основанных на изменении качественных характеристик экономики.

Возникновение подобных эффектов возможно только при реализации преимуществ развития полноценного общего рынка России и Беларуси, создания стабильных условий для улучшения экономической динамики, модернизации структуры хозяйства, производственной кооперации. На современном этапе для решения этой задачи продолжается работа стран по формированию единого экономического организма, преодолению различий в условиях ведения бизнеса, конкуренции, доступа к сырьевым ресурсам и инвестициям и пр. Вместе с тем мировая практика экономической интеграции показывает, что просто реализация принципа «равенства шансов» не способна обеспечить значительное положительное качественное воздействие на экономическое развитие объединяющихся стран. Раскрытие интеграционного потенциала возможно только в контексте сращивания национальных экономик на микроуровне – на основе развития разветвленной системы прямых связей субъектов бизнеса и процессов внутриотраслевой производственной кооперации. Только создание условий для запуска процессов кооперации на производственном уровне позволит обеспечить возникновение долгосрочных позитивных эффектов во взаимной торговле России и Беларуси.

Литература

1. Ушкалова Д.И. Формирование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана: проблемы, предварительные итоги и перспективы. – М.: Институт экономики РАН, 2011.
2. Libman A., Ushkalova D. Foreign Trade Effects of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan, and Russia // Central Asia Economic Paper. No.8. May 2013. Elliott School of International Affairs, the George Washington University. P.
3. Внешняя торговля // Беларусь в цифрах (июль 2013 г.) Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013_7/9.pdf.
4. Внешняя торговля // Беларусь в цифрах (октябрь 2013 г.) Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. С. 23. belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013_10/9.pdf.

В.И. ФИЛАТОВ
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

СТРУКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИК РОССИИ И БЕЛАРУСИ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ МИРОВОГО ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА¹

Приведены результаты исследования проблем преодоления экономической стагнации в Беларуси и России. Показано, что возобновление темпов экономического роста возможно лишь на основе перехода к политике глубокой структурной модернизации и диверсификации промышленного потенциала. Рассматриваются приоритетные направления, условия и механизмы структурной модернизации.

Ключевые слова: *экономический рост; экономическая модернизация и ее аспекты; приоритеты структурной модернизации; координация промышленной и структурной политики в формируемом едином экономическом пространстве (ЕЭП) России, Белоруссии и Казахстана.*

Классификация JEL: O24, O25, L5.

Проблемы преодоления последствий финансово-экономического кризиса и выхода на траекторию устойчивого экономического роста будут оставаться приоритетной задачей для мировой экономики на ближайшие годы. Чрезвычайно остро эти проблемы стоят и перед Союзным государством Беларуси и России, которые демонстрируют низкие темпы экономической динамики на фоне двух-трехкратного отставания по уровню экономического развития (ВВП на душу населения) от ведущих высокоразвитых стран. Неспособность выйти на докризисные (2000–2008 гг.) темпы экономического роста свидетельствует об исчерпанности для России и Республики Беларусь потенциала сложившейся экспортно ориентированной модели «сырьевого роста», формирующей условия для закрепления за РФ роли сырьевого придатка глобальной экономики.

Финансовый кризис вскрыл слабые стороны мировой валютно-финансовой системы. По нашему мнению, затяжная стагнация миро-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект №13-22-01001 а(м)).

вой экономики (как наиболее вероятный сценарий до конца текущего десятилетия) приведет к тому, что ЕС и США не смогут стать экономическим локомотивом для стран постсоветского пространства, для их прорыва в области структурной модернизации и роста конкурентоспособности. Более того, ЕС и США в восточно-европейском регионе стремятся решить прагматические задачи – сблизить правовые, образовательные и технические стандарты, улучшить институциональную среду и инвестиционный климат в интересах западных инвесторов для обеспечения гарантий возврата инвестиций и соответственно для стимулирования собственного развития.

Наиболее отчетливо данная политика проявляется в действиях Европейского союза. В ближайшие 15–20 лет ЕС намерен использовать потенциал «соседей» для собственных планов внутренней модернизации. Предполагается модернизировать экономику новых членов ЕС – государств в Центральной и Восточной Европы за счет западноевропейских инвестиций и технологий, «подтягивая» уровень их развития к основному «ядру», а свои устаревающие технологии и производства переносить в страны СНГ. При этом последняя инициатива Евросоюза для стран СНГ – «Восточное партнерство» – является попыткой установления долгосрочного взаимодействия со странами бывшего СССР для того, чтобы создать существенный экономический и цивилизационный противовес усилению России как влиятельного геополитического игрока.

В данных условиях возрастает роль интеграционного взаимодействия государств СНГ для проведения скоординированной политики по ускорению процессов структурной и технологической модернизации на основе согласованных стратегий и программ модернизации важнейших секторов экономики.

Следует отметить, что ускорение экономической динамики на основе широкомасштабной модернизации имеет различные аспекты, которые необходимо учитывать для выбора стратегии экономического развития (экономического роста). Так, можно выделить *макроэкономический, структурный, ресурсный, технологический, институциональный, внешнеэкономический аспекты*.

Макроэкономический аспект определяет влияние, которое может оказать новая индустриализация на динамику экономического роста на достаточно долговременном (15–20 лет) временном периоде.

Структурный аспект отражает отраслевое (продуктовое) наполнение экономической модернизации в контексте обеспечения технологической, экономической и геополитической конкурентоспособности национального хозяйства. Ключевая проблема рассматриваемого аспекта модернизации – выбор приоритетов для формирования перспективной структуры национального хозяйства.

Технологический аспект определяет технологическое наполнение проектов развития различных секторов в процессе их модернизации и диверсификации производственных возможностей.

Ресурсный аспект анализирует потребности и возможности ресурсного обеспечения структурных приоритетов новой индустриализации как с точки зрения финансовых, так и нефинансовых ресурсов (научно- технологического, производственного и кадрового потенциала) и формирует предложения по преодолению имеющихся ресурсных ограничений.

Институциональный аспект формирует правила и нормы (механизмы) функционирования и взаимодействия основных субъектов процесса модернизации, создавая институциональную среду для реализации модернизационных проектов.

Внешнеэкономический аспект анализирует место национальной экономики в сложившейся системе международного разделения труда и эффективность происходящих трендов с точки зрения сокращения рыночных ограничений для расширения рынков экспорта продукции национальных производителей и рынков ресурсных возможностей для экономического роста.

Рассматривая внешнеэкономический аспект экономической модернизации, необходимо учитывать, что реализация возникающих в интеграционных объединениях дополнительных возможностей экономического роста зависит от эффективности сотрудничества и готовности к реальному взаимодействию. Углубление внешнеэкономического сотрудничества в той или иной конкретной форме должно способствовать росту конкурентоспособности конкретных национальных товарных или региональных рынков как сегментов мирового хозяйства. При этом важно иметь в виду, что институциональные эффекты от унификации внешнеторговых режимов, таможенных пошлин и технологических регламентов сами по себе, с точки зрения динамики роста внешнеэкономических связей, имеют кратковременный характер.

Основная цель состоит в формировании общего благоприятного климата для развития инвестиционной деятельности интегрирующихся экономик. В таком контексте решение задач структурной модернизации в странах евразийского пространства возможно на базе усиления интеграционного взаимодействия, перехода к согласованной политике и расширению масштабов сотрудничества на основе разработки и выполнения конкретных проектов (программ) модернизации различных секторов национального хозяйства. В свою очередь, расширение сотрудничества на проектной основе предусматривает оптимизацию распределения ограниченных инвестиционных и технологических ресурсов по наиболее перспективным направлениям.

На современном этапе данный проектный подход реализуется в рамках Союзного государства Беларуси и России в формате программ союзного государства и через систему прямой производственной кооперации между ведущими предприятиями ряда высокотехнологичных отраслей. В стадии реализации находятся девять программ научно-технической и производственной направленности гражданского назначения, а также десять программ военно-технического назначения, включая космическую тематику. Реализация четырех программ уже завершилась в 2013 г.² Однако масштабность такой деятельности преимущественно затрагивает сферу научно-технического сотрудничества и пока слабо связана с задачами модернизации ведущих секторов промышленности, за исключением энергетики.

По нашему мнению, основная причина такой ситуации заключается в общей низкой динамике промышленного развития России и недопонимании роли промышленного потенциала в реализации инновационного сценария экономического роста. В то же время именно РФ должна играть определяющую роль в развитии экономического взаимодействия как со стороны формирования спроса на различные виды

² *Программы действующие:* «Совершенствование системы защиты общих информационных ресурсов Беларуси и России на основе высоких технологий»; «Перспективные полупроводниковые гетероструктуры и приборы на их основе» (шифр «Прамень»); «Разработка интегрированной системы стандартизации космической техники» в рамках программ и проектов Союзного государства» («Стандартизация СГ») на 2011–2014 гг.; «Разработка современной и перспективной технологии создания в государствах –участниках Союзного государства тепловизионной техники специального и двойного назначения на базе фотоприёмных устройств инфракрасного диапазона третьего поколения»; «Разработка инновационных технологий и техники для производства конкурентоспособных композиционных материалов, матриц и армирующих элементов на 2012–2016 гг.», шифр «Компомат»; «Разработка и создание нового поколения микросистемотехники и унифицированных интегрированных систем двойного назначения на ее основе» на 2010–2014 гг. (шифр «Микросистемотехника»); «Разработка космических и наземных средств обеспечения потребителей России и Беларуси информацией дистанционного зондирования Земли» («Мониторинг-СГ»); «Инновационное развитие производства картофеля и топинамбура» на 2013–2016 гг.

Программы разработанные: «Разработка и освоение серий интегральных микросхем и полупроводниковых приборов для аппаратуры специального назначения и двойного применения»; «Разработка технологий и организация опытного производства высокоэффективных и биологически безопасных лекарственных средств нового поколения и пищевых продуктов на основе лактоферрина человека, получаемого из молока животных-продуцентов»; «Разработка перспективных ресурсосберегающих, экологически чистых технологий и оборудования для производства биологически полноценных комбикормов»; «Разработка новых методов и технологий восстановительной терапии патологически измененных тканей и органов с использованием стволовых клеток». См.: Информационно-аналитический портал союзного государства. www.soyuz.by/projects/soyuz-projects/programm.

продукции, так и мобилизации (подключения) имеющегося производственного и научно-технического потенциала для его удовлетворения. Восстановление и поддержание высоких темпов экономической динамики потребует формирования новых стабильных конкурентных рынков для развивающихся секторов промышленного производства. Такие рынки могут быть ориентированы либо на внутренний спрос интегрирующихся экономик (в рамках единого экономического пространства), заполняя имеющиеся ниши на основе активного импортозамещения, либо на внешний спрос.

Теоретически существуют два сценария решения этой структурной задачи. Традиционный сценарий ориентируется на улучшение использования собственного научного и технологического потенциала, наращивание имеющихся конкурентных преимуществ на основе последовательной ликвидации возникших структурных диспропорций, повышения эффективности национальной инновационной системы и конкурентоспособности экономики, что позволяет расширить экспортные возможности на отдельных технологически емких рынках.

В рамках данного сценария на первом этапе осуществляется выход на рынки с достаточно традиционной продукцией, обеспечивая конкурентные преимущества по категории цена–качество, преимущественно за счет дешевизны рабочей силы и при наличии ряда качественных характеристик последней. Такая модель опирается на привлечение иностранных инвестиций для организации экспортно ориентированного производства трудоемкой продукции массового спроса, позволяя занять свободное население в промышленном секторе и при жесткой валютной политике накопить определенные ресурсы для наращивания собственного промышленного и технологического потенциала. Успешный пример такого традиционного пути показала послевоенная Япония, Южная Корея и ряд других стран АТР. В последние десятилетия по этому пути развивался Китай который осуществив масштабное тиражирование иностранных технологий, провел реиндустриализацию национальной экономики и, став «мировой фабрикой», приступил к решению задачи превращения страны в одного из лидеров мирового технологического прогресса.

Россия, как и большинство стран СНГ, в ходе двадцатилетнего перманентного «углубления рыночных реформ» упустила возможности для реализации «восточного пути модернизации», не использовала имеющиеся условия для наращивания технологического и инновационного потенциала и расширения экспортных возможностей.

В сложившихся условиях активизация роли России как локомотива экономического развития в евразийском регионе в первую очередь связана с наращиванием процессов реиндустриализации, под

которой мы понимаем преодоление имеющейся тенденции деиндустриализации и примитивизации структуры российской экономики, обеспечение восстановления отраслей промышленности традиционных укладов на новой технологической основе.

Помимо этого необходимо сосредоточить усилия для создания конкурентного сектора, связанного с развитием прорывных технологий высших технологических укладов (нано-био-информационных технологий и т.д.), формируя для этого соответствующую технологическую базу. Таким образом, речь идет о *восстановлении и последующем развитии промышленного комплекса на новой высокотехнологичной основе, открывающей путь для формирования устойчивой, сбалансированной, независимой от внешнего влияния экономической системы.*

Реализация такой стратегии откроет новые возможности для экономик всех стран региона.

Принятая в декабре 2012 г. государственная программа «Развитие промышленности РФ и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 г.» (далее Госпрограмма) предполагает «создание устойчивой, структурно сбалансированной промышленности, способной к эффективному саморазвитию, на основе интеграции в мировую технологическую среду и разработки передовых промышленных технологий, нацеленных на формирование новых рынков инновационной продукции, а так же эффективно решающей задачи обеспечения обороноспособности страны»³.

Госпрограмма включает 17 подпрограмм, направленных на развитие четырнадцати гражданских отраслей обрабатывающей промышленности и ряд производств оборонно-промышленного комплекса. При этом она не охватывает ряд важных высокотехнологичных отраслей (авиастроение, судостроение, атомная промышленность, ракетно-космическая промышленность, электронная промышленность), приоритетных в предшествующих документах и господдержка которых осуществлялась в рамках Федеральных целевых программ (ФЦП), принятых во второй половине двухтысячных⁴.

³ Государственная программа «Развитие промышленности РФ и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 г.». С. 31. www.minpromtorg.gov.ru/reposit/minprom/ministry/fcp/8/Gos_programma_RF.pdf.

⁴ Программы: «Федеральная космическая программа России на 2006–2015 годы»; «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы»; «Развитие гражданской авиационной техники России на 2002–2010 годы и на период до 2015 года»; «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2015 годы»; «Развитие российских космодромов на 2006–2015 годы»; «Развитие гражданской морской техники на 2009–2016 годы»; «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники» на 2008–2015 годы»; «Национальная технологическая база» на 2007–2011 годы»;

Вместе с тем реализация намеченных в Госпрограмме параметров промышленного развития (см. табл. 1) не позволяет достигнуть необходимого уровня самообеспеченности по важнейшим видам продукции общепромышленного назначения (за исключением автомобилестроения). Очевидно, что это приведет к сохранению высокой импортной зависимости в таких базовых для экономического роста секторах, как оборудование для нефтегазодобычи, горном и металлургическом оборудовании, строительной и сельскохозяйственной техники. В то же время из текста программы не понятно, в какой степени она ориентирована на промышленный потенциал единого экономического пространства (ЕЭП) трех интегрирующихся стран.

В результате, намечаемая в Госпрограмме динамика роста промышленного производства позволит поднять долю включенных в нее отраслей промышленности лишь с 5,5% ВВП до 5,7% к 2020 г., что вряд ли сможет заметно изменить промышленный статус России⁵.

С другой стороны, обозначенные программой отраслевые направления и параметры развития открывают возможности для наращивания сотрудничества на евразийском интеграционном пространстве в рамках реализации проектов по развитию целого ряда секторов промышленности, важных для формирования устойчивой собственной промышленной базы Союзного государства и ЕЭП. Такая задача может решаться, в том числе, на основе снижения импортной зависимости в сырьевом, строительном секторах и сельскохозяйственном машиностроении (см. табл. 2). Кроме того, высок потенциал импортозамещения в легкой промышленности и производстве широкой номенклатуры потребительских товаров длительного пользования.

В таком контексте представляется чрезвычайно своевременным заявление премьер-министра Республики Беларусь М. Мясникова о необходимости проведения скоординированной промышленной политики и создания транснациональных корпораций, с которым он выступил на заседании Совета глав правительств СНГ в Стрельне 20 ноября 2013 г.⁶

«Ядерные энерготехнологии нового поколения на период 2010–2015 годов и на перспективу до 2020 года»; «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»; «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012–2020 годы». fcpr.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/FcpList/View/2014/19.

⁵ «Госпрограмма РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года». С. 35. www.minpromtorg.gov.ru/reposit/minprom/ministry/fcp/8/Gos_programma_RF.pdf.

⁶ «Полагаю, что, прежде всего, назрела необходимость выработки и проведения в наших странах скоординированной промышленной политики. Считаю, что нам

Таблица 1

Уровень самообеспеченности российского рынка отдельными видами промышленной продукции (%)*

Виды продукции	2011 г.	2020 г.
Автомобили легковые (шт.)	68,3	80
Автомобили грузовые (шт.)	65,5	85
Легкие коммерческие (шт.)	81,2	90
Автобусы (шт.)	69,2	99
Трактора с/х (шт.)	18,9	60
Комбайны зерно- и кормоуборочные (шт.)	43,7	68,9
Бульдозеры (шт.)	30,0	70,0
Экскаваторы (шт.)	15,0	45,0
Автогрейдеры (шт.)	65,0	85,0
Погрузчики фронтальные (шт.)	4,0	30,0
Станки металлорежущие (шт.)	6,0	12,0
Кузнечно-прессовые машины (шт.)	6,7	7,0
Горное оборудование (тыс. т)	30,0	45,0
Металлургическое оборудование (тыс. т)	25,0	35,0
Подъемно-транспортное оборудование	35,0	45,0
Оборудование нефтегазодобычи (тыс. т)	30,0	40,0

Источник: Данные Госпрограммы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года». www.minpromtorg.gov.ru/reposit/minprom/ministry/fcp/8/Gos._programma_RF.pdf.

Если рассматривать долгосрочные перспективы роста конкурентоспособности Союзного государства и формирующейся евразийской интеграционной группы, то они связаны с формированием ядра производств перспективного технологического уклада, разработкой и продвижением на внешние рынки прорывной инновационной продукции. Это должно способствовать диверсификации экспортной

необходимо использовать интеграционный потенциал, выходить на создание совместных производств, совместных корпораций, транснациональных корпораций, совместных финансово-промышленных групп». Белорусский премьер констатировал, что на данный момент страны Содружества «в основном торгуют за счет национальных возможностей: одни произвели, а вторые приобрели, и наоборот». «Наряду с работой по привлечению иностранных инвестиций в национальной экономике, нам необходимо усилить работу по созданию комфортных условий для привлечения уже имеющихся финансовых ресурсов наших государств. И вообще мы должны больше уделять внимание защите нашего внутреннего рынка – общего внутреннего рынка». «Госпрограмма РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года»». С. 35. www.minpromtorg.gov.ru/reposit/minprom/ministry/fcp/8/Gos._programma_RF.pdf.

Таблица 2

**Возможная производственная специализация стран ЕЭП
по выпуску продукции импортозамещения**

Виды продукции	Страны
Автомобили различного назначения	Россия, Беларусь
Трактора с/х; комбайны зерно- и кормоуборочные	Россия, Беларусь, Казахстан
Бульдозеры, экскаваторы, дорожно-строительная техника.	Россия, Казахстан
Станки металлообрабатывающие	Россия, Беларусь
Кузнечно-прессовые машины	Россия, Беларусь
Горное оборудование	Россия, Казахстан
Металлургическое оборудование	Россия, Казахстан
Подъемно-транспортное оборудование	Россия, Беларусь
Оборудование нефтегазодобычи	Россия, Казахстан

базы национальных экономик при одновременном наращивании конкурентных преимуществ отечественных производителей массовой продукции потребительского и производственного назначения, ориентированных на внутренний рынок ЕЭП.

Необходимо отметить, что в государственных документах большинства стран СНГ перевод экономики на инновационный путь развития выдвинут в качестве приоритетного направления социально-экономического развития. Важно отметить и совпадение направлений развития науки и технологий, определенных в рассматриваемых странах в качестве приоритетных [1, с. 27–48].

Например, в РФ следующие ключевые направления развития науки, техники и технологий входят в сферу прямого президентского контроля: безопасность и противодействие терроризму; индустрия наносистем; информационно-телекоммуникационные системы; наука о жизни; перспективные виды вооружения, военной и специальной техники; рациональное природопользование; транспортные и космические системы; энергоэффективность; энергосбережение.

В Беларуси к 2015 г. должны получить дополнительное развитие высокотехнологичные направления, базирующиеся на V и VI технологических укладах: индустрия информационных технологий; авиакосмическая промышленность; фармацевтическая промышленность; микробиологическая промышленность и индустрия биотехнологий; приборостроение и электронная промышленность; наноиндустрия; ядерная энергетика.

Сопоставление стратегических направлений инновационной деятельности в указанных странах показывает, что они в основном

совпадают, хотя в одних перечнях больше приоритетных направлений общегосударственного уровня, а в других – отраслевого. В целом это создает объективную основу для развертывания широкомасштабного сотрудничества с выходом на крупные совместные инвестиционные проекты по разработке и производству инновационной продукции как для национальных рынков, так и для поставок в другие регионы.

Именно такой подход лежит в основе Межгосударственной программы инновационного сотрудничества на период до 2020 г., принятой Советом Глав Правительств СНГ 18 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге. Основной задачей программы заявлено создание интегрированного инновационного пространства стран-участниц⁷. Программой предусматривается развертывание межгосударственной кооперации в инновационной сфере, мобилизация и развитие научно-технологических потенциалов, реализация совместных инновационных проектов.

Программа знаменует собой начало формирования межгосударственного инновационного пространства, объединяющего ресурсы национальных инновационных систем и придающего устойчивый и системный характер инновационному развитию, что будет способствовать эффективному использованию научно-технических разработок и изобретений, независимо от места их создания.

Ключевым условием для восстановления и эффективного функционирования единого экономического пространства, по нашему мнению, должно стать развитие интеграции на микроуровне, развитие горизонтальных связей, торгово-экономических отношений, специализация и кооперирование производства и НИОКР, создание совместных предприятий, коммерческих и финансовых структур.

Россия, как локомотив интеграционных процессов на евразийском пространстве, объективно заинтересована в реализации политики, направленной на укрепление экономических позиций в регионе на основе проектов сотрудничества в перспективных секторах. Однако успех такой политики в значительной степени будет зависеть от способности России преодолеть собственный структурный кризис. От того как быстро удастся нашей стране решить данную проблему, зависит судьба евразийского интеграционного проекта.

Литература

Ленчук Е.Б.; Власкин Г.А. Международная кооперация и инновации в странах СНГ. СПб.: Алетей, 2011 г.

⁷ Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года. С.10. www.cis.minsk.by.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА РОССИИ

Е.М. БУХВАЛЬД
доктор экономических наук, профессор,
заведующий Центром федеративных отношений
и регионального развития Института экономики РАН

ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЕ В РОССИИ

В статье рассматривается значение Европейской хартии местного самоуправления для муниципальной реформы в Российской Федерации, в частности, в плане учета зарубежного опыта муниципального развития. Основной акцент в работе делается на широко использованный в ходе реформы опыт Германии, как государства федеративного типа. Отмечены как позитивные итоги реформы в использовании зарубежного опыта, так и негативные итоги, подчеркнута необходимость учета специфики российских условий в формировании и организации деятельности институтов местного самоуправления.

Ключевые слова: *Европейская хартия местного самоуправления; муниципальная реформа, опыт Германии, институты местного самоуправления; правовое и экономическое обеспечение муниципального управления.*

Классификация JEL: R28, R58.

Европейская хартия и развитие местного самоуправления в России

В плане развития российского местного самоуправления истекший 2013 г. был отмечен двумя важными событиями. Во-первых, 10-летием муниципальной реформы в стране, начало которой было положено принятием в 2003 г. нового федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в стране¹; во-вторых, 15-летием

¹ Отождествление понятия «муниципальная реформа в России» с периодом после 2003 г. достаточно условно, т.к. активные эволюционные процессы в российском местном самоуправлении шли практически постоянно после принятия ранее действовавшего аналогичного закона 1995 г. В дальнейшем, если не оговорено специально, под муниципальной реформой мы будем понимать те изменения в российском местном самоуправлении, которые произошли после принятия 131-ого ФЗ 2003 г.

присоединения России к Европейской хартии местного самоуправления (далее – Хартия)².

Европейская хартия была принята в 1985 г. Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы. Российская Федерация ратифицировала Хартию местного самоуправления³ в апреле 1998 г. На данный момент Хартия по-прежнему является одним из наиболее важных международных документов, определяющих фундаментальные принципы формирования и деятельности институтов местного самоуправления в условиях современной демократии. Об основных положениях Хартии и их значимости для преобразований в системе российского местного самоуправления автор писал в своих работах [1]. В данной же работе мы остановимся на том, в какой степени присоединение России к Хартии инициировало использование зарубежного опыта в развитии отечественного местного самоуправления и насколько позитивным оказалось это заимствование в российской практике.

Прежде всего следует отметить, что Хартия, как международный договор, построена на компромиссе между необходимостью соблюдения фундаментальных принципов местного самоуправления как института современной демократии и гибкостью в отношении внутренних правовых, экономических и иных условий функционирования системы местного самоуправления в каждом из государств. Можно сказать, что примерно такой же компромисс касается и разумного баланса между использованием в каждой стране лучшего и наиболее подходящего ей зарубежного опыта и учетом национальных особенностей и традиций местного самоуправления. Вот поэтому присоединение России к данному международному договору означает прежде всего не подгонку тех или иных положений наших законов под «букву» Хартии и не «кальку» какого-либо зарубежного опыта, а служит отражением в национальном законодательстве, равно как и в правоприменительной практике, самого «духа» Хартии как манифеста демократии, гражданского общества и глубокой

² В ряду этих дат необходимо, конечно, отметить и 20-летие принятия Конституции РФ 1993 г., которая впервые в российской истории конституционно закрепила экономико-правовой институт местного самоуправления и его обособленность от органов государственной власти.

³ Европейская Хартия местного самоуправления («Charte européenne de l'autonomie locale» = «European Charter of Local Self-Government») // Дипломатический вестник. 1998. №10. Европейская Хартия местного самоуправления была принята Советом Европы 15 октября 1985 г. В феврале 1996 г. ее подписала Россия. В марте 1998 г. Государственной Думой РФ был принят Закон «О ратификации Европейской Хартии местного самоуправления». В апреле 1998 г. она была одобрена Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Хартия вступила в силу для Российской Федерации 1 сентября 1998 г.

ответственности самого населения за развитие социальной среды его жизнедеятельности.

Но были ли такие преобладающие акценты в российской интерпретации Хартии? Полагаем, да. Применительно к российским условиям, где долговременно (в советский период) наблюдалось и формальное, и фактическое огосударствление местной власти⁴, важнейшим постулатом реформы стала идея конституционных гарантий местного самоуправления и прежде всего в виде неукоснительного осуществления конституционного принципа об отделении местного самоуправления от органов государственной власти. Это неизменно характеризовалось как ключевое положение, гарантирующее необратимость выбранного курса демократических преобразований, в том числе и в системе местного самоуправления.

Разумеется, нельзя полагать, что именно подписание Хартии акцентировало внимание на возможности и необходимости использовать зарубежный опыт для развития институтов местного самоуправления в России; скорее можно говорить о том, что подписание Хартии обозначило собой новый, более четко ориентированный этап изучения и применения этого опыта. При этом огромное разнообразие имеющегося опыта институционализации местного самоуправления, формирования его экономической базы, организации взаимодействия с органами государственной власти делало необходимым выбор тех элементов зарубежного опыта, которые наиболее соответствовали экономическим и социально-политическим реалиям России на рубеже XX и XXI вв. Ситуация облегчалась тем, что приоритет здесь отдавался опыту государств федеративного типа, прежде всего Германии, Канады и США. Это мотивировалось тем, что термин «федеративное устройство» в принятом ныне широком, общедемократическом смысле охватывает не только федерально-региональный «срез» внутригосударственных отношений, но и всю вертикаль публичной власти, включая институты местного самоуправления, даже если национальным законодательством они формально отделены от органов государственной власти. Такое понимание места и роли институтов местного самоуправления становится доминирующим в современном мире.

⁴ В советский период конституционно закрепленного понятия «местного самоуправления» долгое время вообще не существовало. Так, в Конституции СССР 1977 г. (в первой редакции) речь шла только о местных органах государственной власти и управления (глава 19), роль которых исполняли Советы народных депутатов. В последней по времени редакции этой Конституции (от 26 декабря 1990 г.), хотя и в противоречивой форме, но все же обозначилась идея местного самоуправления граждан. При этом в духе реального федерализма Конституция допускала возможность установления полномочий местных органов управления не только законами Союза ССР, но также и законами союзных и даже автономных республик в составе СССР.

Развитие институтов местного самоуправления, разумеется, не является монополией государств с федеративным устройством, однако формирование и развитие этих институтов в государствах федеративного типа имеет специфический «срез», который отсутствует в условиях унитарной государственности. Речь идет о разграничении полномочий Федерации и ее субъектов по регулированию системы институтов местного самоуправления, по определению их полномочий, их экономической, в т.ч. налоговой базы, имущественных отношений и пр. Как показал российский опыт, именно этот круг проблем государственного регулирования местного самоуправления является чрезвычайно значимым, но трудно решаемым и, значит, требующим дальнейшего углубленного изучения зарубежного опыта в этой сфере.

Германский опыт местного самоуправления: что и почему в нем наиболее значимо?

С точки зрения возможностей использования достижений зарубежных стран, весьма важным видится опыт Германии, так как многие элементы этого опыта реально прослеживаются в тех институтах местного самоуправления, которые были закреплены в ходе муниципальной реформы в России. Почему именно этот опыт оказался столь важен и интересен для российских условий? Как мы полагаем, основную роль здесь сыграли четыре причины.

Во-первых, Германия, как уже было сказано выше, является государством федеративного типа, имеющим свой особенный подход к «федерализации» местного самоуправления, т.е. к разграничению полномочий по регулированию его экономико-правовых основ между самой федерацией и ее субъектами (немецкими землями).

Во-вторых, Германия как единое централизованное государство сложилось значительно позже многих иных европейских государств. При этом в период феодальной раздробленности страны именно активные традиции и формы местного самоуправления традиционно оставались важным инструментом обеспечения интересов граждан, местных сообществ. Через те или иные формы самоуправления защищали свои интересы не только отдельные граждане, но и предпринимательские сообщества, которые также базировались на принципах самоуправления (например, «ганзейские города» и пр.).

В-третьих, значимость опыта Германии в организации местного самоуправления во многом предопределяется тем, что Россия и Германия имеют в настоящее время схожие по принципам построения налогово-бюджетные системы, основанные на методах «налогового расщепления», большой значимости практики «вертикального» и «горизонтального» финансового выравнивания и пр.

Наконец, в-четвертых, после объединения Германии в начале 1990-х гг. ее восточные земли прошли процесс восстановления институтов местного самоуправления, многие стороны были созвучны проблемам муниципальной реформы в России. В целом анализ опыта Германии в развитии институтов современного самоуправления широко представлен в нашей экономической литературе [2, 3, 4], однако оценка степени и эффективности заимствования этого опыта с позиции итогов муниципальной реформы представлена пока явно недостаточно.

Как мы полагаем, анализ того, в какой мере опыт Германии был использован при осуществлении муниципальной реформы и какие практические результаты были при этом достигнуты, можно осуществить по четырем взаимосвязанным направлениям:

а) федерализация реформы в контексте разграничения соответствующего круга регулятивных полномочий Федерации и ее субъектов;

б) институционализация реформы в плане создания основных видов муниципальных образования и их общей сети по территории страны;

в) социализация реформы в плане того, насколько созданная система местного самоуправления реализует гражданские инициативы местных сообществ и используются прямые формы народовластия;

г) экономизация реформы в плане формирования достаточной экономической базы деятельности органов муниципальной реформы. В данной статье мы рассмотрим первые три направления реформы и то, как в них отразился опыт современной Германии.

О федерализации реформы. Учитывая положения 131-ого ФЗ и методы их реализации на практике, можно сказать, что Россия, до минимума сократив полномочия, т.е. практические возможности субъектов Федерации по регулированию экономико-правовых основ деятельности институтов муниципального управления, этим сделала заметный шаг от федеративного государства к унитарному. То есть здесь надо говорить не о заимствовании опыта Германии (как и любого иного федеративного государства), а о его полном неприятии. По сути, был проигнорирован опыт Германии относительно децентрализации регулирования всей системы муниципального управления. В этой стране вообще нет федерального закона о местном самоуправлении. За пределами ряда конституционных положений, регулирующих общие принципы формирования и деятельности институтов местного самоуправления, а также меру ответственности государства (в лице как федерации, так и земель) за обеспечение деятельности этих институтов, все остальные аспекты муниципальной организации в стране регулируются законами земель – субъектов Германской федерации.

Таким образом, на федеральном уровне в Германии установлены только основные права и гарантии местного самоуправления, а подробные положения, регламентирующие деятельность органов управ-

ления общин и круг их полномочий, содержатся в Конституциях земель. Кроме того, все федеральные земли имеют собственные положения об общинах, которые вместе с рядом дополнительных законов образуют земельные муниципальные (коммунальные) конституции⁵. Эти особые «конституции» регулируют действующие в пределах данной земли виды муниципальных образований, порядок формирования их руководящих органов, полномочия муниципалитетов и формы участия населения в решении дел местного сообщества. В ряде земель Германии (Бавария) эти «конституции» по сути представляют собой универсальный устав действующих в регионе муниципалитетов.

Деятельность муниципальных образований в Германии (в том числе по налогово-бюджетным вопросам) также поставлена в жесткие рамки законодательного регулирования, но такого «казарменного универсализма», который был продиктован нынешней муниципальной реформой в России, в Германии нет. До конца 1990-х гг. в Германии был широко представлен ряд весьма различных моделей организационной структуры местного самоуправления (южно-германская модель; северогерманская модель; модель магистрата; модель бургомистра, назначаемого советом⁶). В итоге, по мнению немецких экспертов, эмпирически наиболее эффективной оказалась южно-германская модель, при которой бургомистр избирается населением прямыми выборами и одновременно возглавляет два органа местной власти – и представительный, и исполнительный⁷. Несмотря на критические высказывания в адрес этой модели организации властных структур местного самоуправления, в настоящее время в Германии она становится все более преобладающей⁸. Тем не менее

⁵ Актуальные проблемы территориальной организации публичной власти: опыт России и зарубежных стран. Местный уровень // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2003. № 19 (212).

⁶ Для северогерманской модели характерна преобладающая роль представительного органа местной власти. Бургомистр, который назначается представительным органом (в небольших населенных пунктах может работать даже на общественных началах), полностью подконтролен и подотчетен этому органу. «Модель магистрата» предусматривает коллективное руководство исполнительным органом местной власти. Для «Модели Бургомистра» характерно совмещение руководства представительной и исполнительной местной власти, но (в отличие от южно-германской модели) вне прямых выборов данного должностного лица.

⁷ Российское законодательство такую возможность исключает. Если по уставу муниципального образования главой муниципального образования является руководитель его представительного органа, то местную исполнительную власть возглавляет назначаемый сити-менеджер. По сути, названная выше южно-германская модель повторяет советский опыт, где один человек (председатель исполкома) был главой и местного Совета и местного органа исполнительной власти.

⁸ Коммунальное самоуправление в Германии. Закон об общинах земли Баден-Вюртемберг (Kommunale Selbstverwaltung in Deutschland. Die Gemeindeordnung fuer Baden-Wuerttemberg). 2-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

и сегодня северогерманская модель муниципальной организации существенно отличается от южно-германской, от «модели магистрата» и «модели бургомистра». Но эти отличия считаются нормой, не противоречащей принципам федеративного государства, равенства граждан демократического государства в плане доступности институтов местного самоуправления. Это и есть реальная «федерализация» местного самоуправления. Таким образом, процесс унификации систем местного самоуправления в Германии если и имеет место, то приходит без давления «сверху», исключительно на основе инициатив «снизу».

Об институционализации реформы. Формально можно было заметить, что именно этот аспект российской реформы наиболее полно и точно списан с германского оригинала. Влияние этого оригинала просматривается в создании двухуровневой системы институтов местного самоуправления, в выделении особого института городских округов, не входящих в муниципальные районы и объединяющих в себе полномочия районов и поселений. Принципиальное различие состояло в том, что использование этого опыта сопровождалось у нас значительным «размельчением» муниципальных образований, в то время как в Германии идет противоположное принципам нашей реформы укрупнение муниципальных образований.

Однако было бы неправомерно сводить все различия в институционализации местного самоуправления России и Германии только к вопросу о размельчении или укрупнении муниципальных образований. Еще более важное отличие в том, что основой немецкой системы местного самоуправления является институт общины⁹. Районы, как верхний уровень местного самоуправления, хотя и являются самостоятельным публично-правовым институтом, в немецкой практике в большей мере выступают как инициативный продукт интеграционных процессов среди общин, их желания (прежде всего путем передачи полномочий на районный уровень) совместно решать конкретные хозяйственные, социальные и иные проблемы их территорий. В этом смысле полномочия районов (исключая обязательные государственные полномочия) могут заметно различаться даже в пределах одной земли.

Наличие мощных объединительных процессов в муниципальной сфере Германии, а также явный тренд таких процессов в современной России говорит о необходимости сравнить ту организационно-правовую базу, на которой происходят эти процессы в обеих странах. В России изменение границ муниципальных образований

⁹ Из 16 земель, входящих в состав современной Германии, принято выделять три, которые являются землями-городами (Берлин, Гамбург и Бремен, но в последнем – две общины, т.к. город состоит из двух территориально разделенных частей – Bremen и Bremen-Hafen).

(слияние, поглощение и пр.) допускается только через местный референдум, решение которого закрепляется законом субъекта Федерации об изменении муниципального устройства данного региона. Однако отсылка к обязательному проведению местного референдума не является гарантией обоснованного, демократически принятого решения: хорошо известно, что итоги таких референдумов у нас вполне управляемы. Однако никаких обязательных экономических или иных посылок к реформированию муниципальной организации в регионе, даже самого формального свойства, наше законодательство не предлагает.

Такая ситуация является, как мы полагаем, логическим продолжением того формального подхода, который изначально был присущ муниципальной реформе в России к формированию всей муниципальной организации в стране. Ни в 1995 г., ни даже в 2003 г. при осуществлении территориальной структуризации местного самоуправления субъекты Российской Федерации просто не ставили (да и не имели права ставить) перед собой такую задачу, как создание экономически оптимальной системы муниципальных образований. Все решения в этом направлении принимались в сжатые сроки и преимущественно на основе сложившейся еще в советское время системы административно-территориального деления и замены (в большинстве регионов страны) поселенческих администраций на поселенческие муниципалитеты. Какого-либо экономически обоснованного проектирования муниципального деления регионов, с привлечением соответствующих специалистов, не осуществлялось. По существу, стихийность остается и в основе нынешней кампании по укрупнению муниципалитетов, которая происходит ныне в целом ряде регионов России.

Преобразование муниципальных образований в Германии может происходить как в добровольном, так и в принудительном порядке по инициативе государственных органов. При этом необходимо отметить, что независимо от того, как было инициировано такое преобразование муниципальных единиц (либо на основании закона земли при наличии споров; либо на основании решения министра внутренних дел земли, если подобные споры отсутствуют), участвующие в преобразованиях муниципальные единицы регулируют условия своего реформирования соответствующим публичным договором об изменении территории, в котором закрепляются права и обязанности сторон, статус (гарантии) их вещных и иных прав и обязательств и пр.

В Германии, несмотря на то, что все муниципально-территориальные преобразования также обязательно осуществляются с учетом мнения населения, решающим является законодательно закрепленное требование приоритета «общего блага», которое в каждом конкретном случае должно четко аргументироваться инициаторами перемен. Поэтому конституционные суды в землях могут признать ту или иную

муниципальную реорганизацию недействительной в том случае, если региональный законодатель или орган исполнительной власти положил в основу подобной реорганизации однозначно неверные предложения и необъективные оценки, если названные мотивации не соответствуют действительности, а также были выбраны неподходящие методы для достижения цели.

Особенностью опыта Германии в сфере управления территориями является также наличие в ряде земель, помимо муниципальных районов, еще одного промежуточного между общинами и землями уровня управления (округов), которые представляют собой некую комбинацию субрегиональных структур государственной власти и союзов общин. Основная задача данного уровня государственной власти федеральных земель, – обеспечение контроля за соблюдением законодательства нижестоящими уровнями муниципальной власти.

Определенные отличия характеризуют и то, как в России и в Германии формируется *круг полномочий* органов муниципального управления. В ходе муниципальной реформы полномочия органов российского местного самоуправления, как круг «вопросов местного значения» были определены в виде «закрытого списка», единого для каждого конкретного типа муниципальных образований на всей территории страны. Эти полномочия подлежали и подлежат изменению только решением федерального законодателя (субъекты Федерации такого полномочия так и не получили). Следствием этой жесткой конструкции, абсолютно несообразной не только принципам федеративного государства, но и реалиям исключительной социально-экономической неоднородности российских муниципалитетов, стал бурный поток последующих поправок и дополнений к 131-му ФЗ, число которых (прежде всего по регулированию вопросов местного значения) шло на десятки, а потом и на сотни. В итоге тупиковость этой модели правового регулирования одной из важнейших сторон деятельности российского местного самоуправления стала просто самоочевидной.

В результате, как нам уже приходилось отмечать [5, 6], в ходе муниципальной реформы ключевой принцип регулирования полномочий органов местного самоуправления (обозначенных в нашем законодательстве как «вопросы местного значения») пришлось радикально поменять. С введением в 131-й ФЗ ст.14а, 15а и 16а практика подобного регулирования как бы сместилась с формулы «разрешено только то, что разрешено» к формуле «разрешено все, что не запрещено». Суть этих перемен состоит в том, что в настоящее время федеральным законодателем формально зафиксировано право муниципалитетов (помимо собственно вопросов местного значения) осуществлять любые иные управленческие функции (полномочия), не исключенные из их компетенции федеральными законами и зако-

нами субъектов Федерации. Однако эти полномочия могут осуществляться только за счет собственных доходов местных бюджетов (т.е. за исключением субвенций и дотаций из федерального бюджета и бюджета субъекта Федерации).

В результате, помимо собственных (законодательно закрепленных на постоянной основе) и так называемых «делегированных полномочий»¹⁰, возник потенциально доступный для органов муниципального управления институт «добровольных полномочий» [7, 8]. Этот институт «добровольных полномочий», по сути, отражает идею Европейской Хартии о том, что «Органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для реализации собственной инициативы по любому вопросу, который не исключен из сферы их компетенции и не находится в ведении какого-либо другого органа власти» (п. 2 ст. 4).

На первый взгляд, это позволяет сделать вывод, что полномочия российских муниципалитетов по вопросам регулирования социально-экономического развития территорий теперь достаточно широки. Однако на практике это не совсем так.

Во-первых, институт «добровольных полномочий» не конкретизирует в достаточной мере специфическую роль органов местного самоуправления в решении задач хозяйственного и социального характера. В итоге часто возникает ситуация, когда «все отвечают за все» и никто не отвечает за что-либо конкретно.

Во-вторых, не имеющий четких границ институт таких полномочий затрудняет прямую корреспонденцию между управленческими и бюджетно-расходными полномочиями муниципалитетов; последние регулируются только бюджетным законодательством и только в виде «закрытого» списка допустимых видов бюджетных расходов. В результате часто складывается ситуация, при которой та или иная управленческая функция муниципалитетам вроде бы не запрещена и доступна, но право муниципалитета расходовать бюджетные средства на реализацию данной функции (даже при наличии средств) формально не закреплено. Такие расходы будут считаться нецелевыми.

Наконец, в-третьих, ограниченность финансовых ресурсов российских муниципалитетов делает институт «добровольных полномочий» либо полным формалитетом, либо монополией узкого круга финансово высоко обеспеченных муниципальных образований.

Как мы полагаем, здесь России следует воспользоваться опытом Германии и также разделить «собственные» полномочия муници-

¹⁰ По данным мониторинга Минфина РФ (по данным за 2012 г.), на муниципальный уровень в «разном наборе» (по отдельным регионам) было передано более 60 различных полномочий органов государственной власти субъектов Федерации.

палитетов на «обязательные» и «необязательные». При этом финансовое обеспечение обязательных полномочий муниципалитетам должно быть гарантировано бюджетным законодательством на основе использования нормативных методов бюджетного планирования и при необходимости, – с использованием дотационных механизмов. Одновременно должна быть законодательно установлена приоритетность финансирования полномочий муниципального управления из местных бюджетов: сначала собственные обязательные полномочия, затем – собственные необязательные полномочия и лишь затем – добровольные полномочия из числа формально не запрещенных к исполнению на муниципальном уровне управления. За нарушение принципа этой последовательности бюджетных расходов должна следовать административная и даже уголовная ответственность.

И наконец, о тенденциях *«социализации» муниципальной реформы* и всей системы местного самоуправления. Этот вопрос касается как инициирования тех или иных форм местного самоуправления, так и организации принятия им управленческих решений, а также его деятельности по удовлетворению запросов граждан. По крайней мере, со стороны теоретиков активно продвигается мысль о необходимости видеть и строить наше самоуправление прежде всего как продукт гражданского общества.

В российских условиях вопрос о возможности какой-либо гражданской инициативы по выбору населением конкретных форм местного самоуправления в 131-м ФЗ просто не просматривается. В нем только разрешенные «сверху» формы организации местного самоуправления; прав граждан что-то изменить здесь, предложить и ввести какие-то новые формы самоуправления, отвечающие, например, их местным традициям и обычаям и пр., закон никоим образом не предусматривает. Все возможности гражданской инициативы закон сводит к так называемому «территориальному общественному самоуправлению»¹¹ (ст. 27 131-ого ФЗ), за которым государство не закрепляет ни каких-либо четких полномочий, ни гарантированных экономических ресурсов для осуществления своей деятельности. Что касается уже существующих институтов местного самоуправления, то формально муниципальная реформа как приблизила муниципальную власть и сделала так называемые «прямые формы» народовластия (местные референдумы, сходы граждан) практически более

¹¹ Этот термин представляется довольно пространным, так как всякое местное самоуправление по своей природе является и территориальным, и общественным. Этим как бы невольно подчеркивается то, что все основные институты местного самоуправления, установленные 131-м ФЗ, по сути, во многом – просто приращение вертикали государственной власти «снизу».

реальными. Однако, как показывает практика, использование этих форм народовластия имеет очень ограниченные рамки и, скорее, остается неким «эксклюзивом» нашего «самоуправления» [9]. В этом плане интересен опыт Германии. Характерно, что здесь местное самоуправление вообще не рассматривается как одна из форм гражданского общества¹². Принципы германского самоуправления – публичность и гражданская инициатива, имеющая здесь, однако, в большей мере характер установившейся традиции, нежели нормативно установленного правила. Наряду с избирательным правом, граждане имеют и другие многочисленные права на участие в жизни общин и принятие решений [10, 11]. Например, они не только имеют право посещать открытые заседания совета, но и совет со своей стороны обязан регулярно проводить собрания жителей, выделять специальные часы вопросов и ответов, проводить слушания, информировать их о самых важных проблемах общины. Право на участие в принятии решений жители осуществляют путем специальных заявок, а граждане – в виде гражданских требований и решений. Подписанная 5% жителей заявка обязывает совет рассматривать затронутые в ней вопросы и принимать соответствующее решение. Гражданское требование предполагает, что граждане намерены сами вместо совета решить какой-либо вопрос. Как правило, его должны подписать от 10 до 100 граждан, после чего может состояться гражданское решение, обязательное для совета.

Однако в России, где традиции прямого общественного самоуправления практически отсутствуют (если не считать дореволюционной сельской общины), в нынешних условиях действие обязательных «норм» прямого самоуправления можно было бы закрепить и правовым порядком. Например, это возможно путем введения в ст. 22 131-ого ФЗ (Местный референдум) и в ст. 25 (Сход граждан) ряда положений, обязывающих муниципальные власти проводить референдумы (в районах и городских округах) и сходы (конференции представителей) граждан (в поселениях) по вопросам, связанным, например, с изменением тарифов ЖКХ, с финансированием наиболее крупных муниципальных проектов, с использованием муниципальных займов, с отчуждением муниципального имущества и пр.

¹² К таковому в Германии традиционно относятся профсоюзы, церковь, благотворительные организации, фонды, объединения по защите прав потребителей, природоохранные группы, спортивные объединения, добровольная противопожарная служба, женские организации, организации самопомощи для алкоголиков и наркоманов и пр.

Литература

1. Бухвальд Е.М. Удалось ли России реализовать Европейскую Хартию самоуправления? // ЭТАП: Экономическая теория, Анализ, Практика. 2013. № 6. С. 46–63.
2. Трыканова С.А. Сравнительный анализ опыта реформ местного самоуправления за рубежом в контексте эффективности использования в РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 1. С. 16–18.
3. Исупова С. Финансовые основы местного самоуправления в Германии и России // Муниципальная власть. 2012. № 4. С. 86–96.
4. Нефедов И.В. Немецкая и российская системы муниципального управления в свете проведенных административных реформ // Власть. 2013. № 4. С. 66–68.
5. Бухвальд Е.М. Муниципальная реформа в России: мифы и реальность // «Общество: политика, экономика, право» (Издательский дом «Хорс»). 2013. № 1. С. 60–69.
6. Бухвальд Е.М. Муниципальная реформа в России: куда двигаться дальше? // Экономика и управление». Баш. Академия гос. службы. Уфа, 2013. № 2. С. 4–11.
7. Нанба С.Б. О «собственных» полномочиях органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 44–49.
8. Мирошник В.А. Политико-правовые проблемы реализации вопросов местного значения // Местное право. 2012. № 1. С. 7–18.
9. Холопов В.А. Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления как фактор модернизации муниципального управления в РФ // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2011. № 4. С. 8–14.
10. Фурманн У. Участие граждан в принятии решений органами местного самоуправления в России и Германии // Местное самоуправление в современной России: состояние и тенденции. М., 2011. С.107–125.
11. Понедельков А.В. Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии // Власть. 2012. №6. С. 184–185.

А.В. МАМАЕВ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института экономики РАН

ФИНАНСЫ МОСКВЫ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

В статье рассматривается финансовое положение органов московского городского самоуправления в условиях революции 1917 г. Автор обосновывает вывод о том, что на протяжении 1917 г. в сфере муниципальных финансов Москвы углублялся кризис, который можно было преодолеть только системными мерами, осуществляемыми совместно с центральной властью.

Ключевые слова: *Москва, революция, 1917, городское самоуправление, городская дума, муниципальные финансы.*

Классификация JEL: N440, N940, R510.

К 1917 г. сложное финансовое положение городов стало одной из ключевых проблем в муниципальной сфере. В наше время ситуация повторяется и данный вопрос опять стал одним из актуальнейших. В связи с этим изучение опыта Москвы в период революции 1917 г. и муниципальной реформы, направленной на демократизацию и расширение полномочий органов городского самоуправления, позволит ответить на многие вопросы, связанные с реформированием системы местного самоуправления в современной России.

Финансовое положение Москвы накануне революции

В начале XX в. важнейшими источниками доходов органов самоуправления являлись оценочный сбор и доходы от предприятий и имуществ. Муниципальная налоговая система все меньше соответствовала принципу справедливости, зачастую чрезмерно облагая тех, чьи доходы и так были невелики, и оставляя вне своего внимания горожан, получавших значительную прибыль¹.

¹ Городовое положение 1892 г., действовавшее к началу 1917 г., предоставило городским общественным управлениям крайне ограниченную налоговую базу. Основным прямым налогом являлся оценочный сбор с недвижимых имуществ. В пользу городов поступали разного рода пошлинные сборы: актовый, адресный, за клеймение и употребление мер и весов, с аукционных продаж, за стоянку судов, за проход

Рост доходов Москвы обеспечивался за счет развитого муниципального хозяйства, которое включало разветвленную сеть канализации, водопровод, быстро расширявшуюся сеть линий трамвая, газовый завод, бойни, хлебопекарню, ломбард, аптекарский склад, типографию и многое другое². Согласно смете Москвы на 1917 г. предприятия должны были дать 11 млн 393 тыс. руб. чистой прибыли при бюджете в 100 млн руб. Именно благодаря повышению тарифов (в первую очередь трамвайных) Москве удалось свести смету 1917 г. без дефицита [1, с. 18, 24–27, 35–36].

Предприятия требовали существенных расходов на текущую деятельность и развитие. В этих условиях очень важным источником городских доходов оставался оценочный сбор, платившийся домовладельцами, издержки на взимание которого были несоизмеримо меньшими. Оценочный сбор в 1916 г. принес Москве 11,5% доходов [1, с. 19].

К началу революции Московскому общественному управлению удалось достичь значительных результатов³, однако сравнение успехов российских городов с достижениями на Западе было не в пользу России. Отличия носили качественный характер, и, казалось, что без системных изменений во власти серьезных подвижек в городском хозяйстве добиться нельзя.

Развитие хозяйства, появление новых муниципальных предприятий в Москве не было бы столь масштабным, если бы оно не опиралось на использование заемных средств. На Москву приходилась самая большая облигационная задолженность среди российских городов: 34,5% от общей еще невыплаченной суммы займов городов России к началу 1911 г. [2, с. 3, 36]. В период с 1907 по 1910 г. задолженность Москвы выросла в 2,6 раза, с 37,5 до 69,8% от ценности муниципальных имуществ⁴. Платежи по займам составили в бюджете 1910 г. 16,6% всех расходов города. В предреволюционные годы происходил активный процесс наращивания долгов, однако ситуация была совсем не катастрофичной. Уплата долгов была растянута на много лет, они были взяты на производительные цели. Город вовлекался в капиталистические отношения, что открывало новые источники доходов.

и проезд по городским сооружениям. Некоторым городам было разрешено взимать больничный и канализационный сборы. Города не имели права самостоятельно вводить новые налоги, была лишь крайне ограниченная возможность варьировать ставки налогов и сборов в установленном центральными властями диапазоне.

² См. подробнее: Современное хозяйство города Москвы. М.: Издание Мос. гор. управления, 1913.

³ См. подробнее: Деятельность Московского городского управления в 1913–1916 гг. М., 1916.

⁴ Облигационные займы русских городов. СПб., 1912. С. 119, 214.

Начавшаяся мировая война оказала значительное негативное влияние. Ситуацию усугубляли займы в связи с войной, задержка с поступлением пособий от государства, дополнительные расходы, связанная с ними крайняя нехватка оборотных средств на операции по топливу, продовольствием. город начал брать краткосрочные гарантированные правительству займы. Существенных финансовых средств требовали постройка помещений под казармы, создание и содержание предприятий, мастерских, работавших по военным заказам, помощь фронту, семьям призванных на войну солдат. Бюджетные дефициты стали показателем финансовых затруднений и нарастания кризиса управления городским хозяйством накануне революции. Формально Москве удалось принять бездефицитный бюджет на 1917 г. Чтобы свеести смету, туда не включили суммы прибавки окладов городских служащих в связи с инфляцией. Управа представила их на рассмотрение думы на следующий день после утверждения сметы. «...Этот факт, – отмечала газета «Коммерсант», – служит прекрасной иллюстрацией того, насколько фиктивной является смета на 1917 г.»⁵.

Начало революции, имевшей мощный социальный посыл, означало, что городам в ближайшее время вряд ли удастся поправить свои бюджеты.

Влияние революции на городское хозяйство

Революция практически неизбежно вела к бурному росту расходов. Свою роль играла и ускорившаяся инфляция. Смета Москвы на 1917 г., первоначально сбалансированная в сумме 100 млн 463 тыс. 470 руб., уже в январе дала трещину: были введены прибавки на дороговизну к окладам городских служащих, составившие расход в 7,5 млн руб.⁶. К апрелю общая сумма прибавок достигла уже 15 миллионов 428 тыс. 900 руб.⁷

В мае–июне 1917 г. на волне «первой тарифной кампании» за повышение оплаты труда, которую вели профсоюзы промышленных рабочих, в Московскую городскую управу продолжали поступать многочисленные обращения с требованием повысить жалованье. Делегаты от рабочих обосновывали необходимость повышения заработной платы тем, что дороговизна лишает их возможности «сколь угодно сносного существования», получаемое ими вознаграждение было ниже, чем в частных предприятиях⁸. В начале июня 1917 г. кадетская

⁵ Коммерсант (Москва). 1917, 13 января.

⁶ Русские ведомости (Москва). 1917, 13 января.

⁷ Там же, 17 мая.

⁸ Там же, 18 мая.

городская дума Москвы приняла решение централизованно ввести прибавки к жалованию всем городским рабочим и служащим. Они потребовали дополнительно около 4 млн 504 тыс. 142 руб. в месяц, или 54 млн 59 тыс. 910 руб. в год – примерно 54% первоначального бюджета города на 1917 г.⁹

Рост расходов весной-летом 1917 г. вел к тому, что становились убыточными предприятия, ранее приносившие доход. Ярким примером является трамвай¹⁰. Революция привела к значительному повышению жалования трамвайных работников, подорожали запчасти, топливо. Солдаты и фактически все, кто был на них похож, по решению совета солдатских депутатов стали ездить в трамваях бесплатно. Муниципалитет и милиция не предпринимали активных действий по борьбе с этим явлением. Аналогичные явления наблюдались и на других городских предприятиях. По подсчетам управы, проведенным в августе 1917 г., дефицит трамвайного предприятия за год, несмотря на повышение тарифов, должен был составить 12,39 млн руб., водопровода – 2 млн 724 тыс. 653 руб., канализации – 2 млн 876 тыс. 15 руб. боев – 2 млн 110 тыс. 485 руб.¹¹.

Бюджетный дефицит углублялся в связи с продолжавшейся войной. Расквартированные воинские формирования, городские предприятия, работавшие на нужды обороны, требовали значительных средств. Часть затрат на эти нужды компенсировалась центром по установленным в начале войны нормам, но из-за инфляции к 1917 г. они уже не отвечали реальным суммам расходов. Кроме того, выплаты из госбюджета задерживались.

От имени города продолжали выделяться различные пособия, назначались пенсии выходящим в отставку служащим, выплаты вдовам погибших на войне муниципальных работников, было учреждено 112 Георгиевских стипендий учащимся. Значительных средств требовали муниципальные выборы, районные думы, биржа труда, примирительные жилищные камеры, молочная ферма и ряд городских предприятий. За 10 месяцев 1917 г. расходы выросли вдвое: со 100 млн до 199 млн руб. В связи с этим до октября 1917 г. Московской городской думе пришлось утвердить 2 дополнительные сметы.

⁹ Центральный государственный архив Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 179. Оп. 21. Д. 3884. Л. 79.

¹⁰ Если смета на 1917 г. определяла на жалованье, пособия на дороговизну и в качестве наградных служащим и рабочим трамвая 15,3 млн руб., то к июню 1917 г. на эту цель пришлось выделить 37,236 млн руб. – рост в 2,4 раза. Расходы на топливо и материалы выросли вдвое – с 5,287 млн руб. до 10,6 млн руб. Отказ от повышения трамвайного тарифа привел бы к дефициту в трамвайном предприятии в 23,24 млн руб.

¹¹ ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 1771. Л. 20.

Экономия в условиях социальной революции

Бурный рост расходов в условиях революции заставил городских деятелей задуматься об экстраординарных мерах. Муниципалитет должен был либо сокращать расходы, либо повышать доходы бюджета. Как отмечал в октябре 1917 г. экономист В.Н. Твердохлебов, снизить расходы городам следовало в первую очередь за счет сокращения штата городских работников и повышения интенсивности труда остальных.

Однако в реальности наблюдались обратные тенденции. Муниципальные рабочие настойчиво требовали и фактически получили 8-часовой рабочий день, сверхурочные часы стали оплачиваться в повышенном размере. Весной-летом 1917 г. рабочие стали активно вмешиваться в управление предприятиями. Серьезно снизилась производительность труда. Одной из причин этого, как считал муниципалитет были частые профсоюзные собрания и митинги в рабочее время, отвлечение существенной части рабочих от основных функций для профсоюзной работы, раздувание штатов. Эсеры пришли к власти в Москве на волне популизма по итогам выборов 25 июня 1917 г. Однако выполнить в обозримой перспективе их широкие обещания по улучшению положения муниципальных рабочих, не было возможности. Чтобы сохранить контроль над рабочими хоть в какой-то степени, муниципалитет вынужден был идти на частичные уступки. «Рабочий вопрос стоял вольно, – заявлял спустя год большевик П.Н. Мостовенко. – Во многих службах появился беспорядок. Рабочие сами устанавливали расценки. Так было в трамваях. В зависимости от ширины глотки. ...Чем меньше производительность труда, тем больше заработка добивались рабочие»¹². Один из цензовых гласных думы К. Мазинг назвал сложившуюся ситуацию «мародерством тыла»¹³. Рабочие в условиях революции приобрели действенный механизм влияния на муниципалитет: возможность устраивать забастовки, которые могли парализовать жизнь города. Кадеты, чьи позиции в думе весной – летом 1917 г. были весьма шаткими, а тем более популисты-эсеры не решались пойти на репрессивные меры, да и возможности такой они не имели. Муниципальные рабочие Москвы, почувствовавшие слабость «отцов города», стремились «выжать» из муниципалитета побольше. Немалую роль играли и политические причины: с лета большинство муниципальных рабочих Москвы стали сторонниками радикальных социалистов. Муниципальные профсоюзы использовались радикальными течениями для давления на умеренно-социалистическое руководство муниципалитета.

¹² Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 12. Д. 369а. Л. 216.

¹³ Русские ведомости (Москва). 1917, 13 августа.

Вероятно, в условиях углубления финансового кризиса полностью удовлетворить требования рабочих и обеспечить им по крайней мере тот же уровень жизни, что и до войны, было просто невозможно. Это признавали и эсеры, предложившие ограничить рост зарплаты рабочих путем выдачи им части заработка в виде продуктов – хлеба, овощей, мяса – по заготовительным ценам¹⁴. Однако заготовительный и распределительный аппарат еще не был налажен, а рабочие не соглашались на болезненные для себя меры.

Поиски денег

Возможности роста городских доходов до сентября 1917 г. были ограничены жесткими рамками Городового положения 1892 г. Законопослушные кадетские и умеренно-социалистические составы Дум не решались предпринимать революционных мер по изысканию средств, а государство затягивало с реформированием муниципальных финансов. В таких условиях для муниципалитетов одним из способов получить дополнительные доходы была переоценка недвижимости и земельной собственности в соответствии с их реальной стоимостью¹⁵. Но основными способами являлись повышение косвенных налогов и взятие займов – меры крайне не популярные. Косвенные налоги ложились тяжким бременем на бедных, а займы означали переложение расходов на будущее.

В первое время после начала революционных событий муниципалитет Москвы стремился избежать повышения тарифов, расхода средства, полученные от займов. Так, весной 1917 г. был осуществлен внутренний облигационный заем на 21 млн рублей. Синдикат нескольких российских банков взял на себя реализацию части займа на сумму 15–18 млн руб. по курсу 95 из 6%, остальные 3–6 млн руб. город реализовывал сам¹⁶. К сентябрю по сравнению с 1 января 1917 г. задолженность Москвы по облигационным займам увеличилась на 15% – со 144 до 166 млн руб.¹⁷

Вопрос о необходимости вслед за повышением ставок городским рабочим и служащим увеличить тарифы предприятий вылился в дискуссию. Мосгордума, где еще господствовали кадеты, заявляла, что городские предприятия не должны работать себе в убыток, поэ-

¹⁴ Известия Всероссийского союза городов (Петроград). 1917. № 49. Октябрь. С. 178–180, 183.

¹⁵ Так, переоценка, проведенная в Москве в 1917 г., позволила повысить сборы с недвижимого имущества на 11,9% – с 16 млн 535 тыс. руб. до 18 млн 505 тыс. 402 руб. (ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 3688. Л. 1–9).

¹⁶ Коммерсант (Москва). 1917. 27 февраля, 19 марта, 8, 26 апреля.

¹⁷ ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 4339. Л. 27, 204.

тому новые расходы должны быть покрыты за счет доходов от предприятий путем повышения их тарифов на основе принципа себестоимости. В июле 1917 г. Временное правительство недвусмысленно поддержало эту позицию¹⁸. Против выступали городские рабочие, призывавшие покрыть новые прибавки за счет чрезвычайного займа и повышенного обложения недвижимости капиталистов¹⁹. Их поддерживали большевики.

Сомнительную честь повышения большей части тарифов кадетская Дума оставила демократическому составу муниципальных органов: с сентября 1917 г. плата за воду, канализацию, газ повышалась более чем в 2 раза. Также была резко увеличена трамвайная плата, но этого не хватило, и 10 октября 1917 г. Московская городская Дума постановила заключить заем в 30 млн руб. на покрытие расходов по второй дополнительной смете²⁰. Управе было поручено разработать варианты покрытия дефицита без использования займов с рекомендацией добиваться этого путем «прямого обложения имущих классов, например, единовременным поимущественным налогом», исключения «обязательных» расходов... из проектов городских смет»²¹.

Основные надежды на пополнение бюджетов российские муниципалитеты возлагали на государство: от него ожидали серьезного законодательного расширения доходной базы городов. В справке, подготовленной управой в июне 1917 г., в соответствии с рекомендациями ведущих экономистов, указывалось на желательность передачи Москве государственного и земского налогов с городских недвижимых имуществ, квартирного налога, введения специального сбора «с собственников имуществ, получающих особые выгоды от производимых городом сооружений и улучшений»²². В докладе финансовой комиссии Мосгордумы в июле 1917 г. говорилось о необходимости законодательно отказаться от ограничений «применительно к сборам: оценочному с недвижимых имуществ..., а равно с прироста ценности недвижимых имуществ», разрешить муниципалитетам взимать надбавки к государственному подоходному, поимущественному налогам и налогу на наследство. Посредством нового закона о городских финан-

¹⁸ Вестник Временного правительства (Петроград). 1917. 23 августа. (Постановление Временного правительства от 12 июля 1917 г. о гарантиях государственного казначейства на займы, заключаемые московским и петроградским городскими общественными управлениями).

¹⁹ Русские ведомости (Москва). 1917, 1 июня.

²⁰ ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 28. Д. 113. Л. 169–170. Около половины трат по дополнительной смете составили расходы на повышение окладов работникам, около 20 млн руб. – расходы в связи с повышением цен на стройматериалы, продукты.

²¹ ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 4844. Л. 10–12.

²² ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 2. Д. 3086. Л. 1, 5–6об, 16об–8.

сах самоуправления хотели направить в свой бюджет налоги и сборы горожан, которые ранее уходили в руки государства, земств, усилить обложение зажиточных слоев.

В сентябре 1917 г. Временное правительство после полугодовой разработки и обсуждений приняло Положение о муниципальных финансах. Закон предоставил самоуправлениям право взимать ряд новых налогов, основными среди которых были: добавочный к государственному подоходному, специальный с городских недвижимостей, квартирный. Оценочный сбор был повышен в 2 раза – до 20% с доходности или 2% стоимости, переоценка должна была производиться каждые 5 лет. Добавочный городской сбор к подоходному налогу должен был быть не больше 10% от государственного оклада в столичных городах и 8% в остальных, но с ограничениями, при несоблюдении которых он понижался до 5 и 4% соответственно. Квартирный сбор взимался как с лиц, живших в своих домах, так и проживавших в наемных помещениях, сумма сбора колебалась в зависимости от размеров платы за помещение²³.

Новый закон не соответствовал ожиданиям муниципальных деятелей, экономистов, полагавших, что разрешенных налогов недостаточно, чтобы покрыть огромный дефицит муниципальных бюджетов. Как отмечал экономист А.А. Соколов, в 1917 г. города не успеют получить ничего, кроме повышенного оценочного сбора. В 1918 г. доходы городов могли вырасти лишь на 100 млн руб., что, полагал экономист, недостаточно²⁴. Мосгордума заявила Временному правительству «о совершенной неудовлетворительности нового закона и о безусловной и неотложной необходимости представления городам новых доходных источников»²⁵. Власти реформировали муниципальные финансы с расчетом на долгосрочную перспективу, однако городам деньги были нужны «здесь и сейчас».

Ситуация к октябрю 1917 г.

Несмотря на повышение тарифов по принципу себестоимости, а также на носившие массовый характер займы и новые прямые налоги, к концу 1917 г. финансовое положение муниципалитета Москвы ухудшилось.

Смета 1917 г. предполагала доходы и расходы муниципалитета Москвы в сумме 100 млн 463 тыс. 470 руб. Принятая 6 июня первая

²³ Местное самоуправление в России: отечественный исторический опыт / Сб. док-тов. М. 1998. С. 273–300.

²⁴ Известия Всероссийского союза городов (Петроград). 1917. № 49. Октябрь. С. 125–141.

²⁵ ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 28. Д. 113. Л. 169–170.

дополнительная смета повысила траты более чем на 212 млн руб. – до 121 млн 515 тыс. 561 руб., в то время как роста доходов не предполагалось. Вторая дополнительная смета, утвержденная 6 октября 1917 г., увеличила расходы еще на 77 млн руб. – до 198 млн 682 тыс. руб., а доходы выросли только на 14 млн – до 114 млн 519 тыс. 405 руб.²⁶

Дефицит бюджета на 1917 г. к октябрю достигал 85 млн руб., из них 60 млн руб. муниципалитет не мог покрыть из имеющихся источников. Эту сумму требовалось занять. В управе указывали на 2 способа покрытия дефицитов города: первый – выпуск долгосрочных облигационных займов, в которые должны быть преобразованы все вексельные краткосрочные займы и которыми, надеялась управа, могли заинтересоваться на заграничном рынке; второй – установление не разрешенных законодательно специальных налогов единовременного характера. Долги Москвы, по данным на октябрь 1917 г., составили 277 млн 720 тыс. руб., т.е. в 2,5 раза превышали сумму предположенных на 1917 г. доходов²⁷. Недвижимого имущества, по расчетам на март 1917 г., московский муниципалитет имел на сумму 1 млрд 125 млн руб., из них 80 млн руб. стоили дома и постройки, остальное приходилось на земли²⁸. К октябрю 1917 г. из-за инфляции стоимость имущества возросла в разы. Долговое бремя города не было непосильным, однако темпы его роста были впечатляющими. В 1917 г. Москва оказалась перед лицом острой нехватки средств и необходимости искать источники покрытия огромного дефицита или, в противном случае, сворачивать свою хозяйственную деятельность, срочно продавать часть имущества, приносявшего убытки. Но в условиях революционной смуты на него вряд ли нашлись бы серьезные покупатели.

Октябрьское восстание большевиков в Москве, в ходе которого дума и управа поддерживали антибольшевистские силы, а муниципальные рабочие выступили за большевиков, привело к фактической потере муниципалитетом власти над Москвой. 5 ноября 1917 г. Мосгордума была распущена ВРК. Новые выборы так и не состоялись. Муниципальные полномочия перешли к Совету районных дум, а весной 1918 г. – к Моссовету.

Таким образом, финансовый кризис стал одной из причин потери контроля над городским хозяйством, поражения московского городского самоуправления в борьбе с большевиками в октябрьские дни 1917 г. и роспуска законно избранной Думы. Кризисные явления стали итогом несовершенства действующих в то время законов и непри-

²⁶ Известия Московской городской думы. 1917, январь. № 1. С. 35–36; ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 1759. Л. 157об–158; Ф. 179. Оп. 21. Д. 3788. Л. 3; ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 4844. Л. 12.

²⁷ ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 4339. Л. 202–204, 206–206об.

²⁸ Коммерсант (Москва). 1917, 27 февраля; Русские ведомости (Москва). 1917, 10 октября.

нения новых, расширявших финансовые возможности муниципалитетов, для роста цен, повышения стоимости закупаемых материалов и рабочей силы, войны, нерешительности действий и слабости властей, нестабильной политической обстановки.

В 1917 г. ярко проявились негативные факторы политики муниципализации, которая проводилась в начале XX в. Повышение жалования работникам, увеличение сферы деятельности муниципалитета, помощь фронту, снабжение продовольствием и топливом также вызывали существенные траты. Несвоевременные расчеты государства и налогоплательщиков с муниципалитетом, несоответствие между доходами и расходами вкуче с потребностью в оборотных средствах вели к крайней нехватке текущих средств на счетах московского самоуправления. Для сведения бюджетов и увеличения поступлений город вынужденно прибегал к непопулярным мерам: повышению тарифов, сокращению необязательных расходов, переоценке недвижимости. Основным способом сведения бюджета стали займы. Значение частных-правовых способов «латания дыр» в бюджете, не соответствовавшее общественно-правовой природе муниципалитета, еще более возросло. Меры по повышению доходов не успевали утнаться за инфляцией и вынужденным ростом расходов. Либеральный профессор Л.А. Велихов через 9 лет после революции справедливо писал о «бессистемной муниципально-финансовой политике» после февраля 1917 г. [3, с. 46]. Вероятно, ключом к решению муниципальных проблем того времени могли бы стать активная помощь со стороны центральной власти в сфере муниципальных финансов, а также общие, системные меры: прекращение войны, приобретение властью надежной опоры в обществе, решительность и твердость в действиях.

Изучение ситуации с муниципальными финансами Москвы в условиях революции еще раз подтверждает, что достаточное финансирование местного самоуправления является одним из краеугольных камней его успешности и эффективности. Нехватка денег, узкие финансовые полномочия муниципалитетов и в условиях современной России ведут к неработоспособности этого важного института гражданского общества.

Литература

1. Михайловский А. Смета гор. Москвы на 1917 г. // Известия Московской городской думы. 1917. № 1.
2. Брейтерман А.Д. Облигационные займы русских городов. СПб. 1913.
3. Велихов Л. Опыт муниципальной программы. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926.

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

А.З. БОБЫЛЕВА

доктор экономических наук, профессор, зав.кафедрой финансового менеджмента факультета государственного управления
МГУ им. М.В. Ломоносова

А.А. СИДОРОВА

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры теории и технологий управления факультета государственного управления
МГУ им. М.В. Ломоносова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗАМИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ¹

В статье рассмотрены ограничения и недостатки сложившейся практики управления вузами и оценки их эффективности. Предложена Концепция проектирования комплексных программ управления неэффективными вузами и повышения общей эффективности высшего образования, раскрыта последовательность действий для реализации Концепции. Рассмотренные аспекты эффективности управления вузами в России сознательно не затрагивают финансового обеспечения деятельности вузов и направлены на инициацию факторов нефинансового характера, мотивацию всех стейкхолдеров образования на поиск внутренних резервов, активизацию собственных усилий для повышения эффективности деятельности вузов.

Ключевые слова: *высшее образование, эффективность деятельности вузов, методика оценки эффективности вузов, критериальный аппарат мониторинга вузов, проектирование комплексных программ управления вузами.*

Классификация JEL: I21, I25.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания 34.10. «Разработка системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные» и Приказа Ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академика В.А. Садовничего № 591 от 15.07.2013 г.

Развитие высшего профессионального образования в России в период трансформации (1992–2012 г.) характеризовалось значительным ростом числа вузов – почти на 80% – и численности студентов – в 2,7 раза. Рыночные экономические реформы и изменение общества в целом привели к опережающему росту негосударственного сектора в образовании: число негосударственных вузов за рассматриваемый период возросло почти в 6 раз, численность студентов в них – в 17 раз, что привело к изменению соотношения обучающихся в государственных и негосударственных вузах: если в начале 1990-х гг. на каждого студента негосударственного вуза приходилось 36 студентов государственных и муниципальных вузов, то в 2012/13 учебном году это соотношение стало 1:5,5², а в отдельные годы, например, в 2010/11 учебном году, оно составляло 1:4,9³.

Быстрое экстенсивное развитие высшего образования, изменение его структуры за счет опережающего развития негосударственного сектора не позволяют однозначно говорить о позитивных трендах в динамике основных показателей сферы образования. Существуют многочисленные свидетельства о перепроизводстве специалистов ряда профессий и нехватке других⁴, о снижении позиции ведущих российских вузов в международных рейтингах⁵, уменьшении престижности получения российского образования у иностранцев, общем снижении качества подготовки российских специалистов. Не говорит о позитивных трендах в российском образовании и отставание подготовки профессорско-преподавательских кадров: их численность за рассматриваемый период возросла только на 40% и значительно отстает от темпов роста численности студентов⁶, наблюдается резкий рост среднего возраста преподавателей и его приближение к критическому.

Негативные тенденции и отдельные факты недостатков в сфере образования привели к тому, что потребовались новые методы управления и контроля в сфере образования, а в нормативно-правовых документах и в научно-методической литературе по управлению в сфере образования появился термин «неэффективный вуз» и предлагаются пути его реформирования⁷.

² Россия в цифрах 2013. gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d1/08-10.htm.

³ Россия в цифрах. 2011. gks.ru/bgd/regl/b11_11/IssWWW.exe/Stg/d1/08-09.htm.

⁴ Новости сайта «Эхо Москвы». 10.02.2011. echo.msk.ru/news/748914-echo.html.

⁵ В 2013 г., например, согласно данным рейтинга компании Quacquarelli Symonds, самое высокое место среди российских вузов занял МГУ им. М.В. Ломоносова – 120 место, что, однако, на четыре позиции ниже показателя прошлого года. Российские вузы не вошли в мировую «сотню» (10.09.2013). bfm.ru/news/228609?doctype=article.

⁶ Россия в цифрах 2013. gks.ru/bgd/regl/b13_11/IssWWW.exe/Stg/d1/08-10.htm.

⁷ Протокол заседания Межведомственной комиссии по проведению мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эф-

В то же время остается непроработанным ряд проблем: нет однозначного понимания, что такое эффективный и неэффективный вуз, как оценить качество образовательной услуги, как провести системный мониторинг деятельности вузов и учесть его результаты в управлении высшим образованием. Нерешенность этих проблем, отсутствие методических разработок в области проектирования комплексных программ реформирования неэффективных вузов и улучшения качества образования обусловили круг вопросов, требующих первоочередного изучения, и задачи исследования: выявить факторы, обусловившие ограничения и недостатки сложившейся практики управления вузами и оценки их результативности; разработать концепцию проектирования комплексных программ управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные и повышения общей эффективности высшего образования.

Факторы, обусловившие ограничения и недостатки сложившейся практики управления вузами и оценки их эффективности

1. Статья 89. п. 2 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»⁸ (далее – Закон) гласит, что управление системой образования включает в себя стратегическое планирование развития системы образования. Современное понимание стратегического планирования в сфере образования предполагает конкретное определение государственных задач, на основе которых может выдаваться госзадание в разрезе потребностей в выпускниках по специальностям и проверяться его исполнение по количественным и качественным показателям. Однако в настоящее время четко не сформулирован результат, который можно и следует проверять, на основе которого можно оценивать результативность и эффективность подготовки студентов. Контрольные цифры (госзадание) по подготовке выпускников даются вузам формально, годами не корректируются, не существует комплексного механизма проверки выполнения. Кроме того, на госзадание ориентированы лишь государственные вузы, поэтому подготовка огромного числа студентов негосударственных вузов не включена в систему стратегического государственного планирования.

эффективности их работы и реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений от 29 апреля 2013 г. № Д/1-12/05пр. [1, с. 25–27; 2, с. 57–58]. Минобрнауки.рф

⁸ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.

2. Формированию госзадания и оценке результативности работы вузов, безусловно, препятствует отсутствие сплошной статистики по выпускникам и их дальнейшей профессиональной деятельности. Доля трудоустроенных выпускников, выпускников, работающих по специальности, в пределах региона, в котором было получено высшее образование, в других регионах России, за границей, – все эти вопросы остаются открытыми.

3. Трактовка самого понятия качества вуза и успешности его деятельности – малотранспарентна и неоднозначна. В Законе приводится только понятие качества образования, которое понимается как комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы⁹. Такое определение, по нашему мнению, является декларативным и не конкретизировано в подзаконных актах: критерии результативности образовательных программ не прописаны и поэтому они не могут быть объективно оценены, привязка качества образования преимущественно к соответствию государственным стандартам не выдерживает критики, т.к. стандарты постоянно пересматриваются ввиду их невысокого качества, дипломы большинства российских вузов не признаются за рубежом.

4. В нормативно-правовых документах используются понятия эффективного и неэффективного вуза, однако определение этих терминов в документах отсутствует, оно подменено набором показателей, хотя методически верен другой путь: вывод критериев и показателей эффективности исходя из фундаментального определения эффективности вуза. Важность такого подхода обусловлена тем, что не существует единого понятия эффективности: эффективность может проявляться в продуктивности, экономичности, общественной значимости, результативности, прибыльности, инновационной активности и т.п.¹⁰ Представляется, что в рассматриваемых российских нормативных документах «эффективность» понимается в широком смысле слова,

⁹ Там же. Ст. 2 п. 29.

¹⁰ Положение о докладах о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования // Постановление Правительства РФ от 22.05.2004 №249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов»; Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». М.: Московский общественный научный фонд; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2007. С. 41; см. также [5, С. 12–14].

является обобщенной характеристикой деятельности организации, ее «успешности», однако это нигде не сформулировано и препятствует однозначному определению термина, разработке критериального аппарата и осуществлению управленческих действий.

5. Управление качеством образования осуществляется посредством государственных, муниципальных и частных вузов, однако наблюдается несоответствие отдельных статей Закона, регулирующего деятельность вузов в России, и практики его применения: категория эффективности образовательной деятельности в этом основополагающем документе используется лишь относительно федеральных и национальных исследовательских университетов¹¹, хотя на практике понятие эффективности применяется ко всем вузам.

6. Набор показателей, методика оценки эффективности вузов регулируется рядом документов¹². Выделено шесть направлений оценки: образовательная деятельность (средний балл студентов, принятых по результатам ЕГЭ на обучение по очной форме); научно-исследовательская деятельность (объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника); международная деятельность (удельный вес численности иностранных студентов, в общем числе студентов); финансово-экономическая деятельность (доходы вуза из всех источников в расчете на одного научно-педагогического работника (НПР)); инфраструктура (общая площадь учебно-научных помещений в расчете на одного студента); трудоустройство (удельный вес численности выпускников вуза, обучавшихся по очной форме обучения, не обратившихся в службы занятости для содействия в трудоустройстве в течение первого года после окончания обучения в вузе, в общем числе выпускников).

Несмотря на то что вышеперечисленные направления оценки в целом ориентированы на системную характеристику деятельности вузов, выбранные индикаторы не в полной мере позволяют реализовать поставленную цель оценки эффективности. Например:

а) определение качества образовательной деятельности по среднему баллу студентов, принятых по результатам ЕГЭ, говорит о престижности вуза, однако качество услуг, предоставляемых самим вузом, характеризует лишь опосредованно: бренд мог создаваться веками, текущую деятельность вуза этот показатель может не отражать. Кроме

¹¹ Ст. 24 п. 4,5 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ.

¹² Приказ Минобрнауки России от 1 августа 2013 г. № 637 «О проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования»; Протокол заседания Межведомственной комиссии по проведению мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы и реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений от 29 апреля 2013 г. № Д1-12/05пр. Минобрнауки.рф.

того, неучет при оценке образовательной деятельности развития магистратуры и аспирантуры также свидетельствует о несистемном подходе при оценке качества образовательной деятельности;

б) оценка научно-исследовательской деятельности вуза только через стоимостной объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника также свидетельствует об ограниченности оценки, отсутствии комплексности мониторинга. Такой подход не позволяет учитывать качество и научную значимость исследований (число ключевых публикаций, цитирований), общую производительность (число публикаций, подготовленных кандидатов и докторов наук), способность зарабатывать (проекты и программы, по которым был выигран конкурс на финансирование), академическую репутацию (призы, награды, выступления на важных конференциях и форумах, издательскую деятельность, членство в профессиональных ассоциациях, Академии наук и т.п.), социальную значимость исследований, что обычно учитывается при оценке вузов в развитых странах¹³;

в) показатель международной деятельности во многом зависит не от вуза, а от имиджа страны и обеспечения безопасности иностранных студентов. Кроме того, использование понижающих коэффициентов для учета численности студентов очно-заочной, заочной формы обучения и экстерната для определения общего контингента иностранных студентов свидетельствует, по нашему мнению, о недооценке названных форм обучения, в то время как именно эти формы могут сыграть решающую роль в интеграции российского образования в глобальные образовательные процессы. Предлагаемый индикатор международной деятельности не учитывает признания научной деятельности вуза в мире: наличие грантов от международных организаций; патентов, проданных в другие государства; опубликованных за границей статей и книг, проч.;

г) такой показатель, как инфраструктура, причем привязанный только к квадратным метрам занимаемой вузом площади, не может напрямую свидетельствовать о качестве предоставляемых вузом образовательных услуг, он говорит лишь о некоторых сторонах потенциала вуза;

д) оценка востребованности студентов вуза через удельный вес выпускников очной формы обучения, не обращавшихся в службы занятости для содействия в трудоустройстве, не вполне корректна. Трудоустройство во многом зависит не от вуза, а от качества прогнозов потребностей рынка труда, за что, в соответствии со статьей 6 п. 12 Закона, отвечают федеральные органы государственной власти в сфере

¹³ Standard Evaluation Protocol 2009–2015. Protocol for Research Assessment in the Netherlands. P. 15–16. www.knaw.nl/sep.

образования, а также от фазы макроэкономического цикла, от уровня безработицы в стране, проч.

Таким образом, набор базовых показателей для системной оценки эффективности вузов по большинству направлений требует дальнейшей проработки. Кроме того, системности оценки не способствует и интегральный критерий: в настоящее время, если вуз (филиал) достигает пороговых значений для любых трех из шести показателей, то он признается эффективным, т.е. по половине показателей он может не удовлетворять условиям и все равно быть эффективным¹⁴. При таком соотношении показателей вуз может попасть в категорию эффективных, например, выпуская невостребованных специалистов, не проводя серьезной научной работы и международной деятельности.

Проведенный анализ показал, что при контроле эффективности деятельности вузов и разработке мер для снижения числа неэффективных вузов, повышения эффективности высшего образования в России возникают два типа проблем:

1. Проблемы содержательного характера, а именно: определение конечного результата в деятельности вузов, определение самого понятия эффективного (неэффективного) вуза, критериев, по которым вуз попадает в ту или иную категорию, разработка системы мер по преодолению неэффективности вузов.

2. Проблемы технического и процедурного характера (соотнесения критериев и показателей, правильности и своевременности заполнения форм и таблиц, соблюдение сроков реагирования и принятия управленческих мер и т.п.).

Для устранения указанных проблем мы предлагаем к рассмотрению основные положения Концепции проектирования комплексных программ управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные.

Концепция проектирования комплексных программ управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные

В основе Концепции лежит системный подход в оценке эффективности вузов, который заключается в сбалансированном улучшении ключевых видов деятельности вузов и приведении контрольных показателей в норму на основе комплекса согласованных между собой мер,

¹⁴ Протокол заседания Межведомственной комиссии по проведению мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы и реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений от 29 апреля 2013 г. № Д/1-12/05пр – Минобрнауки.рф.

входящих в компетенцию каждого уровня управления (макро-, мезо-, микроуровень).

Концепция разработки комплексных программ реформирования неэффективных вузов и улучшения качества образования должна содержать последовательность этапов, начиная с уточнения государственных задач в сфере высшего образования с действий и заканчивая определением регламента реализации программ и контроля их исполнения – шаги, сроки, ответственность за невыполнение, проч. (см. рис.).

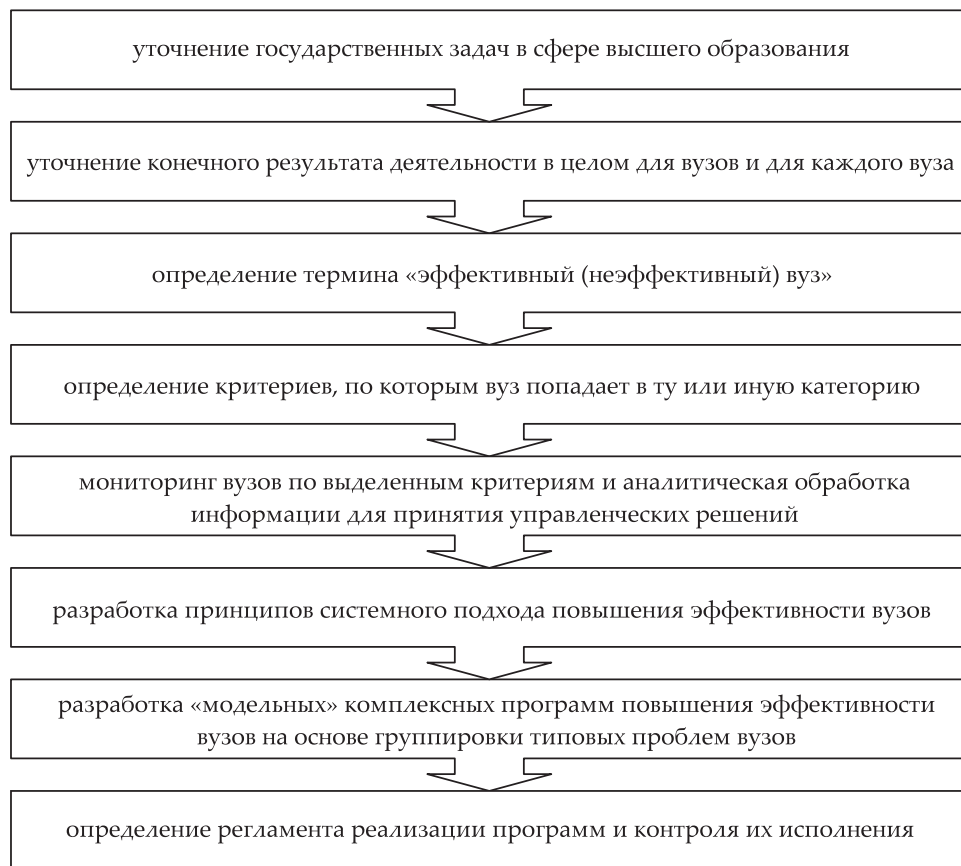

Рис. Концепция разработки комплексных программ реформирования неэффективных вузов и улучшения качества образования: последовательность действий.

Рассмотрим подробнее содержание основных этапов.

1. Определение государственных задач в сфере образования необходимо проводить на основе изучения трендов потребностей рынка труда как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе, анали-

тической обработки статистики по выпускникам последних лет и их дальнейшей профессиональной деятельности. Для рациональной работы вузов необходима информация о том, какие специалисты и в каком количестве нужны государству, и не только в текущем году или на 3-х летний плановый период, а в соответствии с прогнозом социально-экономического развития через 10–20 лет.

2. Понятие эффективного (неэффективного) вуза и критериев оценки деятельности вузов целесообразно выразить в терминах качества и успешности выполнения основных функций. Комплексное определение эффективного вуза должно учитывать экономическую, социальную, культурную, научную, образовательную эффективность. Можно предложить к обсуждению следующее определение: эффективный вуз – вуз, успешно выполняющий свои основные функции: образовательную, культурно-воспитательную, научно-исследовательскую, социальную, экономическую (рациональное использование имеющихся ресурсов), трансфера знаний и их коммерциализации.

3. Набор базовых показателей для системной оценки эффективности вузов требует дальнейшей проработки в указанных выше направлениях. В дополнение следует подчеркнуть еще несколько важных моментов:

а) все выделенные в нормативно-правовых документах шесть направлений оценки – важные составляющие оценки деятельности вуза, однако, возможно, следует поставить вопрос о «весе» каждого вида деятельности (процесса) вуза в его комплексной оценке.

Например, общепринято, что эффективные вузы должны вести исследовательскую деятельность. Практика показывает, что университет мирового класса – это и центр, где генерируются новые знания и передовые технологии, соединяется наука и практика. С другой стороны, известен факт: «академики» не всегда хорошие лекторы, а возможности преподавателей вести научную работу в определенной степени ограничены их текущими обязанностями. В то же время содержание относительно независимых образовательных и исследовательских центров в стенах одного вуза часто финансово нереализуемо в современных российских условиях. Неоднозначность эффекта от чрезмерного увлечения в вузах исследовательской деятельностью подтверждается и зарубежным опытом: в ряде стран Европы, где функции преподавания и проведения научных исследований были традиционно соединены в рамках высших учебных заведений, в настоящее время наблюдается обратная тенденция [4, с. 18–19].

Таким образом, развитие всех видов вузовской деятельности должно быть сбалансированным с ключевой функцией университетов – образовательной, что может быть достигнуто приданием этим видам деятельности разных весов, причем веса могут различаться в зависимо-

сти от типа вуза (фундаментальные науки, прикладной, творческий, проч.). Веса также смогут нивелировать внутренний конфликт между различными критериями успешности учреждения, который возникает при ограниченности средств и нечетко сформулированной стратегии. Например, наращивание материально-технической базы вуза, начиная с определенного момента может мало коррелировать с улучшением качества образования;

б) представляется, что принятые в официальных документах шесть направлений оценки могут быть дополнены 7-м направлением – законностью. Успешность деятельности образовательного учреждения в соответствии с данным критерием предполагает, что оно выполняет соответствующие нормативные требования по элементам «затраты» и «доходы» (финансовая деятельность), «ресурсы» (управление имуществом, отсутствие нарушений в управлении трудовыми ресурсами и проч.), «процессы» (при оказании услуг, проведении мероприятий и осуществлении иных видов деятельности);

в) система показателей должна быть скоординирована с индикаторами, принятыми в ведущих мировых рейтингах, т.к. перед российской системой образования стоит задача интеграции в глобальную систему предоставления образовательных услуг. В настоящее время система российских показателей для оценки и сравнения вузов значительно отстает от используемых за рубежом по широте охвата, глубине раскрытия каждого из направлений оценки¹⁵.

С другой стороны, следует учитывать, что проведение мониторинга – совершенно новый для России механизм управления и даже в сегодняшнем виде он может удовлетворять «повестке дня»: например, иметь свои специфические, дополнительные, не оговоренные в основных документах задачи по выявлению неработающих вузов. Известно, что по состоянию на 22.10.2013 106 вузов не предоставили свои данные и, возможно, что они просто не существуют [6]. А при выявлении неработающих вузов основную роль может играть оценка только по направлению «образовательная деятельность» – для текущей оценки другие направления оценки не будут иметь значения, если отсутствует образовательная деятельность;

г) из вышесказанного следует, что пороговые значения для определения эффективности (неэффективности) вузов целесообразно дифференцировать в зависимости от продолжительности функционирования вуза. Это позволит оказать поддержку стартапам (start up) в сфере образования, установив более мягкие критерии, и в то же время уделить пристальное внимание проблемам давно существующих вузов.

¹⁵ Университетские рейтинги // Академическая среда. 2012. №09(14). www.hse.ru/data/2012/11/23/1301711586/Area_14.pdf.

4. Для проведения мониторинга и обработки информации о деятельности вузов целесообразно привлечь профильные ассоциации, сообщества ученых и преподавателей, независимые аналитические агентства. Это позволит увеличить транспарентность оценки качества вузов, повысить ее объективность.

5. Системный подход к управлению вузом предполагает понимание его деятельности как системы взаимосвязанных процессов на всех уровнях. Исходя из системного подхода на макроуровне целесообразно:

- определение государственных задач в сфере образования как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе;
- уточнение понятия эффективного (неэффективного) вуза;
- разработка критериев оценки деятельности вузов.

На мезоуровне необходимо усилить связь между вузами, работодателями и региональными властями. Усиление этого взаимодействия возможно, в частности, в рамках модели «Тройной спирали» (Triple Helix) Г. Ицковица [3], описывающей взаимодействие между университетами, промышленностью и государством, при котором каждый участник способствует росту эффективности друг друга (чаще всего – именно на региональном уровне). В соответствии с этой моделью университеты, предприятия и государство выполняют дополнительные функции по отношению к своим традиционным: например, университеты могут частично выполнять функции работодателей, помогая создавать фирмы и обеспечивая трансфер технологий. Такую возможность обеспечивает, в частности, статья 103 Закона, предусматривающая создание образовательными организациями высшего образования хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности¹⁶.

Представители бизнеса могут участвовать в образовательном процессе, отвечать за практику, частичную занятость студентов; региональные администрации – обеспечивать информационную и другую поддержку нефинансового характера (целевой набор, профориентирующие мероприятия для выпускников школ, олимпиады, НИР и т.п.), а в некоторых случаях и финансовую поддержку значимых проектов, осуществляемых в цепочке «вуз – компания».

Таким образом, тесная связь между вузом, региональными властями и бизнесом (учреждениями культуры, социальными институтами, проч.) будет способствовать как повышению эффективности

¹⁶ Однако следует понимать, что этому критерию не могут удовлетворять многие вузы: в частности, на данный момент лишь у 353 университетов из 609 государственных и муниципальных вузов России есть малые инновационные предприятия.

и качества деятельности вузов, так как они будут в большей степени отвечать на запросы среды конкретного региона, так и экономии бюджетных средств за счет получения дополнительных финансовых возможностей от регионального бизнеса.

На микроуровне ключевой задачей должно стать комплексное управление вузом по семи вышеназванным направлениям: образовательная деятельность, научно-исследовательская деятельность, международная деятельность, финансово-экономическая деятельность, инфраструктура, трудоустройство, законность.

В литературе описано множество моделей управления вузом с элементами системного подхода. Наиболее значимый вклад в определение образовательных цепочек ценности внесли исследования R. Sison, Z.C. Pablo и команды E-College¹⁷, A. Van der Merwe и J. Cronje [7]: они сделали попытки определить виды образовательных и других услуг (конечных продуктов) вузов, выделить основные и вспомогательные процессы в вузах, ключевые драйверы ценности вузов. Тем не менее эти и другие исследования показали, что в настоящий момент не существует единой классификации (номенклатуры) бизнес-процессов вузов, единого понимания, какие процессы отнести к основным, а какие – к вспомогательным, какие драйверы ценности следует выделять в первую очередь.

В связи с этим, на наш взгляд, при разработке «модельных» комплексных программ повышения эффективности вузов целесообразно ограничиться общей концепцией системы сбалансированных показателей (BSC), интегрированной с ценностно-ориентированным подходом (VBM). Такая модель, с одной стороны, задает вектор определения долгосрочных целей вуза и механизмов их достижения, трансформации целей вуза в конкретные задачи и показатели, увязки отчетных данных для контролирующих органов и клиентов с внутренними характеристиками наиболее значимых образовательных, исследовательских и других процессов, позволяет рассматривать все ключевые показатели как измерители ценности вуза, как вклад различных процессов в ценность. С другой стороны, такая агрегированная модель оставляет значительную свободу для учета особенностей вуза и его внешней среды: позволяет каждому учебному заведению разработать собственную классификацию бизнес-процессов, выделять свои уникальные драйверы ценности, а общие рекомендуемые вышестоящими

¹⁷ E-College представляет собой интегрированную систему, разработанную Колледжем Информатики Университета Де Ла Саль (College of Computer Studies of De La Sale University) для поддержки образовательной цепочки ценности. Поддержка может быть выражена в форме автоматизации деятельности в рамках цепочки ценности, разработки инструментов, позволяющих упростить процессы планирования, организации и мониторинга основных и вспомогательных видов деятельности.

органами показатели контроля и оценки эффективности могут быть дополнены самим вузом.

Таким образом, рассмотрение проблем эффективности управления вузами в России в проведенном исследовании выявило факторы, обусловившие ограничения и недостатки сложившейся практики управления вузами и оценки их эффективности. Была предложена Концепция проектирования комплексных программ управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные и повышения общей эффективности высшего образования. Исследование показало, что основными факторами, обусловившими ограничения и провалы сложившейся практики управления вузами и возможности появления неэффективных вузов, являются:

- недостатки стратегического планирования, проявляющиеся в первую очередь в отсутствии четко сформулированного результата, который можно и следует проверять, на основе которого можно оценивать результативность и эффективность подготовки студентов;
- неоднозначность понимания терминов «качество образования», «качество вуза», «эффективности / неэффективности вузов»;
- отсутствие сплошной статистики для проведения независимого мониторинга деятельности вузов;
- недостаточная проработанность критериального аппарата мониторинга и отдельных показателей эффективности вузов;
- несогласованность нормативных документов по проведению мониторинга.

Проведенное исследование позволило предложить последовательность действий для реализации Концепции и раскрыть содержание выделенных этапов.

Рассмотренные в данной статье аспекты эффективности управления вузами в России направлены на инициацию факторов нефинансового характера и сознательно не затрагивают финансового обеспечения деятельности вузов. Несмотря на определенные меры, предпринимаемые Правительством страны по улучшению материально-технической базы вузов и повышению оплаты труда преподавателей в последние годы, условия работы в вузах значительно отстают от зарубежных аналогов, от оплаты труда в других видах деятельности, что приводит к оттоку лучших преподавательских кадров, их старению и делает результаты деятельности российских и ведущих зарубежных вузов во многом несравнимыми. При этом результаты несравнимы не только из-за различий в оплате труда и оборудовании лабораторий, но и из-за недофинансирования участия российских ученых в международных и даже российских конференциях, обмена международным опытом, приглашения на длительной основе иностранных преподавателей и ученых.

Тем не менее вопросы, связанные с недофинансированием российского образования, целесообразностью изменения государственной концепции бюджетного планирования и формированием расходной части бюджета, остаются за пределами задач данной статьи, главная цель которой – показать, что и как можно изменить в управлении эффективностью вузов преимущественно нефинансовыми методами, как структурировать деятельность по разработке комплексных программ повышения эффективности, как усилить уровень мотивации вузов на эффективность деятельности без существенного изменения государственной финансовой политики в сфере образования. Такой подход стимулирует всех стейкхолдеров образования к поиску внутренних резервов, активизацию собственных усилий для повышения эффективности деятельности вузов.

Литература

1. *Аракелян С.М.* Как измерить «гранит науки»? // Аккредитация в образовании. 2012. №59.
2. *Бурковская В.А., Сергеева Г.Н.* Мониторинг качества образования в высшем учебном заведении в контексте развития рынка образовательных услуг // Международный журнал экспериментального образования. 2012. №12.
3. *Ицковиц Г.* Тройная спираль Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010.
4. *Кузьминых Ж.О.* Высокое качество и превосходство в высшем образовании // Аккредитация в образовании. 2012. №5.
5. *Максимова М.Н.* Формирование и эффективное использование ресурсов в социальном обслуживании региона // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М. 2007.
6. *Никонов В.А.* Некоторые вузы существуют только на бумаге // Известия. 22.10.2013. izvestia.ru/news/559246.
7. *Mahsa Dorri, Mohammad H. Yarmohammadian, Mohammad Ali Nadi.* A review on value chain in higher education // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. №46. P. 3842–3846.

А.А. СИДОРОВА
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

В статье приведены результаты исследования предпринимательских университетов в рамках континентальной модели высшего образования на примере Технического университета Эйндховена (Нидерланды) и Технического университета Мюнхена (Германия). Выделены основные виды деятельности по укреплению взаимоотношений с промышленностью, свойственные этим университетам. Рассмотрены возможности применения лучших практик в России.

Ключевые слова: *предпринимательский университет, система высшего образования, трансфер технологий, предпринимательство.*

Классификация JEL: I23, I25, O31, O32.

Одним из современных трендов развития мировой системы высшего образования является становление и распространение предпринимательских университетов. Традиционно лучшие зарубежные практики рассматриваются в рамках атлантической модели высшего образования (к примеру, опыт Массачусетского технологического института в США, подробно описанный Г. Ицковицем [4, с. 58–82]). Для этой модели свойственны институциональная и финансовая автономии вузов, высокий уровень самоуправления, не прямой контроль со стороны государства и наличие тесной связи с бизнесом [3].

В рамках континентальной модели высшего образования особо выделяется исследование предпринимательских («молодых») университетов Швеции, Финляндии и Нидерландов, проведенное Б. Кларком в конце XX в. [6]. При этом, в своем исследовании Б. Кларк не проводит различий между университетами атлантической и континентальной моделей высшего образования, выделяя пять общих характеристик, которым предпринимательский вуз должен отвечать [6, с. 21–26].

Ввиду этого, представляется необходимым в настоящем исследовании сконцентрироваться именно на тех особенностях, которые свойственны предпринимательским университетам континенталь-

ной модели на современном этапе. Это обусловлено, во-первых, высокой турбулентностью внешней среды и необходимостью того, чтобы университеты отвечали новым вызовам второго десятилетия XXI в. К таким вызовам относятся: массификация высшего образования [2], возникающие вследствие этого проблемы финансирования [5] и качества высшего образования [11], увеличение роли университета в социально-экономическом развитии региона [9], [10], [7] и другие. Во-вторых, с точки зрения возможностей применения зарубежного опыта для России, более интересным является рассмотрение развития предпринимательских университетов именно в рамках континентальной модели, для которой характерными являются иерархичность учебных заведений, тесная связь с госструктурами (иногда – прямое министерское регулирование), а также исторически менее тесные отношения вузов с бизнес-сообществом [3], которые в настоящее время переживают этап активного развития. Именно поэтому в рамках данного исследования были рассмотрены предпринимательские университеты Нидерландов и Германии.

Особенностью финансирования системы высшего образования Нидерландов является превалирование государственных источников. Так, первым источником финансирования выступают правительственные гранты на научные исследования (прямое государственное финансирование), вторым – субсидии, выделяемые Нидерландской организацией научных исследований (Netherlands Organization for Scientific Research, NWO) для конкретных исследовательских проектов (косвенное государственное финансирование), третьим – международные и национальные органы государственного управления и некоммерческие организации. При этом доля финансирования частного сектора в третьем источнике составляет порядка 10%¹. В целом же средства, выделяемые национальным правительством на финансирование исследовательских университетов, состоят из образовательной компоненты (41%), научно-исследовательской компоненты (44 %) и компоненты медицинского образования и исследований (15%)².

В Германии высшие учебные заведения либо финансируются правительством (279 вузов), либо аккредитованы правительством (108 вузов). И, несмотря на растущее число частных вузов, многие из которых были созданы за последние несколько лет, большая часть вузов является государственными. Частные вузы, в основном, представляют собой небольшие учебные заведения, предлагающие только очень ограниченный круг программ (например, делового админи-

¹ Government of the Netherlands – Key figures 2008–2012. government.nl.

² Там же.

стрирования, СМИ, дизайна). Почти 94% всех студентов Германии обучается в государственных высших учебных заведениях³.

В России, несмотря на бурное развитие негосударственного сектора образования, также наблюдается приоритет государственных вузов (на 2012/2013 уч.г. на каждого студента негосударственного вуза приходится 6 студентов государственных вузов⁴). Превалирующую роль в формировании вектора образовательной политики на всех уровнях играет государство, однако, несмотря на это, исследователи отмечают значительный разрыв высшего образования с реальным сектором экономики [2, с. 90–91].

Особенности развития предпринимательства в Техническом университете Эйндховена (Нидерланды) и Техническом университете Мюнхена (Германия)

Технический университет Эйндховена⁵ и Технический университет Мюнхена⁶ (в частности, Unternehmer TUM, Центр инноваций и создания бизнеса) были выбраны для исследования по нескольким причинам. Во-первых, эти университеты принадлежат к континентальной модели системы высшего образования, поэтому их опыт представляет интерес для вузов России (о чем было сказано выше). Во-вторых, каждый из них представляет собой один из лучших примеров построения успешного взаимодействия с бизнесом (с промышленностью) в своей

³ German Rectors' Conference. hrk.de/activities/higher-education-system.

⁴ Россия в цифрах 2013. gks.ru/bgd/regl/b13_11/Main.htm.

⁵ Технический университет Эйндховена (Eindhoven University of Technology, Netherlands) является одним из трех технических университетов в Нидерландах. Он был основан в 1956 г., с целью способствовать развитию экономики Юго-Восточной части Нидерландов. За эти годы у Университета сложились тесные отношения с фирмами – мировыми лидерами в электронике и автомобильной отрасли, такими как Philips (которая раньше имела свою штаб-квартиру в Эйндховене) и DAF (позже NedCar, совместное предприятие Volvo, Mitsubishi и правительства Нидерландов). tue.nl.

⁶ Технический университет Мюнхена (TUM) (tum.de) позиционирует себя как один из самых известных предпринимательских университетов в Германии и Европе. Он расположен рядом с головными офисами крупнейших немецких компаний BMW и Siemens и исследовательскими институтами Макса Планка (Max Planck Gesellschaft. mpg.de/institutes) и Fraunhofer (Fraunhofer Gesellschaft. fraunhofer.de/en.html). Поэтому неудивительно, что между Университетом и этими крупными компаниями сложились партнерские отношения. Однако наиболее значимым фактором, способствовавшим развитию этих отношений, оказался особый предпринимательский подход ТУМа. В Университете, как и в Баварии в целом, повышенное внимание уделялось разработке методов работы с бизнесом [8, с. 154–159].

стране, о чем говорят результаты многочисленных рейтингов и выигранных ими конкурсов⁷.

Выделим основные виды деятельности по укреплению взаимоотношений с промышленностью, свойственные университетам Эйнховена и Мюнхена.

1. Развитие совместных инноваций, предполагающее укрепление отношений стратегического партнерства с крупными компаниями в регионе.

Технический университет Эйнховена развивает стратегическое партнерство с компанией ASML⁸, одним из крупнейших производителей фотолитографических систем для микроэлектронной промышленности Нидерландов. Партнерство основано на проведении регулярных встреч с представителями из отдела R&D компании для обсуждения текущих и новых проектов (один из этих проектов посвящен математической оптимизации чипов). Дополнительными областями сотрудничества между университетом и компанией являются проведение испытаний оборудования компании в лабораториях университета и различные стипендиальные программы для студентов. Значимым преимуществом такого партнерства является тесная связь проводимых в университете исследований с реальными потребностями бизнеса.

Однако у такого типа стратегических партнерств, помимо явных преимуществ, можно выделить также и негативные для университетов последствия. Среди них: усиление зависимости от крупного бизнеса, которая может выражаться в изменении (смещении) исследовательских траекторий университетов в угоду приоритетов компаний-партнеров. Более того, «с научной точки зрения большинство

⁷ Технический университет Эйнховена: В Международном рейтинге CWTS (2009) Университет занял первое место из 350 самых эффективных университетов по всему миру по исследовательскому вкладу в развитие промышленности. В рейтинге 2013 г. Университет продолжает удерживать лидирующие позиции (первое место) уже среди 500 наиболее эффективных университетов мира по исследовательскому вкладу в развитие промышленности (Proportion of Collaborative Publications with Industry) (CWTS Leiden Ranking. www.leidenranking.com/ranking). В июне 2011 г. ScienceWorks провела оценку голландских университетов с точки зрения их вклада в повышение ценности знаний по трем параметрам: предпринимательская активность, сотрудничество с третьими сторонами и коммуникативность. По параметру «сотрудничество с третьими сторонами» (промышленность, малый и средний бизнес, другие организации) Университет был в числе лучших университетов Нидерландов [8, с. 179]. Технический университет Мюнхена (ТУМ): в 2005 г. Berlinpolis и SAP Germany присудили UnternehmerTUM награду в номинации «Технологии и передовой опыт» (Technology and Excellence), в 2007 г. программе ТУМа была присуждена награда «Arbeitgeberpreis für Bildung» (награда работодателей за образование), в 2008 г. ЕС выбрал UnternehmerTUM в качестве лучшей практики в сфере сотрудничества университета и бизнеса [8, с. 154–159].

⁸ ASML. www.asml.com.

коммерчески прибыльных разработок тривиальны» [1, с. 132], и это может негативно сказаться на развитии фундаментальной университетской науки в целом.

2. *Создание специальных структур* для расширения сотрудничества с технологически ориентированными компаниями на региональном, национальном и международном уровнях.

Для реализации этих целей Техническим университетом Эйндовена была создана Лаборатория инноваций⁹, которая предоставляет крупным промышленным предприятиям, малому бизнесу и ученым-предпринимателям широкий спектр услуг, среди которых: договоры на проведение научных исследований и образовательной деятельности; совместные научно-исследовательские проекты; НИР и стажировки для аспирантов; программа аспирантуры.

Техническим университетом Мюнхена был также создан Центр UnternehmerTUM (2002), который является основным центром инноваций и создания бизнеса в ТУМ и состоит из общественного института UnternehmerTUM GmbH (2002) и его дочерней компании UnternehmerTUM Project GmbH (2010). Развитие UnternehmerTUM позволило стать Техническому университету Мюнхена одним из ведущих институтов инноваций и создания бизнеса в Европе. Он представляет собой не просто платформу для студентов, обучающихся в ТУМ; он также предоставляет широкие возможности для исследователей, предпринимателей и специалистов и является источником вдохновения для компаний из различных сфер бизнеса.

В целом, создание подобных структур не является отличительной чертой только данных университетов – это свойственно большинству предпринимательских университетов как континентальной, так и атлантической моделей высшего образования [1, с. 33].

3. *Трансфер технологий.*

Технический университет Эйндовена активно занимается маркетингом и продвижением своих технологий через лицензирование и совместные спин-офф¹⁰ на ранних стадиях технологического цикла. В случае совместных спин-офф университет отвечает за науку и технологии, в то время как промышленность обеспечивает общее управление и финансы. Начиная с 2004 г., на базе университета было создано 32 совместных спин-офф.

⁹ Innovation Lab. www.tue.nl/en/innovation/column-1/about-tue-innovation-lab.

¹⁰ Спин-офф (от англ. spin-off – побочный результат) – компании, которые создаются сотрудниками структурных подразделений НИИ и вузов с целью коммерциализации собственных разработок. Такие компании часто реализуют и доводят до рынка те научно-технические результаты, которые являются побочным продуктом крупных исследовательских программ (См.: Молчанова О.П., Сурин А.В. Инновационный менеджмент. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 111).

Подобное функциональное разделение рационально обосновано и препятствует «затуханию» деятельности спин-офф, что является особенно актуальным для России. Специалисты отмечают, что препятствиями для развития спин-офф в России являются: сложность в привлечении внешнего финансирования, невозможность вузов финансировать спин-офф (большая часть из ныне недействующих спин-офф – со 100% участием вузов), ошибки в управлении (в том числе в оформлении интеллектуальных прав), создание спин-офф «сверху» (а не в ответ на запросы бизнеса)¹¹. Развитие модели взаимодействия Технического университета Эйндховена в России, на наш взгляд, будет способствовать решению обозначенных проблем.

4. Развитие бизнес-образования.

Помимо обозначенных совместных инноваций и трансфера технологий, интересным для вузов России является опыт Технического университета Эйндховена по развитию бизнес-образования. Так, университет предлагает курсы по малому предпринимательству для своих студентов-бакалавров и сертифицированные программы в области предпринимательства для своих магистрантов. Специалисты, работающие в высокотехнологичных предприятиях, привлекаются к участию в семинарах и встречах с экспертами. В свою очередь, предприятия оказывают поддержку университетским исследователям, студентам и выпускникам в реализации их бизнес-планов для коммерческой эксплуатации научных исследований путем создания высокотехнологичных стартапов.

Более того, бизнес активно участвует в подготовке квалифицированных кадров и благодаря этому имеет возможность корректировать содержание образования и впоследствии экономить значительные средства на «доучивании» выпускников. Однако у этой практики есть и обратная сторона, заключающаяся в ангажированности скорректированных программ. Д. Бок по поводу опыта работы медицинских факультетов в США пишет, что «в качестве крайней меры медицинским факультетам следовало бы категорически запретить какое бы то ни было вмешательство корпораций в планирование учебных программ и содержание презентаций» [1, с. 194].

Технический университет Мюнхена также уделяет много внимания развитию бизнес-образования. Его важная особенность заключается в стремлении сделать своих студентов не просто лучшими в конкретной области исследований, но и дать им возможность применять свои знания в бизнес-среде (студенты должны освоить клю-

¹¹ Колесников А.Н. Третей малых предприятий при вузах существует лишь на бумаге. www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=223&d_no=41450#.UrTUOPRdVEI.

чевые навыки для создания собственного бизнеса). Помимо этого, UnternehmerTUM также предлагает программы развития и специальные семинары для аспирантов и докторантов. Кроме того, бизнес-профессионалы могут принимать участие в данных программах и семинарах и улучшать свои знания в сфере инноваций и предпринимательские навыки [8, с. 154–159].

Подобные практики демонстрируют то, что увеличение предпринимательской активности и вовлеченности студентов не сказывается негативно на качестве их обучения, а напротив, является дополнительным стимулом к интенсификации и повышению заинтересованности в процессе обучения, т.к. студенты видят реальную пользу от изучения конкретных дисциплин и особенности практического применения полученных знаний.

Среди интересных для России практик можно выделить также организацию специальных семинаров по бизнес-планированию, на которых участники обучаются презентационным техникам, а также получают обратную связь относительно своих идей бизнес-планов (порядка 150 бизнес-планов разрабатываются ежегодно в рамках таких семинаров). Важной особенностью этих семинаров является то, что все преподаватели работают в сфере бизнеса и имеют практическое понимание того, как основать компанию и управлять ею. Международные бизнес-профессионалы также регулярно читают лекции и организуют специальные «весенние и летние школы» для магистров и аспирантов, создавая тем самым отличную платформу для взаимодействия и развития бизнес-творчества [8, с. 154–159].

К примеру, программа Manage&More была разработана специально для высокомотивированных аспирантов и в данный момент предлагается на всех тринадцати факультетах ТУМа. Каждый год 40 студентов претендуют на стипендию для практических занятий в рамках проектов и семинаров, где они могут обучаться навыкам межличностного общения и работе в команде. Все эти тренинги сочетаются с развитием инновационных бизнес-идей. Кроме того, в 2008 г. UnternehmerTUM GmbH разработала Executive MBA в сотрудничестве с Лейпцигской Высшей школой менеджмента¹². Этот годичный курс предоставляет 20 специалистам и руководителям компаний в сфере промышленности, также как и предпринимателям, шанс получить академическое образование в сочетании с развитием собственного инновационного проекта, а иногда – собственного стартапа [8, с. 154–159].

Подобная практика противопоставляет себя традиционному для западных университетов обвинению в том, что «они уделяют научным

¹² Leipzig Graduate School of Management, NHL. www.hhl.de/en/home/.

исследованиям больше внимания, чем преподавательской деятельности, и тем самым пренебрегают интересами студентов» [1, с. 177], т.к. успех в педагогической деятельности не приносит преподавателям дополнительного вознаграждения.

5. Поддержка стартапов.

Технический университет Эйндховена предлагает различные виды поддержки стартапов (для студентов, выпускников и других заинтересованных сторон) через Technostars (фонд посевных инвестиций)¹³ и Инкубатор 3+, которая состоит из коучинга, консалтинга, кредитования и особых условий размещения. Встречи проводятся на регулярной основе, уделяя особое внимание темам, представляющим особый интерес для начинающих предпринимателей. По данным ежегодного отчета, с 2006 по 2010 г. университетом было создано в общей сложности 83 компании. За этот же период было получено 64 патента и 42 лицензии, было выиграно 11 грантов по повышению ценности знаний. Что касается малого и среднего бизнеса, университет был исполнителем 104 заданий, субсидируемых правительством Нидерландов (Innovation Grants Regulation of the Dutch government) [8, с. 181].

В Техническом университете Мюнхена также уделяется большое внимание развитию стартапов. Компания UnternehmerTUM Project GmbH была создана для того, чтобы иметь возможность расширить и использовать на практике знания, накопленные в процессе работы UnternehmerTUM GmbH. Целями данной компании является помощь в развитии стартапов предпринимательских команд и проведении исследований и проектов уже существующих компаний, например, в разработке новых приложений и, конечно, исследовании рынка. Разделение центра на две части (на UnternehmerTUM GmbH и UnternehmerTUM Project GmbH) ясно показывает, что UnternehmerTUM не просто занимается образовательной деятельностью, но и помогает своим слушателям продвигать свои идеи на рынке.

Однако университетам стоит с осторожностью поддерживать компании, созданные своими профессорами, даже в том случае, если эта поддержка осуществляется через так называемые «буферные организации», т.к. она может породить конфликт интересов и вызвать риск зависимости продвижения по службе профессоров от коммерческих соображений [1, с. 171–173].

6. Участие в региональных консорциумах.

Технический университет Эйндховена участвует в ряде региональных консорциумах, в частности, имеет партнерские отношения с крупными поставщиками знаний в Брэйнпорте (Brainport) и Элате¹⁴.

¹³ Technostars. www.technostars.nl.

¹⁴ Eindhoven Leuven Aachen Triangle, ELAt. www.elat.org.

Брэймпорт, самый «умный» регион 2011 г. (по определению Intelligent Community Forum (ICF)), является одной из главных инновационных площадок и резиденцией для бизнеса и научно-исследовательских институтов мирового класса. Регион Брэймпорт-Эйндховен является мощным инновационным игроком в европейском и мировом масштабах: на его долю приходится треть всех частных расходов на научные исследования Нидерландов. Экономический успех региона Брэймпорт-Эйндховен является результатом уникального сотрудничества между промышленностью, научно-исследовательскими институтами и правительством¹⁵.

Эта тройная спираль сотрудничества создает очень благоприятный климат как для всемирно известных компаний, так и для инновационных малых и средних предприятий в регионе. Данный опыт особенно интересен для России в контексте задачи инновационного развития регионов.

7. Активизация взаимодействия с малым бизнесом.

Для любого университета труднее наладить взаимодействие с малым и средним бизнесом, чем с крупным. Эта проблема остро стоит и перед российскими вузами, поэтому рассмотрение опыта ее решения Техническим университетом Эйндховена представляется особенно важным. В целях развития сотрудничества с малым бизнесом Университет вступил в партнерство с Университетом прикладных наук Fontys¹⁶, Агентством регионального развития Брабанта¹⁷ и United Brains («Соединенные Мозги»)¹⁸, служащим своего рода соединяющим звеном между малым бизнесом и учеными-предпринимателями. На сайте United Brains пользователь может оставить свой вопрос (или, к примеру, запрос на проведение исследования), для ответа на который привлекаются эксперты из университетов-партнеров. Таким образом пользователь и университеты налаживают взаимодействие и сами, в свою очередь, становятся партнерами. Такой подход способствует как инновационному развитию малого и среднего бизнеса, так и укреплению предпринимательства в университетах [8, с. 178–183].

Конечно, в России есть определенный опыт трансфера технологий и предоставления университетом консультационных услуг бизнесу. К примеру, Нижегородский государственный университет, которому в 2009 г. была присвоена категория «Национальный исследовательский университет», сотрудничает с российскими и зарубежными ком-

¹⁵ Brainport. www.brainport.nl/en/about-brainport.

¹⁶ University of Applied Sciences. fontys.edu.

¹⁷ Brabant Development Agency, BOM. www.bom.nl.

¹⁸ United Brains. www.unitedbrains.nl.

паниями для выполнения на коммерческой основе НИОКР, проведения консультаций и экспертиз, решения научно-технических проблем и т.д.¹⁹. Однако среди основных партнеров и заказчиков перечислены, в основном, крупные российские и зарубежные компании и университеты, а также институты РАН. Это может быть объяснено ориентацией на естественнонаучные области исследования, однако в таком случае малый и средний бизнес оказываются практически неохваченными.

Ввиду этого опыт Технического университета Эйндховена, предлагающего свои услуги через платформу United Brains совместно с другими вузами (что расширяет спектр областей исследования) и Агентством регионального развития, способствующим фокусированию исследований на потребностях региона, в том числе – малого и среднего бизнеса, является полезным для становления предпринимательских университетов в России и намечает перспективы их дальнейшего развития.

Ограничения адаптации европейского опыта для университетов России

Проведенное исследование опыта развития университетов в Нидерландах и Германии позволило выявить ряд общих принципов и видов деятельности, свойственных предпринимательским университетам и актуальных для развития сферы российского высшего образования. Среди них: развитие совместных инноваций, создание специальных структур для сотрудничества с бизнесом, трансфер технологий, развитие бизнес-образования, поддержка стартапов, участие в региональных консорциумах и активное взаимодействие с малым бизнесом.

Обращает на себя внимание то, что все перечисленные характеристики не уникальные – многие из перечисленных видов деятельности присутствуют и в российских университетах. Тем не менее свой положительный эффект они дают только в сочетании, при соответствующем учете региональных и страновых особенностей, ввиду чего необходимо выделить те ограничения, которые препятствуют развитию предпринимательства в отечественных университетах. К ним, на наш взгляд, относятся:

1. Неоднозначное отношение академического сообщества к предпринимательской деятельности университета;
2. Традиционный приоритет образовательной функции университета над исследовательской;
3. Низкая степень автономии и свободы в выборе тех или иных направлений деятельности университета в силу отсутствия множе-

¹⁹ Нижегородский государственный университет. www.itc.unn.ru/research.

ственных источников финансирования и особенностей существующего законодательного регулирования данной сферы;

4. Низкий уровень предпринимательской культуры и предпринимательского опыта в университетах;

5. Недостаточный уровень развития бизнеса и неготовность к инвестированию в сферу образования и науки;

6. Политизированность инноваций и законодательные ограничения.

Кроме того, проведенное исследование позволило выделить ряд частных ограничений для крупных университетов России: высокие транзакционные издержки, ригидность структуры и неприятие децентрализации, консерватизм и инерционное экстенсивное развитие.

Тем не менее данные ограничения и особенности российской высшей школы, замедляющие развитие предпринимательских университетов, одновременно дают дополнительное время на осознание негативных сторон коммерциализации образования и выработку путей их преодоления. Под коммерциализацией, вслед за Д. Боком, предлагается понимать «стремление университетов извлечь прибыль из своей преподавательской, исследовательской и иной деятельности» [1, с. 25]. К таким негативным сторонам относятся: подрыв академических стандартов (деньги как основная цель деятельности); конфликт интересов и степень секретности при взаимодействии университетов и бизнеса; ангажированность образовательных программ, финансируемых бизнесом; ограничения академической свободы при выборе тематики исследований и публикации результатов; ухудшение качества преподавания и др.²⁰.

Снизить остроту этих проблем в России можно, взяв курс на «рациональную коммерциализацию» образования, предполагающую разумное привлечение частных инвестиций, не ограничивающих академические свободы. Однако это возможно только при достаточном уровне государственного финансирования вузов, позволяющего вузам не идти на высокорисковые сделки с бизнесом ради выживания.

Литература

1. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Будущее высшего образования и академической профессии: страны БРИК и США / Под. ред. Ф. Альтбаха, Г. Андрущака, Я. Кузьминова, М. Юдкевич, Л. Райсберг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

²⁰ Подробно описаны Д. Боком на примере университетов США, однако перечисленные проблемы носят международный характер [1].

3. Вахштайн В. Две модели образовательных систем: континентальная и атлантическая. www.intelros.ru/pdf/prognosis/321-352_vahshtain.pdf.
4. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Генри Ицковиц. Пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во ТУСУР, 2010.
5. Как платят профессорам? Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / Под. ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
6. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Гос.ун-та – Высшей школы экономики, 2011.
7. Кобзева Л.В., Пономаренко В.В. На пути к предпринимательскому университету: что находится в центре изменений? // Инновации. 2011. № 4. С. 85–92.
8. 30 Best Case Studies of Good Practice in the Area of UBC within Europe / Science-to-Business Marketing Research Centre, Germany, 2011. ec.europa.eu/education/higher-education/doc/studies/munstercase_en.pdf.
9. Bart Van Looy. The Role of Entrepreneurial Universities within Innovation Systems: An Overview and Assessment // Review of Business and Economics. 2009/1.
10. Gibb, A.A., Hannon P. Towards the Entrepreneurial University // International Journal of Entrepreneurship Education 4, 2006.
11. Land R., Gordon G. Enhancing Quality in Higher Education: International Perspectives. Routledge. London and New York, 2013.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

А.А. МАЛЬЦЕВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики
Уральского государственного экономического университета

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭПОХИ: ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ КЕЙНСИАНСТВА ИЛИ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ?

Рассмотрены произошедшие в послевоенную эпоху изменения институциональных и технологических факторов развития мировой экономики, повлекших за собой необходимость пересмотра ключевых элементов исследовательской программы кейнсианства. Показаны основные хозяйственные сдвиги, определявшие «дух времени» в 1950–1970-х гг. Доказывается релятивистская обусловленность обновления теоретико-методологических установок экономического мейнстрима.

Ключевые слова: мировая экономика, неокейнсианство, технологический уклад, технико-экономические сдвиги.

Классификация JEL: B300, B310.

Период 1945–1975 гг. охарактеризовался бурным развитием мировой экономики. Среднегодовые темпы прироста мирового ВВП в 1950–1975 гг. в 2,3 раза превышали аналогичный показатель благополучных 1870–1913 гг.¹ и были в 1,5 раза выше показателей 1991–2007 гг.². Постепенное возвращение глобальной экономики из фазы «чистого хаоса» в состояние «экономической нормальности» требовало адаптации созданного в период Великой депрессии антикризисного учения к реалиям «великого потребления» [1, p.456].

Новые исторические условия требовали, в частности, переоценки таких принципиальных положений аналитического аппарата Дж.М. Кейнса, как допущения онтологической неопределенности будущего, отрицание рациональности мотивов деятельности людей,

¹ Рассчитано по: Historical Statistics for the World Economy: 1-2003 AD. www.ggdnc.net.

² Рассчитано по: Real Historical Gross Domestic Product (GDP) and Growth Rates of GDP for Baseline Countries/Regions (in billions of 2005 dollars) 1969–2012. www.ers.usda.gov.

познание окружающей реальности с позиций холизма, изучение хозяйственных явлений в краткосрочном периоде, а также отрицание влияния на экономические процессы технологического фактора [2, р. 113–132]. При этом, однако, сохранялось твердое убеждение в неприкосновенности эмпирической сердцевины «Общей теории», а именно государственного вмешательства в игру рыночных сил. В данной статье мы попытаемся проследить взаимосвязь развития экономической науки послевоенного периода и изменений технико-экономического ландшафта мирового хозяйства, которые, с нашей точки зрения, стали причиной «искажения» старого кейнсианства.

Zeitgeist 1950–1970-х гг.: повышательная волна четвертого цикла конъюнктуры и наращивание государственного присутствия в хозяйственных процессах

С нашей точки зрения, появление теоретических расхождений при сохранении кейнсианского каркаса в «основном течении» экономической мысли в 1950–1970-х гг. определялось изменением «духа времени». Его сущностную характеристику уловил М. Абрамовиц, усматривавший смысл послевоенного «Золотого века» в «массовом применении неиспользованных ранее технологий»[3]. В 1945–1975 гг. в мире ежегодно появлялись 1,9 базисных нововведений против 0,6 в 1920–1929 гг. [4, р. 689–690; 5, р. 109]. Это инициировало повышательную волну четвертого цикла конъюнктуры, вытолкнувшую развитые страны в «век высокого массового потребления». Правительства промышленно развитых держав откликнулись на это усилением государственного присутствия в экономике и перенаправлением хозяйственной политики с проблем занятости на стимулирование научно-технического прогресса и создание основ национальных инновационных систем. Основными инструментами ускорения технологической и структурной трансформации были развитие социальной инфраструктуры и поддержка бизнеса, оказавшегося неспособным без «помощи и защиты государства удовлетворить потребности развития техники» [6, р. 24].

Развитие отраслей социальной инфраструктуры, формировавших сердцевину четвертого технологического уклада, требовало опережающего укрепления обслуживающих общественные нужды секторов экономики. Так, в США доля наиболее предпочтительных с позиций подкрепления экономического роста инфраструктурных инвестиций, осуществляемых государством, за 1950–1960 гг. возросла с 2,25 до 5,0% ВВП [7, р. 231]. Причины подобной «расточительности» государства крылись в интуитивно выявленной взаимосвязи между наращиванием капиталовложений в инфраструктуру и ускорением технологического прогресса. Одним из первых на эту корре-

ляцию обратил внимание Р. Солоу: «накопление капитала само по себе является важным, но не единственным ингредиентом экономического роста... другим из них являются инвестиции в социальную инфраструктуру» [8, р. 73]. Спустя полвека расчеты подтвердили данную гипотезу. Если в 1947–1973 гг. среднегодовой прирост стоимости американских государственных основных фондов составлял 4,5%, а производительность труда прирастала на 2,6% ежегодно, то в так называемый период «великого замедления производительности» (1973–1995 гг.) темпы роста производительности труда упали до 1,6% в год, скорость обновления материальных активов, находящихся в государственной собственности, снизилась до 2,3% [9].

Эффективным стимулом экономического роста нового качества зарекомендовало себя денежно-кредитное, фискальное и тарифное стимулирование технологической модернизации индустриального каркаса экономики развитых стран. В частности, уже в сентябре 1950 г. правительство Г. Трумэна утвердило закон «Об оборонном производстве», разрешавший органам исполнительной власти США выступать поручителями по кредитам частных компаний и вводивший вчетверо сокращенные сроки амортизации (с 20 до 5 лет) [10, р. 218]. Результаты не заставили себе ждать. Только в одной сталелитейной промышленности объем капиталовложений в новое оборудование за 1949–1952 гг. возрос с 0,6 до 1,5 млрд долл., дав толчок к постепенному переходу американской металлургии от мартеновского к *электросталеплавильному* способу производства стали [11, р. 159–160]. Вклад государства в модернизацию американской экономики предполагал еще один важный инструмент поддержки производств четвертого технологического уклада – госзакупки, размещавшиеся преимущественно военным ведомством [12, р. 211]. Ассигнования Пентагона на НИОКР в 1960 г. достигли 52% общих расходов на научные исследования [13, р. 99].

«Отклонения» неокейнсианства от первоисточника

Попытаемся найти релятивистское объяснение отмеченным выше отклонениям неокейнсианства от первоисточника. С нашей точки зрения, в решающей степени это предопределялось завершением перехода хозяйственной среды развитых стран в состояние олигополии. По словам Дж. К. Гэлбрейта, «олигополистический рынок, характеризующийся конкурентными условиями входа и выхода, будет эффективным распределителем ресурсов в долгосрочной перспективе» [14, р. 286].

Хотя укрупнение производственных процессов являлось важной особенностью четвертого технологического уклада, всевластие

крупного бизнеса грозило расстройством рыночных механизмов, взвинчиванием цен, повышением уровня социального расслоения в обществе. Борьба с монополизмом исключительно традиционными методами ужесточения антимонопольного законодательства могла обернуться замедлением научно-технического прогресса. Это подталкивало правительства развитых государств к созданию противовеса олигополистическим структурам в виде программ контроля за ценами естественных монополий, смягчения трудового законодательства, повышения минимального уровня заработной платы. Они должны были возложить на спрос функцию «уравновешивающей силы», противодействующей давлению производителей материальных благ [15].

В целях трансформации «рынка продавца» в «рынок покупателя» американский Конгресс в 1949 г. принял поправки к закону «О честных трудовых стандартах», увеличившие минимальный уровень почасовой оплаты труда в 1,9 раза – с 40 до 75 центов. Спустя год власти Франции ввели систему установления нижней границы заработной платы с частичной индексацией на уровень инфляции [16, р. 430]. Необходимость купирования ценовых скачков выступала легитимным основанием для применения политики «поддержания цен перепродажи» / retail price maintenance (RPM), защищавшей независимых ритейлеров от демпинга со стороны крупных торговых сетей путем законодательного установления ценовых «коридоров» [17, р. 32]. Например, только за 1950-е гг. удельный вес товаров, на которые распространялись правила RPM, в общем объеме продаж в США возрос с 4 до 10%, а в Канаде и Соединенном Королевстве к 1960 г. он достиг 25% [18, р. 376].

Другим инструментом снижения прессинга крупного бизнеса на потребителей стало ограничение тарифов на услуги коммунального сектора. Например, в 1954 г. Верховный суд США санкционировал практику государственного регулирования цен на природный газ, предназначенный для продажи внутри страны³, а продолжение Федеральной энергетической комиссией политики поддержания «справедливых и разумных» оптовых цен на электричество позволило за 1950–1970 гг. снизить стоимость киловатта электроэнергии в 1,8 раза [19, р. 188]. В конечном итоге совокупность принятых развитыми странами мер привела к тому, что «теперь все отрасли пытаются снизить цены и компенсировать меньшую маржу большим объемом продаж» [17, р. 31].

³ downsizinggovernment.org/sites/downsizinggovernment.org/files/pdf/energy-timeline.pdf.

Реинкарнация рационального гедониста в позднеиндустриальном обществе

Раскручивание потребительского спроса привело к тому, что за 1945–1975 гг. объем произведенных товаров и услуг в масштабах всей планеты оказался сопоставим с результатом предшествующих полутора столетий, что вкупе с трехкратным увеличением потребительского спроса (с 4 до 12 трлн долл.) полностью укладывалось в русло новой философии хозяйствования [20]. Она восстанавливала бентамовский утилитаризм, считавший «хорошего покупателя, руководствующегося принципом покупай “больше, новее и лучше”, “хорошим гражданином”» [21, р. 15]. На придание экономическому росту потребительского «окраса» работала ползучая инфляция, подпитываемая ростом бюджетного дефицита, как результата наращивания правительственных расходов.

Однако в складывавшейся политико-экономической конфигурации инфляция не рассматривалась как неизбежное зло. Напротив, монетарные власти развитых стран полагали, что умеренное ускорение цен на товары и услуги «гонит людей в магазины» и поэтому является важным инструментом побуждения населения к активизации потребления [22, с. 57–58]. Для укрепления данного тренда страны Запада либерализовали условия выдачи ипотеки. В частности, в 1948 г. правительство Соединенных Штатов раздвинуло предельные сроки погашения жилищных кредитов с 20 до 30 лет, в 1958 г. увеличило отношение величины займа к стоимости залога с 80 до 95% [23, р. 96]. Средняя ставка по ипотечным кредитам на всем протяжении 1950–1960-х гг. не выходила из диапазона 6% годовых⁴. Двукратный рост жилищного строительства стал детонатором мощной волны потребительского кредитования. За 1950–1970 гг. размер потребительского долга в расчете на душу населения подскочил с 153,5 до 647,1 долл. [24, р. 26]. В конечном счете кредитная экспансия в комбинации с маркетинговым инструментарием ослабила зависимость личного потребления от величины располагаемых доходов. Это открывало путь к становлению «обществ изобилия», позволивших, с одной стороны, «десяткам миллионов людей ... вырваться из городских трущоб и деревенской нищеты, обрести собственные дома и жить в невиданном доселе комфорте» [25, р. 3], но, с другой стороны, создававших «равновесную» систему, в которой «производство создает спрос, который оно само создает»⁵.

⁴ stansberryresearch.com/dailywealth/1615/us-mortgage-rates-historically-low.

⁵ russianleader.org/article.asp?aid=141.

Метаморфозы «славного тридцатилетия»: сочетание индивидуализма с холизмом

Поддержание хозяйственной системы, движимой потреблением, в равновесном состоянии требовало формирования широкого слоя рациональных эгоистов, испытывающих, по меткому наблюдению Дж. К. Гэлбрейта, сопоставимые с чувством голода страдания от осознания того, что сосед обладает более новым автомобилем [26, р. 32]. В отличие от неоклассического homo economicus, максимизирующего свою полезность без посредничества государства, сообщество неокейнсианских индивидов целенаправленно формировалось государственной политикой. Правительства развитых стран реализовали комплекс мероприятий, нацеленных на повышение имущественной однородности, обеспечение сравнительно равного доступа индивидов к социально значимым благам, а также укрепление позиций стабилизатора общества массового потребления – среднего класса. Так, в Соединенных Штатах одним из ключевых приемов перехода к относительному социальному равенству стало кардинальное изменение налоговой политики. Максимальная ставка подоходного налога, не превышавшая в 1936 г. 79%, к 1963 г. достигла 91%⁶, верхняя планка федерального налога на прибыль за тот же период возросла с 15 до 52%⁷, а налога на наследство – с 45% до 77%⁸.

Подобный разворот в фискальной политике ознаменовал начало эпохи, вошедшей в экономическую историю США под названием «великого сжатия» [27]. Главной отличительной чертой выступило резкое сужение имущественной пропасти: за 1936–1963 гг. удельный вес национального богатства, находящегося в руках 1% наиболее состоятельных американцев, упал более чем в два раза – с 17,6 до 8,2%⁹, а число миллиардеров за 1925–1968 гг. уменьшилось с 32 до 13 [28]. Одновременно медианные среднегодовые доходы средней семьи в постоянных ценах практически удвоились (1950 г. – 19,9; 1975 г. – 36,8 тыс. долл.)¹⁰, доля среднего класса за 1940–1970 гг. увеличилась с 40 до 65% [29, р. 11]. Материальной демократизации также способствовало расширение программ медицинского страхования, и страхования жизни. Различия в имущественном положении сократились между управленцами и квалифицированными рабочими. Так, в 1952 г. средняя еженедель-

⁶ taxfoundation.org/sites/taxfoundation.org/files/docs/fed_rates_history_nominal_1913_2013_0.pdf.

⁷ taxfoundation.org/article/federal-corporate-income-tax-rates-income-years-1909-2012.

⁸ www.irs.gov/pub/irs-soi/ninetyestate.pdf.

⁹ elsa.berkeley.edu/~saez/tabfig2007.xls.

¹⁰ nces.ed.gov/pubs98/yi/yi16.pdf.

ная заработная плата «синих воротничков» в США впервые оказалась выше доходов «белых воротничков» [30, р. 23]. «Америка стала страной победившего среднего класса, – пишет П. Кругман, – подлинно богатые люди были редки и не оказывают на общество заметного влияния..., а рядовые работники видели, что достигли уровня благосостояния, превосходящего самые смелые мечты их родителей» [31, с. 50, 61].

Развитие четвертого технологического уклада и увеличение спроса на человеческий капитал

«Эпоха массового высокого потребления» [32, р. 73–92] 1950–1960-х гг., представлявшаяся многим современникам вечной, коренным образом отличалась от довоенного этапа развития мирового хозяйства с его устойчивым имущественным неравенством, затруднявшим формирование стабильного спроса как основы устойчивого экономического роста. Снижение угрозы сжатия потребления позволило бизнесу перейти от свойственных эре Великой депрессии решений сиюминутных задач выживания к реализации долгосрочных капиталоемких проектов технологического перевооружения старых и строительства новых производств, формировавших сердцевину четвертого технологического уклада. Например, в Соединенных Штатах двукратное увеличение продаж автомобилей за 1958–1964 гг. (с 5,2 до 9,1 млн штук) «совпало» с практически трехкратным ростом инвестиций в новое строительство и в оборудование автомобилестроительных заводов (с 344 до 940 млн долл.).

Дальнейшее развитие новых технологий упиралось в необходимость облегчения трансграничного перетока факторов производства и развития международной торговли для раскручивания глобального спроса. На скорейшее решение этих вопросов «сработало» формирование Бреттон-Вудской системы, создание МВФ, ГАТТ, Всемирного банка, заполнивших институциональный вакуум межвоенных десятилетий и купировавших распространение депрессивных симптомов по каналам международных расчетов и торговли. Так, скоординированные действия мирового сообщества позволили снизить средневзвешенную ставку импортных пошлин с 25% накануне Второй мировой войны до 12–15% к началу 1970-х гг. [33, р. 20]. Это происходило на фоне обновления отраслевой структуры мирового индустриального сектора.

В таких условиях игнорирование технологического фактора экономического роста в теоретических построениях исследователей новой волны становилось уже невозможным. Более того, именно достижение пика развития четвертого технологического уклада вкупе с обострявшейся конкуренцией с «реальным социализмом» стимулировало страны Запада к форсированию развития человеческого капи-

тала, ускорению перехода от «технофобии» довоенной хозяйственной практики к «технооптимизму». Происходило постепенное замещение представления о человеке как придатке машины на образ человека – преобразователя знаний в продукт производства. Так, в условиях усиливавшегося биполярного противостояния объем ассигнований американского правительства Национальному научному фонду, созданному для развития системы фундаментальных исследований, научного образования и проведения особых исследований в области обороны, за 1950–1955 г. возрос более чем в 3 раза, достигнув 3,3% всех бюджетных расходов страны [34, р. 45]. Общий объем затрат на НИОКР поднялся с 1,4% в 1953 г. до 2,9% ВВП в 1964 г.¹¹ В немалой степени этому «поспособствовал» запуск в СССР первого космического спутника в 1957 г., обнаживший проблему «значительного отставания американской системы научного образования от советской» [34, р. 47] и вынудивший политический истеблишмент Соединенных Штатов начать рассматривать разгорающуюся холодную войну не столько как борьбу за превосходство в области вооружений, сколько как соревнование национальных систем образования.

В целях недопущения превосходства Советского Союза в технологической сфере Соединенные Штаты уже в 1958 г. приняли закон «Об образовании в интересах национальной обороны», нацеливавший государство на всемерное «увеличение производства научных кадров» [35, р. 95]. Предусматривалось выделение в течение четырех лет 1 млрд долл. в форме кредитов и стипендий учащимся, преимущественно по приоритетным для государства техническим и естественно-математическим направлениям науки, а также повышение качества преподавания точных дисциплин и иностранных языков в средних школах. Прямой эффект от данных инициатив государства оценить сложно. Отметим только, что за 1960–1970 гг. число учащихся колледжей в стране возросло с 3,6 до 7,5 млн человек¹², а общие затраты США на образование «взлетели» с 2,7% в 1950 г. до 5,9% ВВП в 1975 г.¹³ Именно в этот период правительства развитых стран одновременно с активизацией роста интеллектуального капитала приступили к всемерной поддержке здравоохранения, как одного из ключевых слагаемых системы развития человеческого потенциала, а также фактора повышения конкурентоспособности стран Запада в геоэкономическом соревновании двух систем.

¹¹ www.nsf.gov/statistics/infbrief/nsf06306.

¹² en.wikipedia.org/wiki/National_Defense_Education_Act#cite_ref-Schwegler_1_1-0.

¹³ www.usgovernmentspending.com/spending_chart_1900_2015USp_XXs1li011tcn_20t_20th_Century_Education_Spending.

* * *

Подведем итоги.

Релятивистским фоном ревизии методолого-гносеологического фундамента кейнсианства стал выход глобальной хозяйственной системы из инновационного тупика, обусловивший переход мировой экономики от четвертого технологического уклада в фазу устойчивого роста. Неприкрытые симпатии некейнсианцев к концепции «большого правительства», опирающейся на предпосылку о неспособности бесперебойной работы рыночного механизма без правительственной опеки, предопределялись необходимостью утверждения роли государства в качестве «системного интегратора» процессов структурной реконфигурации технико-экономического ландшафта промышленно развитых государств.

Возрождение «похороненной» Дж.М. Кейнсом концепции *homo economicus* объяснялось ситуативными причинами, в частности, становлением в странах ОЭСР инвестиционного типа экономического роста, нуждавшегося для своей реализации в постоянном нагнетании потребительского спроса. Ориентация на интенсивное расширение производственных мощностей требовала всемерной активизации конъюмеристской гонки, а также принятия комплекса мер по эгалитаризации потребления. Это укрепляло позиции среднего класса, постепенно превращавшегося в основной локомотив развития «спросозависимых» (*demand-dependent*) экономик.

Утверждение нетипичной для «старого» кейнсианства задачи первоочередного роста расходов на наращивание человеческого капитала в качестве главного приоритета объяснялось повышением требований, предъявляемых отраслями четвертой технологической парадигмы к компетенции рабочей силы, а также нараставшим накалом биполярного противостояния. Это предопределило провозглашение научно-технического прогресса двигателем общественного прогресса. Превращение индивида из своеобразного вида «сырья, подлежащего целенаправленной обработке» [36, с.138], в сотворца нового экономического порядка и непрекращающейся генерации наукоемких продуктов ускорило поиск и закрепление социальных компромиссов со всеми слоями общества и привело к созданию «государства всеобщего благосостояния».

Литература

1. *Coddington A. Hicks's Contribution to Keynesian Economics / Wood J.S. (Eds.). John Maynard Keynes: A Critical Assessment. Kent: Croom Helm, 1983. Vol. 5.*
2. *Turner M.S. Joan Robinson and the Americans. N.Y.: M.E. Sharpe, 1989.*
3. *Abramovitz M. Catching up, Forging Ahead, and Falling Behind // Journal of Economic History. 1986. Vol. 46.*

4. *Silverberg G., Verspagen B.* Breaking the Waves: A Poisson Regression Approach to Schumpeterian Clustering of Basic Innovations // Cambridge Journal of Economics. 2003. №. 27.
5. *Bornscheier V.* Western Society in Transition. New Brunswick: Transaction Publishers, 1996. P. 109.
6. *Galbraith J.K.* The New Industrial State. Princeton: Princeton University Press, 2007.
7. *Stabile D.R., Kozak A.F.* Markets, Planning and the Moral Economy. Business Cycles in the Progressive Era and New Deal. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2012.
8. *Ying S-H.* Economic Growth and Transition: Econometric Analysis of Lim's S-Curve Hypothesis. Singapore: World Scientific Publishing, 2010.
9. *Bivens J.* Public Investment: The "Next Thing" for Powering Economic Growth. URL: http://www.epi.org/publication/bp338-public-investments/#_note4.
10. *Friedberg A.L.* In the Shadow of the Garrison State: America's Anti-Statism and Its Cold War Grand Strategy. Princeton: Princeton University Press, 2000.
11. *Prechel H.* Big Business and the State: Historical Transitions and Corporate Transformations, 1880s- 1990s. Albany: State University of New York Press, 2000.
12. *Nathanson C.E.* The Militarization of the American Economy / Horowitz D. (Eds.). Corporations and the Cold War. N.Y.: Monthly Review Press, 1969.
13. *Alic J.A. et al.* Beyond Spinoff: Military and Commercial Technologies in a Changing World. Boston: Harvard Business School Press, 1992.
14. *Greenhut M.L., Greenhut J.G.* Our Teleological Economic World: Correlative Underpinnings of the Economic & Physical Sciences. University Press of America. Lanham: University Press of America, 2002.
15. *Galbraith J.K.* American Capitalism: The Concept of Countervailing Power. New Brunswick (NJ.): Transaction Publishers, 1993.
16. *Abowd J.M., Kramarz F., Lemieux T., Margolis D.N.* Minimum Wages and Youth Employment in France and the United States. *Blanchflower D.G., Freeman R.B.* (Eds.). Youth Employment and Joblessness in Advanced Countries. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
17. *Logemann J.L.* Trams or Tailfins? Public and Private Prosperity in Post-war West Germany and the United States. Chicago: University of Chicago Press, 2012.
18. *Trebilcock M., Winter R.A., Collins P., Laccobuchi E.M.* The Law and Economics of Canadian Competition Policy. Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 2002.
19. *Gilbert R.J., Kahn E.P.* Competition and Institutional Change in U.S. Electric Power Generation / *Gilbert R.J., Kahn E.P.* (Eds.). International

- Comparisons of Electricity Regulation. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
20. Фурсов А. Смерть среднего класса. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/konservatizm/181112223752.xhtml> .
 21. Halliwell M. American Culture in the 1950s. Edinburg: Edinburg University Press, 2007.
 22. Худокормов А.Г. Экономическая теория: новейшие течения Запада. М.: «Инфра-М», 2010.
 23. Green R.K., Watcher S.M. The American Mortgage in Historical and International Context // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 4.
 24. Merk A. Sustainable Wealth: Achieve Financial Security in a Volatile World of Debt and Consumption. Hoboken: John Wiley & Sons, 2010.
 25. Krugman P. The Conscience of a Liberal. N.Y.: W.W. Norton, 2007.
 26. Galbraith J.K. The Essential Galbraith. N.Y.: Houghton Mifflin Company, 2001.
 27. Goldin C., Margo R.A. The Great Compression: The Wage Structure in the United States at Mid-Century // NBER Working Paper, №. 3817. 1991.
 28. DeLong J.B. Robber Barons. www.uni-muenster.de/PeaCon/eliten/Robber%20Barons.htm.
 29. Hynes H.P., Lopez R. Urban Health: Readings in the Social, Built, and Physical Environments of U.S. Cities. L.: Jones and Bartlett Publishers International, 2009.
 30. Van de Vall M. Labour Organizations: A Macro- and Micro-Sociological Analyses on a Comparative Basis. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
 31. Кругман П. Кредо либерала. М.: Издательство «Европа», 2009.
 32. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
 33. Bourguignon F., Coyle D., Fernandez R., et al . Making Sense of Globalization: A Guide to Economic Issues // CEPR Policy Paper, 2002. №8.
 34. O'Mara M.P. Cold War Science and the Search for the Next Silicon Valley. Princeton: Princeton University Press, 2005.
 35. Spring J.H. Pedagogies of Globalization: The Rise of Educational Security State. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
 36. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991.

Д.Н. ШУЛЬЦ

кандидат экономических наук, Пермский государственный национальный
исследовательский университет

МИКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ФУНДИРОВАНИЕ МАКРОЭКОНОМИКИ И ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ БОРА

В статье рассматривается взаимосвязь микро- и макроэкономических теорий XX в. по аналогии с синтезом теоретических положений классической и квантовой механики в физике на основе принципа дополнительности Н. Бора. Автор анализирует возможности и ограничения применения принципа дополнительности в экономической теории.

Ключевые слова: микроэкономическое фундирование, неоклассический синтез, принцип дополнительности.

Классификация JEL: A12, B22

Переход от политэкономии к экономической теории в конце XIX – начале XX вв. сопровождался разделением единого предмета исследования на микро- и макроэкономiku. Появление «Общей теории...» Дж. Кейнса ознаменовало возникновение макроэкономической науки [1]. Методологически новая школа опиралась на эмпирический материал, рисовавший картину рыночной экономики как неустойчивую систему с постоянными кризисами перепроизводства, хронической безработицей и неспособностью рынков к саморегулированию. Дж.М. Кейнс первым показал несводимость вышестоящих уровней иерархии к базовым элементам. Так, в условиях экономического спада предприниматели ведут себя по-своему рационально и сокращают работников, однако тем самым они снижают занятость в экономике, совокупный спрос и потребительские расходы. Экономическая депрессия усиливается, и рыночная экономика оказывается в целом неустойчивой, даже если отдельные рынки находятся в устойчивом равновесии.

Важным достоинством кейнсианства была связь макротeorии с микроэкономическими предпосылками. Общая теория была не только макроэкономической, она базировалась на адекватном микроосновании. Микроэкономическим базисом теории Кейнса явилась

концепция ожиданий как «основной психологический закон» и модель поведения инвестора. Общая теория, по словам П. Самуэльсона, была недостаточно системна [2, с. 44–45]. Последователи Кейнса и его популяризаторы (Дж. Хикс, П. Самуэльсон, Э. Хансен, Ф. Модильяни) разработали строгую научную систему, активно применяя достижения физической теории [3; 4; 5; 6]. В результате неоклассического синтеза кейнсианская микроэкономика была преобразована в методически ясную, четко формализованную неоклассическую микроэкономiku.

Однако достаточно быстро обнаружились недостатки такой компиляции. Р. Клауэр [7] и А. Лейонхуфвуд [8] обозначили движение к возврату чистой кейнсианской теории. Были определены теоретические противоречия неоклассического синтеза и изначальных идей Кейнса [2, с. 45–46; 9, с. 509–510]:

- в IS-LM модели предполагаются постоянные цены, что исключает из рассмотрения инфляционную проблематику¹;
- неоклассический синтез является всецело статичным и детерминированным в отличие от исходной Общей теории, важную роль в которой играли неопределенность, ожидания и динамика;
- некейнсианцы сконцентрировались на фискальной политике, полностью игнорируя монетарную.

В области методологии было отмечено, что IS-LM модель является сугубо макроэкономической, не имеющей своего собственного микрофундамента. Кейнсианская макроэкономическая часть синтеза предполагала, что рынки монополизированы, цены и заработные платы негибки, агентам доступна лишь ограниченная информация, а сами они подвержены денежной иллюзии. В итоге экономика оказывается неустойчивой, неэффективной и требует государственного регулирования. В свою очередь неоклассическая микроэкономическая часть исходит из совершенно конкурентных рынков, полноты информации и совершенного предвидения агентов. В таких условиях и без государственного вмешательства рынок достигает устойчивого равновесия и эффективного распределения ресурсов.

Таким образом, неоклассический синтез «оказывается логически противоречивой системой, состоящей из двух несовместимых концепций, которые дают очень несхожие представления об одной и той же экономике» [2, с. 57]. Р. Лукас и Т. Сарджент назвали экономическую теорию «шизофренической» дисциплиной, две основные ветви которой имели столь радикально различающиеся взгляды на мир [11, р. 295–296; 12, с. 485]. Как отмечает А.А. Пороховский, микро- и макро-

¹ Дж. Итуэлл даже называет эту черту отличительным признаком кейнсианства [10, с. 454].

подходы должны изучать экономику как «целостный объект», должны быть просто взглядами с разных сторон на единый предмет [13, с. 21].

Ф. Хайек [14; 15; 16] возглавил критику неоклассического синтеза с либеральных позиций [2, с. 61-64; 17; 18]. Методологическая критика макроэкономического подхода (не только кейнсианского) основывалась на номиналистическом базисе философии позитивизма (Ф. Хайек был другом К. Поппера). Объектом изучения могут быть только конечные субъекты. Именно они являются центрами целеполагания и принятия всех хозяйственных решений. Иными словами, Хайек предложил разрешить противоречия между классической микро- и кейнсианской макроэкономикой за счет признания последней ненаучной.

Однако основной мейнстрим пошел по иному пути. Неокейнсианский синтез попытался разработать новую институциональную микроэкономику, которая бы объясняла такие макроэкономические явления, как инфляция, устойчивая безработица, экономический цикл, а также оправдывала бы государственное регулирование экономики. Новые классики попытались на основе теории рациональных ожиданий разработать «новый неоклассический синтез», совместимый с новой классической макроэкономикой и моделями реального бизнес-цикла [19, р. 255–257; 20, с. 16–18].

В конце XX в. граница между школами начала стираться². Неокейнсианцы активно используют аппарат рациональных ожиданий, последователи классического направления уже не отрицают необходимость государственного регулирования и повсеместно включают в свои модели институциональные провалы рынков. Накопленная эмпирическая база делает невозможным слепое следование старым догмам и требует адекватной теории. Кроме того, развиваются новые подходы, свободные от бремени традиций.

Существует, однако, проблема, не решенная до сих пор. Речь идет о проблеме мостов между микро- и макроэкономической теориями. Ситуация в экономической теории в XX в. очень напоминает ситуацию в физической науке на рубеже XIX–XX вв. Правда, физическая теория пошла по иному пути. Открытие в конце XIX в. субатомного мира привело к возникновению квантовой механики. Оказалось, что классическая (детерминированная) механика не подходит для описания квантового (случайного) микромира. Для каждого из них существовала своя теория и свой язык.

² По оценкам П.Самуэльсона, «90% американских экономистов уже не делятся на «кейнсианцев» и «антикейнсианцев». Вместо этого они стремятся соединить все ценное из старой экономической теории и новых теорий определения доходов» [21, с. 619]. Однако данная оценка была дана в 50-х гг. XX в.; ее автор, видимо, хотел показать повсеместное принятие неоклассического синтеза.

Говоря о противоречиях классической и квантовой механики, необходимо упомянуть об исследованиях М. Планком взаимосвязи теплоты и излучения. Гипотеза об атоме-осциляторе, излучающем дискретные кванты энергии, стала основополагающей для будущей квантовой теории. Однако она абсолютно не соответствовала классической теоретической физике и волновой теории света. Опираясь на гипотезу Планка, А. Эйнштейн предположил, что свет состоит из квантов энергии, пропорциональных его частоте. Позднее Н. Бор применил квантовую гипотезу Планка к модели атома Резерфорда. Согласно Бору, атом может изменять свою энергию только прерывно, квантами.

В физике утвердилось представление, что свет должен рассматриваться как волна и как частица. Луи де Бройль предположил, что электрон также обладает волновыми свойствами. Принцип дуализма, таким образом, был распространен на элементарные частицы материи. Одновременно группа физиков (В. Гейзенберг, М. Борн, П. Иордан) пыталась обосновать дискретность электрона исходя из его корпускулярных свойств.

Таким образом, в физической теории соперничали две школы: континуально-волновая и корпускулярная. Если в классической механике, описывающей объекты макромира, пребывание частицы в пространстве и времени есть исходное, неслучайное событие, то при описании объектов микромира речь идет только о вероятностях. То есть на субатомном уровне оказываются бессмысленными ключевые понятия классической механики (координаты, время, импульс). В классической механике исследуемая система и наблюдатель не связаны и результаты исследования не должны зависеть от наблюдателя, а при исследовании субатомного мира наблюдение играет решающую роль. Не только результаты исследований зависят от субъективного фактора, но и «реальность различается в зависимости от того, наблюдаем мы ее или нет» [22, с. 24].

Здесь нужно обратить внимание на то, что в последнее время метод лабораторных экспериментов и фокус-групп активно применяется в экономике. Объективность и результаты таких экспериментов в значительной мере зависят от их организации, от формулировки вопросов. В связи с этим кажется важным замечание французских ученых-экономистов о том, что «любое экономическое действие влияет одновременно на индивида и на общество» [23, с. 72].

Так возможно ли применение старых методологических принципов в условиях новой теоретической парадигмы? Изначально даже Н. Бор рассматривал параллельное сосуществование в физике классической и квантовой теорий как временную необходимость и компромисс. С одной стороны, классическая механика представляется ограниченной теорией, неадекватной применительно к исследованию суба-

томного мира. С другой стороны, обойтись без традиционной механики решительно невозможно. Во-первых, язык классической механики необходим для объяснения результатов теоретической физики простым людям. «Как только физик попытался бы отказаться от этой базы, он потерял бы возможность однозначно объясняться и не смог бы развивать свою науку далее» [22, с. 88].

Во-вторых, понятия классической физики являются достаточно развитыми, взаимосвязанными. На них покоится весь базис современного естествознания, и без него невозможна коммуникация ученых. По словам Н. Бора, даже «интерпретация эмпирического материала в существенном покоится именно на применении классических понятий» [24, с. 10]. В этом смысле становятся понятными слова Т. Бастина, что «квантовая механика содержит классическую механику как свой предельный случай и в то же время нуждается в этом предельном случае для самого своего обоснования» [24, с. 42].

Физики не прекращали попытки создать единую и непротиворечивую теорию. Различные попытки разработки единой физической теории не дали удовлетворительных решений. При этом из практических соображений пришлось сохранить классический язык для описания даже субатомного мира. Действительно, две картины мира не могут использоваться одновременно без впадения в противоречие. Постепенно пришло осознание, что противоречивые способы представления физических систем не исключают друг друга, но дополняют [25, с. 293–294]. Классическая механика оказывается непригодной для описания микроуровня, но адекватна макроуровню.

Этот вывод был принят не сразу, но в итоге он был сформулирован Нильсом Бором в так называемом принципе дополнительности. В интерпретации В. Гейзенберга принцип звучит так: «обе картины, естественно, исключают друг друга, так как определенный предмет не может в одно и то же время быть и частицей (то есть субстанцией, ограниченной в малом объеме) и волной (то есть полем, распространяющимся в большом объеме). Но обе картины дополняют друг друга. Если использовать обе картины, переходя от одной к другой и обратно, то в конце концов получится правильное представление о примечательном виде реальности, который скрывается за нашими экспериментами с атомами» [22, с. 22]. При этом необходимо учитывать, что две модели и два языка используются не одновременно, но попеременно. Между классической и квантовой теориями в физике установилось некое разделение труда.

Возникают вопросы: Допустимо ли подобное разделение труда между неоклассической и кейнсианской теориями в экономической науке? Возможно ли взаимодополнение равновесной микроэкономики и неравновесной макроэкономики? В поиске ответа на эти

вопросы хотелось бы высказать некоторые соображения. Прежде всего полезно обратиться к замечаниям Й. Барбура относительно границ применения принципа дополнительности [26, с. 207]. По его мнению, принцип дополнительности может быть использован только тогда, когда две концепции прилагаются к одному объекту. Остановимся на этом подробнее.

Неоклассический синтез был подвергнут резкой критике за противоречия в описании микро- и макроэкономических уровней. Но как мы только что показали, физическая наука вполне смогла примирить две свои противоречивые теории на основе принципа дополнительности.

Можно ли вообще считать противоречием то, что объекты микромира имеют свойства, отличные от объектов макромира? Вышеприведенный пример теории Кейнса показывает, что эффективность на микроуровне не означает эффективности на макроуровне. Автор *Общей теории* не видел в этом никакого противоречия. Наконец – и это уже стало общепринятым утверждением системного анализа – свойства системы в целом не сводятся к свойствам элементов и не совпадают с ними. Теория макросистем построена на том, что элементы могут вести себя хаотично и не поддаваться изучению, хотя система в целом вполне детерминирована и устойчива [27, с. 8–9].

Если вспомнить, что П. Самуэльсон был физиком, то, может быть, это позволит объяснить, почему в рамках неоклассического синтеза допускались различные свойства объектов микро- и макроуровней. В то время как экономисты бросились устранять «противоречия», физик, может быть, считал сложившуюся ситуацию вполне допустимой и научной.

Другое замечание Й. Барбура исходит из того, что принцип дополнительности не оправдывает «некритическое принятие любых дихотомий» [26, с. 207]. Это представляется очень важной оговоркой, не позволяющей скатиться к релятивизму или признать допустимой любую псевдонаучную гипотезу.

Напомним, что физика выработала принцип дополнительности как реакцию на появление двух теоретических концепций, каждая из которых служила объяснению собственного эмпирического материала (то, что А. Эйнштейн назвал «внешним оправданием» теории [28, с. 15]). Современные экономисты ставят под сомнение адекватность неоклассических постулатов. Но если эти постулаты изначально не соответствуют реальному поведению экономических субъектов, то нет смысла примирять концепции между собой. Тогда получается, что экономическая наука во второй половине XX в. пошла по правильному пути, отбросив неоклассические принципы и разрабатывая новый микрофундамент для некейнсианской макроэкономики.

Наконец, еще одно замечание Й. Барбура требует, чтобы использование принципа дополнительности было только аналогичным, а не дедуктивным. Это тоже важное ограничение на пути необоснованного применения принципа дополнительности. Очевидно, невозможно утверждать, что боровский принцип адекватен экономике, только на том основании, что его приняли физики. Можно привести несколько удачных примеров использования принципа дополнительности в других сферах знания. В философии, пожалуй, первым им воспользовался Ж. Маритен [29, с.137]. Он считал, что дополнительность является наиболее фундаментальным принципом существования целого. Для Маритена принцип двойственности означал возможность сосуществования (религиозной) философии и науки, детерминизма и свободы воли. В биологии применение принципа дополнительности позволило избавиться от механицизма и физикализма (сведение всего живого к химическим и к физическим процессам). Принцип дополнительности допускает, «с одной стороны, полностью использовать методы и результаты физики и химии и, с другой стороны, все же постоянно употреблять понятия ... которые не содержатся в физике и химии, как, например, понятие самой жизни» [22, с. 94].

Принцип дополнительности допускает совместное использование в науке не только принципа причинности, но и телеологический подход (что особенно важно для изучения социальных систем), а также позволяет использовать для каждого уровня реальности свой собственный адекватный научный язык, не требуя разработки какой-либо «общей теории всего».

Таким образом, справедливым представляется утверждение Б.Г. Кузнецова, что «принцип дополнительности определяет современный идеал науки» [28, с. 71]. Он стал базовой концепцией не только в теоретической физике, но нашел применение в психологии, биологии, экономике, этике и даже в теологии [28, с. 77–87; 30; 31]. Под влиянием всех этих успехов, естественно, сложилось убеждение, что «идея дополнительности... очевидно применима в любой области мышления» [24, с. 54].

На наш взгляд, принцип дополнительности Н. Бора может быть весьма плодотворным при попытках синтеза микро- и макроэкономической теорий. Представленные выше размышления не дают окончательных выводов, рекомендаций и решений. Мы стремились только обозначить некоторые направления развития современной экономической теории и провести полезные аналогии с теоретической физикой.

Литература

1. Кейнс Дж. Общая теория процента, занятости и денег // Классика экономической мысли: Соч. М.: Изда-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 480–786.
2. История экономических учений: (современный этап) / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 1998.
3. Хикс Дж. Господин Кейнс и классики: попытки интерпретации // Истоки. Вып. 3 / Под ред. Я.И. Кузьминова. М.: Высшая школа экономики, 1998. С. 293–307.
4. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика: в 2-х т. М.: Вильямс, 2008. Классики кейнсианства: в 2-х т. М.: ОАО Издательство «Экономика», 1997.
5. Modigliani F. Liquidity preference and the theory of interest and money // *Econometrica*, 1944. Vol. 12. P. 45–88.
6. Клауэр Р. Кейнсианская контрреволюция: теоретическая оценка // Истоки. Вып. 3 / Под ред. Я.И. Кузьминова. М.: Высшая школа экономики, 1998. С. 308–333.
7. Leijonhufvud A. On Keynesian Economics and Economics of Keynes. N.Y., 1968.
8. История экономических учений / Под ред. В. Автономова. М.: ИНФРА-М, 2002.
9. Итуэлл Д. Кейнсианство // Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла. М.: Инфра-М, 2004. С. 454–457.
10. Rational Expectations and Econometric Practice / Ed. by Lucas R., Sargent T. – The University of Minnesota Press, 1984.
11. Хауитт П. Макроэкономика: отношение с микроэкономикой // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла. М.: Инфра-М, 2004. С. 485–492.
12. Пороховский А.А. Вектор экономического развития. М.: ТЕИС, 2002.
13. Хайек Ф. Индивидуализм и свободный порядок. М.: Изограф, 2001.
14. Хайек Ф. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003.
15. Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. СПб.: Пневма, 2003.
16. Бочко В.С. Рассеянное знание и проблема его координации // Труды IV Всероссийского симпозиума по экономической теории. Т. 2. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. С. 86–88.
17. Капелушников Р. Философия рынка Фридриха фон Хайека // МЭиМО. 1989. № 12. С. 103–148.
18. Goodfriend M., King R. The New Neoclassical Synthesis and the Role of Monetary Policy // *NBER Macroeconomics Annual*. 1997. P. 231–282.
19. Столбов М. Современная макроэкономика: основные вызовы и возможные векторы изменений // Вестник Института экономики РАН. 2012. № 3. С. 15–28.

20. Бланишар О.Ж. Неоклассический синтез // Экономическая теория. / Под ред. Дж. Итуэлла. М.: Инфра-М, 2004. С. 619–626.
21. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989.
22. Посель И. Инновации в экономической науке: французский вклад за последние 70 лет // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 66–79.
23. Алексеев И.С. Принцип дополнительности // Методологические принципы физики. История и современность. М.: Наука, 1975.
24. Трефил Дж. 200 законов мироздания. М.: Гелеос, 2007.
25. Барбур Й. Религия и наука: история и современность. М.: ББИ, 2000.
26. Попков Ю.С. Теория макросистем (равновесные модели). М.: Едиториал УРСС, 1999.
27. Кузнецов Б.Г. Принцип дополнительности. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
28. Кирьянов Д.В. Томистская философия XX века. СПб.: Алетейя, 2009.
29. Кузнецов Б.Г. Неопределенность и дополнительность в квантовой физике и экономической науке. www.situation.ru/app/j_art_606.htm (дата обращения: 12.02.2014).
30. Филин В.А. Квантовая теория общественного развития. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

ЛАУРЕАТ КОНКУРСА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.В. УЖГИНЦЕВ

соискатель Всероссийской академии внешней торговли
Минэкономразвития РФ

ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ПУТЕЙ ДЕОФШОРИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье поднимается проблема пагубного распространения офшорных практик в России. С учетом особенностей использования офшоров в российском бизнесе анализируются осуществленные и планируемые российским правительством меры по деофшоризации отечественной экономики и, в частности, проект федерального закона «О статусе национального бизнеса в Российской Федерации». Делается вывод, что в опубликованной редакции проект данного закона скорее уточняет стратегические векторы развития, нежели служит реальным инструментом деофшоризации, и оставляет некоторые «лазейки» для использования офшоров.

Ключевые слова: офшоры, офшоризация российского бизнеса, деофшоризация, статус национального бизнеса.

Классификация JEL: O230, E520, E620.

О вреде масштабного распространения офшорных практик, связанных со всевозможными легальными и нелегальными путями ухода от налогов, говорят во всем мире. Исследовательская организация Tax Justice Network по состоянию на 2012 г. оценивает сокрытые в офшорах средства в объеме от 21 до 32 трлн долл. – это весьма консервативная оценка на основе косвенных сведений о финансовых средствах, без учета натуральных объектов (недвижимость, машины, яхты и проч.)¹. Существуют лишь единичные оценки объектов недвижимости, выполненные в формате журналистских расследований. Например, Sunday Times задалась вопросом: кто является владельцами квартир самого дорогого комплекса в Hyde Park. На ноябрь 2011 г. из 56 апартаментов общей стоимостью более 2 млрд долл. только 4 принадлежали реальным частным лицам. Данные же о владельцах остальных 52 апартаментов были сокрыты через трасты и прочие офшорные структуры

¹ taxjustice.net/cms/upload/pdf/Price_of_Offshore_Revisited_120722.pdf.

(25 – Британские Виргинские острова, 6 – о. Мэн, 4 – Джэрсси, 4 – Каймановы острова, 2 – княжество Лихтенштейн и т.д.)².

Выработка мер противодействия офшоризации стала одной из важных тем саммитов G20. Для Российской Федерации тема деофшоризации экономики также очень актуальна. Президент РФ В. Путин в своем послании Федеральному собранию в конце 2012 г. отметил: «...9 из 10 существенных сделок, заключенных крупными российскими компаниями, включая компании с госучастием, не регулируются отечественными законами... Нам нужна целая система мер по деофшоризации нашей экономики»³.

В то же время нельзя не отметить, что специфика офшорных структур российского происхождения заключается в том, что они создаются не только и не столько для оптимизации налоговых платежей, сколько для обеспечения правовой защищенности и стабильности основного бизнеса. Использование диспозитивных норм из англосаксонской системы права позволяет более гибко определять условия сделок и эффективнее управлять корпоративными структурами. А сокрытие реальных владельцев – это не только уклонение от налогов, но и инструмент защиты бизнеса от возможных рейдерских захватов.

По нашему мнению, на сегодня без использования офшорного инструментария российский бизнес не способен сохранять положительный приток чистой прибыли, а значит, быть конкурентоспособным. Причина этому – сосредоточение финансовых ресурсов в добывающих отраслях промышленности, где компании могут конкурировать между собой только ценой и объемом добываемой продукции, а не потребительскими качествами товара. Поэтому отечественные компании вынуждены оптимизировать свои транзакционные издержки, используя офшорные схемы. А поскольку таким образом действует отечественный крупный бизнес, то средние и мелкие фирмы подстраиваются под задаваемые им «правила игры».

К счастью, задача по деофшоризации российской экономики поставлена на самом высоком уровне. Предпринимаются и реальные шаги. Так, в частности:

- госкомпаниям дано поручение Правительства от 28 декабря 2011 г. № ВП-П13-9308 запросить информацию о владельцах и бенефициарах компаний-поставщиков;
- изменено определение бенефициарного владельца в федеральном законе №115 -ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

² thesundaytimes.co.uk/sto/Magazine/Features/article819257.ece.

³ kremlin.ru/transcripts/17118.

- внесено изменение в Налоговый кодекс РФ об установлении ставки налога в размере 30% на дивиденды по акциям российских компаний, если держатель акций – иностранное лицо – не предоставляет налоговому агенту информацию о своих бенефициарах.

Совсем недавно на рассмотрение в Госдуму внесен проект федерального закона «О статусе национального бизнеса в Российской Федерации»⁴. На необходимость разработки закона «О национальной компании» указывают российские экономисты – исследователи офшорной практики. Например, Б.А. Хейфец рассматривает принятие такого закона как одну из мер по деофшоризации российской экономики [1].

Рассмотрим содержание этого законопроекта подробнее. Пожалуй, это первая попытка законодательных органов направленная на «мягкую» деофшоризацию российской экономики.

Согласно законопроекту, необходимо создать единый государственный реестр национального бизнеса. Для вхождения в этот реестр и получения специального правового режима юридическое лицо должно быть зарегистрировано в соответствии с законодательством РФ, а также должно осуществлять коммерческую деятельность на территории РФ. Включение в реестр не допускается, если доля иностранных физических или юридических лиц превышает десять процентов уставного (складочного) капитала или в отношении которых установлен иной вид контроля со стороны иностранных физических или юридических лиц.

Мерами государственной поддержки субъектов, обладающих статусом национального бизнеса в Российской Федерации, являются:

- применение специального льготного налогового режима;
- установление ограничений по размеру процентных ставок при кредитовании;
- предоставление субсидий за счет средств федерального бюджета на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в кредитных организациях, а также части затрат по лизинговым платежам;
- предоставление государственных и муниципальных гарантий;
- предоставление преимущественного права при проведении приватизации и заключении договоров аренды государственного и муниципального имущества;
- предоставление преимущественного права при выделении земельных участков;
- установление ограничений по размеру тарифов на предоставление услуг субъектами естественных монополий;

⁴ [asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/A1012354CB72441B43257C120031B973/\\$FILE/371173-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/A1012354CB72441B43257C120031B973/$FILE/371173-6.PDF?OpenElement).

- формирование условий для применения федеральными органами исполнительной власти, органами власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления упрощенных разрешительных и регистрационных процедур;
- иные меры поддержки, предусмотренные федеральным законодательством для субъектов, обладающих статусом национального бизнеса в Российской Федерации.

Сведения, содержащиеся в едином государственном реестре национального бизнеса, являются открытыми и общедоступными.

Закон также предполагает возможность создания объединения в форме ассоциаций (союзов) и некоммерческих партнерств, которые могут создаваться по территориальному, отраслевому, межотраслевому или иным признакам.

Повышение престижности российской юрисдикции служит, безусловно, важным аспектом на пути деофшоризации экономики. Однако оказание поддержки только национальному бизнесу, даже если не рассматривать чисто юридический аспект дискриминации компаний с иностранным участием, создает определенную угрозу для привлечения иностранных инвестиций, без которых на сегодняшний день затруднительно развитие высоких технологий. Кроме того, при существующем высоком уровне коррупции оказание господдержки может превратиться в помощь для «своих», а еще хуже – для неэффективных остальных предприятий.

На наш взгляд, подходы к стимулированию национального бизнеса должны различаться для добывающих, классических обрабатывающих и инновационных отраслей. При этом поддержка должна оказываться компаниям-производителям, но не посредникам-перекупщикам. Причина простая – разные нормы прибыли, уровень импортных поставок (внешней конкуренции), уровень развития технологий, степень влияния на национальное богатство и национальную безопасность. Поэтому, думается, важно не просто определить возможность формирования объединений национального бизнеса, но более того, сформировать их по отраслевому принципу и определить их как важные звенья во взаимодействии между национальным бизнесом и государством.

В рассматриваемом законопроекте можно увидеть и некоторые «лазейки» для увода капитала национального бизнеса в офшоры. Если говорить о российской компании, в уставном капитале которой не участвуют иностранные лица, то известно как минимум четыре механизма для вывода капитала с использованием посреднических офшорных структур⁵:

1. Выплата процентов по привлеченным кредитам;

⁵ delovoyimir.biz/ru/columns/3501.

2. Выплата роялти (лицензионные платежи) за использование прав на объекты интеллектуальной собственности;

3. Оплата управленческих и иных услуг;

4. Продажа (ликвидация) операционной компании.

Эти механизмы законопроект не учитывает.

В этой связи представляются целесообразными следующие ограничения для компаний, имеющих специальный правовой режим национального бизнеса:

- внести изменения в правила контролируемой задолженности компаний, имеющих статус национального бизнеса, а именно:
- сократить коэффициент превышения задолженности перед иностранным лицом над собственным капиталом;
- заимодавцем для определения контролируемой задолженности национального бизнеса будет являться иностранная компания, владеющая любой долей такого национального бизнеса;
- установить максимальные по размеру роялти по таким видам объектов интеллектуальной собственности, как товарные знаки и географические указания;
- установить запрет на управленческие и консалтинговые услуги, предоставляемые иностранными лицами⁶.

Помимо уже реализованных и запланированных на ближайшее время мер требуется обратить пристальное внимание на несовершенство российского корпоративного законодательства, в частности, закона об акционерных обществах и закона о банкротстве.

В возможность внедрения на практике жестких административных мер для борьбы с офшоризацией российских транснациональных компаний верится с трудом. Поэтому предлагается сфокусировать усилия на комплексе мероприятий, стимулирующих сбалансированное развитие отечественного производства наукоемкой продукции. Немаловажным становится создание инструментов накопления и сохранения капитала в стране. Их детальное рассмотрение, а также выработка методик реализации может быть интересной и практически значимой целью новых исследований.

Литература

Хейфец Б.А. Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы. М.: Институт экономики РАН, 2013.

⁶ Эта мера не должна привести к большим потерям для консалтинговых компаний так называемой «большой четверки», осуществляющей свою деятельность в России, – в качестве их клиентов остаются дочерние фирмы зарубежных производителей, представительства, импортеры. С другой стороны, эта мера позволит стимулировать развитие отечественных экспертов, а самое главное – устранил еще одну «лазейку» для «легального» увода капитала в офшорные структуры.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.В. ЗЕЛЕНОВСКАЯ
кандидат экономических наук,
ученый секретарь Института экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН В 2013 ГОДУ

В 2013 г. Институт экономики проводил исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. по пяти научным направлениям: «Теоретическая экономика», «Экономическая политика», «Институты современной экономики и инновационное развитие», «Международные экономические и политические исследования», «Международная макроэкономика».

Научные исследования велись по 15 темам в рамках базового бюджетного финансирования, в том числе по 10 приоритетным темам:

- **Нестабильность мировой экономики и ее влияние на Россию.**
- *Возможности и риски взаимодействия России со странами «пояса соседства».*
- *Результаты и перспективы реализации евразийского интеграционного проекта.*
- *Концепция перехода к новой модели экономического роста.*
- *Формирование новой модели социальной политики.*
- *Критика базовых предпосылок экономического анализа и обоснование новых теорий.*
- *Теория и практика экономических реформ: уроки истории.*
- *Институциональная среда инновационного развития.*
- *Институциональный анализ дисфункций государственного управления экономикой.*
- *Внешекономические факторы модернизации российской экономики.*

Институт экономики принимал участие в фундаментальных программах Президиума РАН («Аналитическое и информационное обеспечение деятельности РАН», «Прогноз потенциала инновационной индустрии

ализации России», «Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте», «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал») и Отделения общественных наук РАН («Модернизация и экономическая безопасность Российской Федерации»), а также проводил исследования по грантам РГНФ и РФФИ.

Основные результаты научной деятельности

81. Исследование динамики соотношения глобального и национального в социально-экономическом развитии и оптимизация участия России в процессах региональной и глобальной интеграции

В коллективной монографии «Интеграционные процессы и проекты России в «поясе соседства» (Под ред. М.Ю. Головнина // М.: ИЭ РАН, 2013) анализируются экономические связи России со странами, входящими в «пояс соседства» сопоставляются уровни формального и неформального взаимодействия. В работе представлены рекомендации по выработке системы интеграционных приоритетов России в ее «поясе соседства», а также предложения по реализации конкретных проектов с отдельными странами или группами стран из этого «пояса». В качестве перспективного направления евразийской континентальной интеграции выделяется развитие системы континентальных транспортных коридоров.

В коллективной монографии «Результаты трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы: общественно-политический и экономический аспекты» (Под ред. Н.В. Куликовой // М.: ИЭ РАН, 2013) анализируется эффективность модели перехода к новому общественно-экономическому устройству путем заимствования институтов рынка и демократии, существующих в развитых странах. Дан прогноз социально-экономического развития стран ЦВЕ, а также оценка возможностей расширения экономических отношений России со странами региона.

Результаты анализа новейших процессов в экономике Центральной и Восточной Европы, текущих финансовых и хозяйственных проблем, возникших в регионе из-за долгового кризиса в еврозоне, представлены в коллективной монографии «Центральная и Восточная Европа: последствия долгового кризиса в еврозоне» (Под ред. Н.В. Куликовой. // М.: ИЭ РАН, 2013). Особое внимание уделяется причинам высокой уязвимости большинства стран ЦВЕ к воздействию внешних шоков, рискам их глубокой торговой и финансовой зависимости от еврозоны, а также влиянию современной международной экономической ситуации на внешнеэкономическую политику стран ЦВЕ и их подходы к экономическим отношениям с Россией.

В коллективной монографии «Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС» (Отв. ред. С.П. Глинкина // М.: ИЭ РАН, 2013) проанализирован потенциал и роль БРИКС в современной мировой экономике и политике. Исследованы основные направления экономического сотрудничества стран – участников группировки, в том числе внешнеторговое и инвестиционное, научно-техническое и валютно-финансовое; обоснованы общие контуры дальнейшего развития группировки и определена роль в этом процессе России. Особое внимание уделено анализу китайского фактора в развитии российской экономики, а также изучению динамики двустороннего сотрудничества.

Монография Н.И. Бухарина «Россия–Польша: Опыт двадцатилетних отношений» (СПб.: Нестор-История, 2013) посвящена смене парадигмы двусторонних российско-польских отношений в условиях коренных, системных общественных преобразований в крупнейшей центрально-восточной стране бывшего «реального социализма» – в Республике Польша. Она отвечает задаче осмысления широкого спектра качественно новых тенденций – как сохранения наработанных политических, хозяйственных, научных, культурных и межчеловеческих связей, так и придания им нового импульса в соответствии с изменившимися условиями, подходами к основам партнерства, взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества согласно российским интересам.

В сборнике научных трудов «Восточная и Юго-Восточная Азия-2012: конфликты, интеграция, экономика, реформы» (Отв. ред. М.Е. Тригубенко // М.: ИЭ РАН, 2013) представлены результаты исследования знаковых событий, затрагивающих национальные интересы и сотрудничество: саммит АТЭС во Владивостоке, сотрудничество стран в рамках БРИКС. Обобщен опыт финансово-экономической политики Китая, представлен прогноз по Северной Корее, исследованы региональные аспекты развития экономики Вьетнама.

Сборник научных трудов «Транспорт и связь в новых независимых государствах: особенности и факторы развития» (Под общей ред. Л.Б. Вардомского // М.: ИЭ РАН, 2013) посвящен анализу проблем развития транспорта и современных видов связи в новых независимых государствах в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве (в страновом и проблемном разрезе).

В сборнике научных трудов «Внешние факторы развития денежно-кредитной и валютной сфер экономики России» (Отв. ред. М.Ю. Головин // М.: ИЭ РАН, 2013) анализируются проблемы, связанные с влиянием внешних факторов на денежно-кредитную и валютную сферы России, в контексте мирового экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг. и посткризисного развития.

Сборник научных трудов «Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая» (Под ред. Е.М. Кузьминой // М.: ИЭ РАН, 2013) посвящен анализу восприятия интеграционных процессов на постсоветском пространстве в самих странах-участницах, их соседями по СНГ, а также Западными странами, Китаем и Грузией. Создание Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, Единого экономического пространства и формирование к 2015 г. Евразийского экономического союза вызывает различную реакцию в политических, общественных и бизнес-крутах исследуемых стран. Материалы сборника позволяют рассмотреть пеструю палитру мнений, а также экономических и геополитических реалий на евразийском пространстве.

В сборнике научных трудов «Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2011–2013 годах» (Под ред. И.И. Орлика // М.: ИЭ РАН, 2013) представлены информационно-аналитические материалы по актуальным проблемам взаимоотношений России с каждой из стран Центральной и Восточной Европы в 2011–2013 гг., которые могут служить ориентиром при формировании российской внешней политики в регионе в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

82. Разработка концепции социально-экономической стратегии России на период до 2050 г. (Дерево целей и система приоритетов)

Монография В.Ю. Музычук «Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты» (СПб.: Нестор-История, 2013) посвящена исследованию роли государства в функционировании сферы культуры в условиях рыночной экономики, институциональному оформлению государственной поддержки культуры и механизмам ее реализации, а также основным источникам финансового обеспечения культурного сектора.

В монографии Н.С. Григорьевой и Т.В. Чубаровой «Современное здравоохранение: политика, экономика, управление» (М.: Авторская академия, 2013) рассмотрены основные подходы и интерпретации теории и практики здравоохранения, выделены базовые понятия, общие тенденции и проблемы, подходы и решения, обобщен мировой опыт в области развития систем здравоохранения в современных условиях. Методологической базой исследования стал междисциплинарный подход, основанный на применении общих постулатов социальных наук – политологии, экономики и управления – для объяснения процессов, происходящих сегодня в сфере охраны здоровья населения.

В монографии Б.В. Губина «Обеспечение экономической безопасности страхования» (М.: ИЭ РАН, 2013) исследуются современные проблемы обеспечения экономической безопасности страхования в России, анализируются тенденции развития страхового сегмента финансовой

системы страны, его трансформации в условиях глобализации экономики. Разработаны теоретико-методологические основы формирования системы экономической безопасности страховых организаций. Осуществлена систематизация страховых рисков и обоснованы меры по снижению их влияния.

Коллективная монография «Социально ориентированная экономика: проблемы и возможности» (Под общей ред. И.В. Караваевой // СПб.: Нестор-история, 2013) представляет собой комплексное исследование основных направлений развития социальных аспектов современной экономики. Дается оценка тенденций трансформации явления «социальное государство». Представлены базовые ориентиры валютной, бюджетной и налоговой стратегии в глобальной социально ориентированной экономике. Впервые дается развернутый анализ и систематизация преобразований в социально ориентированных сегментах отечественной экономики советского и постсоветского периодов. Рассмотрены возможности использования экономических и правовых регуляторов в качестве инструментов обеспечения социальной сбалансированности в современном российском обществе.

В сборнике научных трудов «Польша и Россия на этапе экономической интеграции и диверсификации» (Отв. ред. Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова // М.: ИЭ РАН, 2013) представлены статьи польских и российских экономистов, исследующих процессы интеграции и диверсификации в мировой экономике, в частности, в Польше и России. В современных условиях именно интеграционные и диверсификационные процессы реально определяют перспективные направления мировой экономики в целом, имеют важнейшее значение для межстранового и национального развития, формируют межрегиональные и межотраслевые связи.

В сборнике научных трудов «Реальный сектор экономики: условия формирования и развития» (Отв. ред. Л.В. Никифоров, А.С. Наумов // М.: ИЭ РАН, 2013) дано обоснование необходимости превращения российского народного хозяйства из набора недостаточно взаимосвязанных между собой отраслей в совокупность крупных народно-хозяйственных секторов, которые должны стать целостными структурными подразделениями, выполняющими присущие им экономические и социальные функции.

85. Развитие методологии макроэкономических измерений

В монографии Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна «Индивидуум & Государство: экономическая дилемма» (М.: Весь мир, 2013) представлено развитие концепции экономической социодинамики (КЭС) и теории опекаемых благ. Обобщены теоретические разработки авторов за последние пятнадцать лет в области взаимодействия экономического поведения индивидуумов и государства; дана оригинальная трактовка

государственной активности, в соответствии с которой нежелательное для неоклассики «вмешательство государства» замещается его легитимным участием в хозяйственной жизни общества. Представленный в монографии междисциплинарный метод исследования нормативных интересов общества и категории «социальная полезность» существенно расширяет границы экономического анализа. Особое внимание авторы уделяют проблеме «изъянов» парламентских решений, допускающих искажения общественных интересов. Рассмотрены институты гражданского общества и конкретные механизмы, ограничивающие производ государства в формировании и реализации общественных интересов.

В монографии Ю.Я. Ольсевича «Фундаментальная неопределенность рынка и финансовые теории» (СПб.: Алетейя, 2013) выявляются трактовки неопределенности в экономических теориях, ставится вопрос о неадекватности мышления, игнорирующего фактор неопределенности. «Фундаментальная неопределенность рынка» рассматривается автором как понятие, отражающее нерешенность практикой и наукой принципиальной проблемы – способности рынка к саморегулируемому развитию, обеспечивающему бескризисный рост и повышение благосостояние населения. Обоснована гипотеза об институционально-психических факторах периодического ослабления и такого нарастания неопределенности, которое проявляется в кризисе, смене правящих элит и модели рынка.

В монографии П.А. Ореховского «Неоднородность экономических агентов и неравный обмен: политико-экономические очерки» (М.: ИЭ РАН, 2013) неравный обмен рассматривается как неотъемлемое свойство структурной перестройки – основы экономического роста, а также как общая характеристика иерархических, властных отношений. В отличие от неоклассической ортодоксии, в которой неравный обмен представляется редким казусом, в монографии этот феномен описывается как общее правило, основанное на свойстве неоднородности экономических агентов.

Новая версия теории воспроизводства, опирающаяся на не изученный до сих пор переключающийся режим воспроизводства, предложена в монографии В.И. Маевского и С.Ю. Малкова «Новый взгляд на теорию воспроизводства» (М.: ИНФРА-М, 2013). Переключающийся режим нарушает многие стереотипы экономической теории: реабилитирует трудовую стоимость, актуализирует показатели экономического времени, выводит на первый план согласование товарных и денежных потоков (вместо согласования цен и количеств). Экономические отношения при данном режиме возникают по поводу конкуренции разновозрастных экономических подсистем и их координации в динамике, но не по поводу перехода от одного статического состояния к другому. Соответственно, математическая модель переключающегося режима воспроизводства отличается от моделей типа DSGE.

В монографии С.Г. Кирдиной «Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию» (СПб.: Нестор-История, 2013) представлена новая расширенная версия теории институциональных матриц, или X-Y-теории. Уточнены ее основные положения, приведены новые доказательства роли доминирующих институциональных матриц в формировании тенденций социально-экономического развития государств. Продemonстрировано усиление роли стран с доминированием X-матрицы (Россия, страны Азии и Латинской Америки) относительно стран с доминированием Y-матрицы (Европа, Северная Америка, Австралия) в складывающемся глобальном порядке. В подтверждение эвристичности теории анализируются сделанные ранее прогнозы институциональной динамики современного российского общества, подтвердившиеся на практике.

В монографии А.Г. Зельднера «Деструктивные тенденции и конструктивные возможности их преодоления в экономической системе России» (М.: Экономика, 2013) рассматриваются теоретические, методологические и практические аспекты формирования деструктивных и конструктивных тенденций в экономике России, как в процессе ее реформирования, так и на современном этапе, дается классификация деструктивных факторов; рассматриваются основные направления преодоления деструктивного тренда в развитии экономики; обосновывается необходимость концентрации средств на приоритетных направлениях социально-экономического развития с учетом их мультипликативного воздействия на рост совокупного спроса.

В монографии И.Р. Курнышевой «Конкурентный климат и конкурентоспособность России в условиях дисфункций государственного управления» (М.: ИЭ РАН, 2013) системно проанализированы основные функции государства как института и как вида экономической деятельности. Исследованы результаты проводимой конкурентной политики; проанализированы наиболее значимые изменения законодательства; представлены результаты исследований состояния конкуренции в некоторых секторах экономики и на отдельных товарных рынках. Большое внимание уделено институциональному аспекту защиты и развития конкуренции. Подведены итоги практической деятельности государственных органов, moderирующих конкурентную ситуацию в стране.

В коллективной монографии «Инновационные приоритеты и политика регионального развития в Российской Федерации» (Отв. ред. Е.М. Бухвальд, С.Д. Валентей // М.: ИЭ РАН, 2013) рассматривается развитие экономико-правовых основ российской федеративной государственности и федеральной политики регионального развития применительно к условиям и приоритетам политики модернизации. Дается новая трактовка принципов симметрии и асимметрии

федеративных отношений на основе сравнительного анализа трендов инновационного развития экономики субъектов Федерации. Авторами представлено разностороннее обоснование селективных подходов в рамках федеральной политики регионального развития и межбюджетных отношений; даны рекомендации в отношении создания, направлений и форм деятельности специализированных «институтов развития» и путей дальнейшего реформирования местного самоуправления.

В коллективной монографии *«Институты современной экономики России: опыт и проблемы»* (Науч. ред. А.Е. Городецкий // М.: ИЭ РАН, 3013) дан критический анализ модели реформ, проводившихся на протяжении последних 20 лет; обоснована необходимость смены модели развития и содержания государственной экономической политики. Исследованы институциональные реформы, глубоко затронувшие роль государства в экономике, институты федеральных исполнительных и региональных властей, местное самоуправление; формирующееся гражданское общество. Особое внимание уделено инновационным институтам и проблемам выхода на траектории инновационного развития.

Коллективная монография *«Региональная инновационная политика: приоритеты и механизмы развития»* (Отв. ред. Е.Б. Ленчук // СПб.: Нестор-История, 2013) посвящена проблемам формирования и реализации региональной научно-инновационной политики, которая рассматривается как объективное продолжение и инструмент государственной политики стимулирования структурных сдвигов и ускорения процессов модернизации российской экономики в целом. Обоснована необходимость реформирования системы механизмов функционирования научно-инновационной сферы в регионах, разработаны институциональные основы создания и функционирования научно-инновационного комплекса регионов.

Сборник научных трудов под редакцией А.Я. Рубинштейна и В.Ю. Музычук *«Культура и рынок. опекаемые блага»* (СПб.: Алетейя, 2013) посвящен теоретическим и практическим аспектам функционирования культурного сектора. Теоретические исследования сфокусированы вокруг трех основных тем: анализа «болезни цен», механизмов финансового обеспечения сферы культуры и результатов эмпирических исследований спроса на культурные блага. В рамках анализа проблем институциональной модернизации рассмотрены вопросы законодательного регулирования культурной деятельности, а также проблемы государственного регулирования в сфере культуры и выработки государственной культурной политики.

Сборник научных трудов *«Формирование институтов инновационного развития»* (Под ред. Е.Б. Ленчук, Н.А. Новицкого // М.: ИЭ РАН, 2012)

посвящен проблемам формирования институтов инновационного развития как условия диверсификации российской экономики, повышения ее конкурентоспособности и перехода к устойчивому росту. Определены основные стратегические направления реализации инновационного сценария развития, подходы к формированию государственных научно-технологических приоритетов. Сформулированы предложения, обеспечивающие комплексную взаимоувязку системы институтов инновационного развития.

Сборник научных трудов «Экономические реформы: уроки истории» (Отв. ред. Ю.П. Бокарев // М.: ИЭ РАН, 2013) посвящен теории и истории экономических реформ. Дан критический анализ теорий модернизации как основы реформирования экономики в России и за рубежом. Освещена история конкретных реформ: экономическое реформирование Руси после монгольского завоевания, путь России к введению золотого стандарта, реформы государственного страхования в Германии и России, индустриализация СССР и роль зарубежной технической помощи в ее проведении, денежная реформа 1947 г. и ее влияние на «черный рынок» и др.

Сборник научных трудов «Взаимодействие государственных институтов с механизмами рынка» (Отв. ред. А.Г. Зельднер // М.: ИЭ РАН, 2013) посвящен анализу актуальных проблем взаимодействия государства и бизнеса в условиях смешанной экономики. Представлены исследования, характеризующие специфику государственной собственности, производственных ресурсов, конкуренции в рамках партнерских отношений. Предложен институциональный подход к формированию механизмов взаимодействия государства и бизнеса в целях обеспечения устойчивого развития экономики.

Научно-организационная деятельность

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику Институтом экономики в 2013 г. был проведен ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы:

- Второй Российский экономический конгресс (Суздаль, февраль, НЭА, ООН РАН);
- Московский экономический форум (март, совместно с МГУ им. М.В. Ломоносова);
- Научная конференция «Неравенство, перераспределение доходов и экономическое развитие» (май, совместно с Фондом им. Ф. Эберта и Фондом «Альтернативы»);

- X Международный симпозиум по эволюционной экономике «Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты» (Пушино, сентябрь);
- XXI Кондратьевские чтения «Мировая экономика ближайшего будущего: откуда ждать инновационного рывка» (совместно с Международным фондом Н.Д. Кондратьева, ноябрь);
- Конференция молодых ученых «Мировая экономика: современные вызовы и их влияние на Россию» (Москва, ноябрь).

Круглые столы:

- «А.П. Бутенко и его теоретическое и идейное наследие» (май);
- «Критика советской политэкономии: направления и контексты» (октябрь);
- «Теория догоняющего развития: современное состояние, проблемы и перспективы» (октябрь).

Продолжали работу научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. д.ф.н. А.Я. Рубинштейн), «Современные проблемы институционально-эволюционной теории» (рук. академик РАН В.И. Маевский, д.с.н. С.Г. Кирдина.), «Экономическая теория марксизма и современность» (рук. член-корр. РАН В.А. Медведев), «Макроэкономические модели» (рук. академик РАН В.М. Полтерович), «Эконометрические исследования» (рук. Л.Н. Слуцкий), «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем» (рук. д.и.н. Ю.П. Бокарев), «Теория и практика экономических реформ» (рук. д.и.н. Ю.П. Бокарев), «Методология анализа на основе системы национальных счетов и ее практическое применение» (рук. д.э.н. И.А. Погосов), семинар молодых ученых по международным экономическим и политическим исследованиям (рук. д.э.н. М.Ю. Головин). Начал работу научный семинар «Институциональная теория и ее приложения» (рук. д.э.н. О.С. Сухарев).

Работа научных советов

В 2013 г. состоялось 11 заседаний Ученого совета института. Были обсуждены следующие научные доклады:

- к.э.н. Д.И. Ушкалова «Формирование таможенного союза и единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана: проблемы и предварительные итоги»;
- д.э.н. А.С. Ципко «Консервативная логика определения духовной и культурной идентичности современной российской нации»;
- д.э.н. М.И. Столбов «Реформирование мировой финансовой системы: повестка дня для «Большой двадцатки»;
- «Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски» (докл. – член-корр. РАН Д.Е. Сорокин);
- «Внешекономические факторы модернизации российской экономики» (докл. – д.э.н. В.П. Оболенский);

- «Последствия европейского долгового кризиса для экономики России» (докл. – д.э.н. М.Ю. Головнин);
- «Базовые предпосылки современной экономической теории (economics) и их критика» (докл. – д.э.н. Р.М. Нуреев);
- «Реформы и контрреформы: историко-экономический подход» (докл. – д.и.н. Ю.П. Бокарев);
- «Деструктивные тенденции в российской экономике и пути их преодоления в сферах, обеспечивающих потребительский спрос» (докл. – д.э.н. А.Г. Зельднер);
- «Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики» (докл. – д.э.н. Е.Б. Ленчук);
- «Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации» (докл. – д.э.н. С.П. Глинкина);
- «Россия и Украина: вопросы социально-экономического развития в контексте взаимных отношений» (докл. – д.э.н. Л.Б. Вардомский);
- д.э.н. В.Е. Маневич, к.э.н. И.С. Букина «Макроэкономическая ситуация и денежно-финансовая политика в России».

Активно работали Ученые советы научных направлений, на заседаниях которых в 2013 г. обсуждено более 20 научных докладов.

Издательская деятельность

В 2013 г. Институтом экономики издано 38 научных трудов (монографий, брошюр, сборников) общим объемом 430 п.л., а также 37 докладов общим объемом 98,95 п.л., в том числе в серии «Научные доклады Института экономики РАН» изданы доклады:

- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. «Концепция экономической социодинамики: предпосылки и результаты»;
- Рубинштейн А.Я. «Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии»;
- Ананьин О.И. «Онтологические предпосылки экономических теорий»;
- Кирдина С.Г. «К переосмыслению принципа методологического индивидуализма»;
- Лившиц В.Н. «Основы системного мышления и системного анализа»
- Ольсевич Ю.Я. «Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей»;
- Иванова Л.Н., Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. «Пространственное развитие России: к вопросу перспективной стратегии»;
- Волошин В.И., Соколов М.М. «Налогообложение в российском нефтегазовом комплексе»;
- Губин Б.В., Павлов В.И. «Финансовое обеспечение новой индустриализации экономики России»;

- Скрыпник Д.В. «Оценка трансграничных эффектов политики количественного смягчения для российской экономики»
- «Государственная контрактная система: состояние, проблемы, перспективы» (Науч. рук. И.И. Смотрицкая);
- «Привлечение частного капитала в производственный процесс: возможности и условия» (Науч. рук. А.Г. Зельднер);
- Погосов И.А., Соколовская Е.А. «Соотношение производства товаров и услуг как одно из равновесий современного национального производства»;
- Князев Ю.К., Куликова Н.В. «Долговой кризис в мире и проблема задолженности стран Центрально-Восточной Европы»
- Хейфец Б.А. «Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы»;
- Хейфец Б.А. «Пути активизации экономического взаимодействия России со странами БРИКС (на примере инвестиционной сферы)»;
- Кузьмина Е.М. «Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии»;
- Шмелев Б.А., Симон М.Е. «Влияние внутривнутриполитических процессов на внешнюю политику постсоветских государств»;
- Богатова И.Э., Киселева А.Ю., Комолов О.О. «Основные проблемы развития и направления реформирования мировой валютно-финансовой системы».

Продолжалось издание научных журналов «Вестник Института экономики РАН», «Мир перемен», «Федерализм», а также «Вестник научной информации ИЭ РАН».

Международное сотрудничество

В 2013 г. Институт экономики продолжал международное сотрудничество с зарубежными партнерами на основе следующих двусторонних межинститутских долгосрочных соглашений:

- Меморандум о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Национальной Академией экономической стратегии КАОН (НАЭС КАОН);
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Институтом политических исследований ПАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и АО «Институт экономических исследований Министерства экономического развития и торговли» Республики Казахстан;
- Договор о научно-техническом сотрудничестве между ИЭ РАН и Центром исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины (ЦИПИН НАН Украины);

- Договор о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Молдавской экономической академией;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Экономическим университетом в Братиславе (Словацкая Республика);
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Институтом экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Институтом развития села и сельского хозяйства ПАН;
- Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Центром политических исследований (Ташкент, Узбекистан) и ИЭ РАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Экономическим университетом г. Познань.

Продолжается работа в рамках Совместной Комиссии экономистов Польской и Российской академий наук. В июне 2013 г. была проведена очередная, XXIII Научная сессия комиссии экономистов ПАН и РАН в Варшаве «Формы и механизмы экономической интеграции».

Ученые ИЭ РАН активно участвуют в международных симпозиумах, форумах, конгрессах, конференциях, семинарах, организованных зарубежными научными центрами, международными организациями зарубежных стран. Ежегодно за границу выезжает 25–30 сотрудников Института.

В рамках эквивалентного обмена в научные командировки для консультаций с зарубежными партнерами и осуществления работы по совместным проектам выезжало 25 сотрудников ИЭ РАН. Осуществлялся прием иностранных ученых и специалистов на основе соглашений РАН и по персональным приглашениям Института экономики РАН. Всего в 2013 г. Институт посетило 35 зарубежных ученых.

Награды

В 2013 г. член-корр. РАН Р.С. Гринберг и д.ф.н., профессор А.Я. Рубинштейн были отмечены премией Панъевропейской высшей школы «За вклад в экономическую теорию и развитие международных исследований» (Братислава, Словакия), премией Всемирной ассоциации политической экономии «За вклад в развитие экономической теории» (Шанхай, КНР), премией Научного совета Польского экономического общества «За создание теории экономической социодинамики» (Варшава, Польша), премией Президиума Национальной академии наук Украины «За теоретические исследования и разработку концепции экономической социодинамики» (Киев, Украина).

Выступления сотрудников ИЭ РАН в СМИ

В отчетном году в средствах массовой информации выступали: директор Института экономики член-корр. РАН Р.С. Гринберг, зам. директора, член-корр. РАН Д.Е. Сорокин, зам. директора, д.ф.н. А.Я. Рубинштейн, зам. директора, д.э.н. А.Е. Городецкий, зам. директора, д.э.н. С.П. Глинкина, зам. директора, д.э.н. М.Ю. Головнин, зав. центром, д.э.н. Л.Б. Вардомский, зав. центром, д.э.н. А.А. Френкель, зав. лабораторией, д.э.н. И.В. Соболева, зав. сектором, к.э.н. Б.Е. Фрумкин, зав. сектором, д.э.н. В.И. Волошин, зав. сектором, к.п.н. Е.М. Кузьмина, гл.н.с., д.э.н. М.И. Гельвановский, гл.н.с., д.э.н. Л.С. Ржаницына, гл.н.с., д.ф.н. А.С. Ципко, вед.н.с., д.э.н. А.М. Либман, вед.н.с., д.э.н. О.С. Сухарев, вед.н.с., к.э.н. А.В. Алексеев, вед.н.с., д.э.н. М.Е. Баскакова, с.н.с., к.п.н. А.И. Владимиров, н.с. А.Г. Пылин.

ABSTRACTS

I. BUZDALOV

AGRARIAN CRISIS AS A RESULT OF THE AGRARIAN POLICY SCIENTIFIC BASES VIOLATION
Gravity of a crisis situation in agriculture of Russia and its conditionality by the agrarian policy scientific bases violation, bringing to disorganization of the agrarian relations system is shown in current paper. The author connects the causes of these negative phenomena with consequences of weakening of attention to questions of the agrarian theory, first of all concerning relations of property, the land relations, the general and specific regularities of reproduction in agriculture, the theory and the principles of agrarian protectionism, the rent relations and pricing. According to the author the overcoming of agrarian crisis is in essential changes in an agrarian policy and in an experience of the developed countries in this area.

Keywords: *agrarian theory, agrarian policy, agrarian crisis and food security, agriculture intensification, agrarian protectionism.*

JEL codes: Q10, Q18.

I. BUKINA, V. MANEVICH

MACROECONOMIC SITUATION AND THE MONETARY–FINANCIAL POLICY IN RUSSIA

The paper is dedicated to the results of an analysis of the current macroeconomic situation in the Russian economy which has developed under influence both of spontaneous processes, and pursued economic policy – price, structural, external economic, financial, monetary and credit. The authors investigate results of cyclic dynamics of the prices, uncontrollable increase in demand for foreign assets and obligations, growth of an internal debt in the conditions of surplus, the budgetary and monetary restriction. The assessment of a role of external factors in emergence of modern recession is given as well.

Keywords: *prices, budget, credit, banks, balance of payments.*

JEL codes: E500, E600.

I. KVASHNINA, V. SHUYSKIY,

REINDUSTRIALIZATION IN RUSSIA: OPPORTUNITIES FOR THE USE OF FOREIGN TECHNOLOGIES

The article examines opportunities to use foreign technology and foreign direct investment for fulfilling reindustrialization in Russia, identifies main obstacles to more effective implementation of foreign technology in the domestic economy, sets out considerations relating to incentives for the imports of capital equipment and technology, attracting foreign direct investment in technology- based production.

Key words: *reindustrialization, import of technology, foreign direct investment.*

JEL codes: F21, O14, O33.

A. SHURUBOVICH

AN INFLUENCE OF POST-SOVIET INTEGRATION ON MODERNIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

The paper distinguishes the questions of interrelations and interconditionalities of modernization process in the Russian economy as well as integration development on the former Soviet Union. The assessment of program documents of economic modernization of Russia from positions of reflection of opportunities of Post-Soviet integration is offered by the author. Advantages of the coordinated modernization of the Russian economy and the partner countries are disclosed.

Keywords: *modernization of the Russian economy, Post-Soviet integration, program documents, the economic cooperation, the coordinated modernization.*

JEL codes: F020, O310.

YU. KALININA

RUSSIAN SPACE BRANCH: THE ISSUES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The results of the Russian space branch current state research and the existing issues both with possible ways of their overcoming are presented in the paper. The prospects of innovative development of space branch are considered as well.

Keywords: *space program, strategy of innovative development, space branch, investments, public expenditures.*

JEL codes: H560, O310, O250.

M. GOLOVNIN

EXTERNAL SHOCKS FOR RUSSIAN AND BELARUSIAN ECONOMIES DURING THE CRISIS AND POST-CRISIS PERIODS (2008–2013)

Russia and Belarus were severely hit by global economic and financial crisis in 2008–2009. The impact of the crisis on Belarusian economy was mediated by decreasing demand from Russia. Among significant external shocks for Belarus from Russia two shocks should be pointed out: negative one connected with change in Russian trade policy in 2010 and positive one connected with creation of Customs Union between Russia, Belarus and Kazakhstan.

Keywords: *external shocks, global economic and financial crisis, external trade, international investments.*

JEL codes: F41, F14, F21.

D. USHKALOVA

THE FEATURES OF THE TRADE AND ECONOMIC INTERACTIONS OF RUSSIA AND BELARUS DURING THE POST-CRISIS PERIOD

The paper is dedicated to an analysis of specifics of trade and economic interaction of Russia and Belarus in 2008–2013. Dynamics and qualitative characteristics of a mutual commodity exchange of two countries are analyzed as well. The author offers an assessment of influence of a factor of creation of the Customs union of Russia, Belarus and Kazakhstan on trade interaction of Russia and Belarus during the post-crisis period.

Keywords: *foreign trade, mutual trade of Russia and Belarus, economic integration, Customs union and Common economic space, foreign trade integration effects.*

JEL codes: F14, F15.

V. FILATOV

STRUCTURAL MODERNIZATION OF THE RUSSIAN AND BELARUSIAN ECONOMIES AS A FACTOR OF THE WORLD FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS CONSEQUENCES OVERCOMING

The results of a research, devoted to the issues of economic stagnation overcoming in Belarus and Russia are offered in the paper. It is shown that a renewal of economic growth rates is possible only

on the basis of transition to policy of deep structural modernization and diversification of industrial potential. The priority directions, conditions and mechanisms of structural modernization are considered in the paper.

Keywords: *economic growth; economic modernization and its aspects; priorities of structural modernization; coordination of industrial and structural policy in the formed common economic space (CES) of Russia, Belarus and Kazakhstan.*

JEL codes: O24, O25, L5.

E. BUKHVALD

EUROPEAN CHARTER OF LOCAL GOVERNMENT AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE RUSSIAN MUNICIPAL REFORM

The paper is dedicated to an analysis of value of the European charter of local self-government for municipal reform in the Russian Federation, in particular, in accounting of foreign experience of municipal development. The main emphasis in work is placed on an experience of Germany as the state of federal type, which was widely used during reforming process. The author analyses both positive and negative results of reforming results, as well as the necessity of the accounting of specifics of the Russian conditions for formation and organization of the local self-government institutions activity.

Keywords: *European charter of local government, municipal reform, experience of Germany, institutes of local government, legal and economic support of municipal management.*

JEL codes: R28, R58.

A. MAMAYEV

FINANCE OF MOSCOW IN THE CONDITIONS OF REVOLUTION IN 1917 AND MUNICIPAL REFORM

The paper is devoted to the analysis of financial position of the Moscow city self-government bodies in the conditions of revolution in 1917. The author proves the presence of a crisis in a sphere of municipal finance of Moscow in 1917 which could be overcome only by use of system measures carried out together with the central power.

Keywords: *Moscow, revolution, 1917, city self-government, City Council, municipal finance.*

JEL codes: N440, N940, R510.

A. BOBYLIOVA, A. SIDOROVA

AN EFFECTIVE MANAGEMENT OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN RUSSIA: ISSUES AND DECISIONS

The paper is devoted to restrictions and shortcomings of established practices in higher education institutions management. The Concept of design of comprehensive management programs in inefficient higher education institutions is offered; the sequence of actions for implementation of the Concept is disclosed. The considered aspects of management efficiency in Russia consciously don't affect the questions of financial security of higher education institutions activity and are directed on initiation of factors of non-financial character, motivation of all stakeholders of education on search of internal reserves, activation of own efforts for increase of efficiency of activity of higher education institutions.

Keywords: *the higher education, efficiency of higher education institutions activity, technique of an assessment of efficiency of higher education institutions, criteria device of monitoring of higher education institutions, design of comprehensive management programs in higher education institutions.*

JEL codes: I21, I25.

A. SIDOROVA

EUROPEAN EXPERIENCE OF ENTERPRISE UNIVERSITIES DEVELOPMENT: LESSONS FOR RUSSIA

The results of research of enterprise universities within continental model of the higher education on the example of Technical university of Eindhoven (Netherlands) and Technical university of Munich

(Germany) are offered in the paper. The main activities on strengthening of relationship with the industry, peculiar to these universities are allocated. The possibilities of the best experience application in Russia are considered as well.

Keywords: *enterprise university, system of the higher education, transfer of technologies, business.*

JEL codes: I23, I25, O31, O32.

A. MALTSEV

ECONOMIC SCIENCE OF THE POST-WAR EPOCH: A VULGARIZATION OF KEYNESIAN ECONOMIC OR AN ANSWER TO TIME CALLS?

The paper distinguishes the changes which have occurred in a post-war epoch in institutional and technology factors of the world economy development and which caused a necessity of revision of the Keynesian economic research program key elements. The main economic shifts defining "spirit of the age" in the 1950-1970th are shown. Relativistic conditionality of methodological directions of an economic mainstream updating is proved.

Keywords: *world economy, neoknesianism, technological way, technical and economic shifts.*

JEL codes: B300, B310.

D. SCHULTZ

MICROECONOMIC FUNDING OF MACROECONOMICS AND THE BOHR'S PRINCIPLE OF THE COMPLEMENTARITY

The paper is dedicated to the interrelation of micro- and macroeconomic theories of the XXth century by analogy to synthesis of theoretical provisions of classical and quantum mechanics in physics on the basis of the principle of a complementarity of N. Bohr. The author analyzes opportunities and restrictions of application of the principle of a complementarity in the economic theory.

Keywords: *microeconomic funding, neoclassical synthesis, principle of a complementarity.*

JEL codes: A12, B22.

A. UZHGINITSEV

THE SEARCH OF EFFECTIVE WAYS OF THE RUSSIAN ECONOMY'S DEOFFSHORIZATION

The paper is devoted to the issue of harmful distribution of offshore practicing in Russia. Taking into account the features of use of an offshore in the Russian business the author investigates the measures planned by the Russian government for a deoffshorization of domestic economy and, in particular, the draft of the federal law "About the status of national business in the Russian Federation". Besides the author makes a conclusion that the draft of this law in its published edition specifies strategic vectors of development rather, than serves as the real tool of a deoffshorization and leaves some "openings" for future use of an offshore.

Keywords: *offshore, ofshorization of the Russian business, deofshorization, status of national business.*

JEL codes: O230, E520, E620.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ

Бобылева Алла Зиновьевна – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой финансового менеджмента факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
azbobyleva@yandex.ru

Буздалов Иван Николаевич – академик РАН, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
tamara.buzdalova@yandex.ru

Букина Ирина Сергеевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
bis.email@gmail.com

Бухвальд Евгений Моисеевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН
buchvald@mail.ru

Головнин Михаил Юрьевич – доктор экономических наук, заместитель директора ФГБУН Институт экономики РАН
mgecon@mail.ru

Калинина Юлия Владимировна – студентка Финансового Университета при Правительстве РФ
ylkal@mail.ru

Квашнина Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
irina.kvashnina@gmail.com

Мальцев Александр Андреевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета
almalzev@mail.ru

Мамаев Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
andreidx2006@yandex.ru

Маневич Виталий Ефимович – доктор экономических наук, профессор, зав. сектором ФГБУН Институт экономики РАН
bis.email@gmail.com

Сидорова Александра Александровна – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры теории и технологий управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
Sidorova_A@spa.msu.ru

Ужгинцев Александр Владимирович – соискатель ФГБОУВПО «Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ»
uzhgintsev@yandex.ru

Ушкалова Дарья Игоревна – кандидат экономических наук, зав. сектором проблем участия России в мирохозяйственных процессах ФГБУН Институт экономики РАН
ushkalova@mail.ru

Филатов Владимир Иванович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
ushkalova@mail.ru

Шурубович Алексей Викторович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
shurubovich@transecon.ru

Шуйский Владислав Павлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
slavash938@gmail.com

Шульц Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет
shultz@prognoz.ru

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ

1. К публикации в журнале принимаются оригинальные материалы на русском языке по экономике теоретического и прикладного характера, ранее нигде не опубликованные и не принятые к рассмотрению в других изданиях, оформленные в соответствии с указанными ниже требованиями.
2. Рукописи научных статей представляются в журнал в виде файла формата MS-Word (с расширением doc) и одного экземпляра распечатки. В случае пересылки материалов по электронной почте предоставлять распечатки не требуется. Шрифт Palatino Linotype, кегль 11, ключевые слова, аннотация, сноски – кегль 9. Фамилия автора – 11-й, заглавные, название статьи – заглавные жирные. Поля: верхнее – 1 см, левое – 2,1, нижнее – 1,2, правое – 1,4 см. Межстрочный интервал – одинарный.
3. В начале статьи дается следующая информация: фамилия, имя, отчество автора (или авторов через запятую) на русском и английском языках, название статьи (на русском и английском языках), краткая аннотация на русском и английском языках (не более 10 строк); ключевые слова на русском и английском языках (не более 10 слов); JEL-коды, соответствующие тематике статьи на основе алфавитно-цифровой классификационной системы по экономической теории (Journal of Economic Literature).
4. Список литературы в конце статьи и ссылки на нее в тексте статьи должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.
5. После текста статьи (в том же файле) авторы указывают: полностью Ф.И.О., полные наименования ученых степеней и званий, должностей каждого автора, полные наименования организаций, где авторы работают и их адреса, контактные телефоны и e-mail.
6. Размер статьи не должен превышать одного печатного листа – 40000 знаков с пробелами. Рекомендуемый средний объем статьи – 20000 знаков с пробелами.
7. Присланные статьи подлежат рецензированию. Решение об опубликовании статьи в журнале принимается с учетом результатов рецензирования. Рукописи не возвращаются. При отклонении статьи замечания рецензентов и редколлегии авторам не сообщаются.
8. Редакция оставляет за собой право не ставить авторов в известность об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер.
9. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

лицензия на право ведения образовательной деятельности № 2697 от 05.04.2012 г.

в 2014 году

**ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ
с отрывом и без отрыва от производства**

ПО СЛЕДУЮЩИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

08.00.01 – Экономическая теория

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит

08.00.14 – Мировая экономика

Прием заявлений с 13 мая по 26 июня 2014 г. и с 4 по 21 августа 2014 г.

К ЗАЯВЛЕНИЮ ПРИЛАГАЮТСЯ:

личный листок по учету кадров (анкета); автобиография; 2 фотографии (3×4);
реферат по предполагаемой теме диссертационного исследования
(объем 12–15 стр.); список научных трудов (при наличии трудов);
копия диплома о высшем образовании с вкладышем
(магистр или специалист); копия военного билета;
при сданных экзаменах кандидатского минимума –
удостоверение по форме 2.2.

ПРИ СДАЧЕ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНО ПРЕДЪЯВЛЯЮТСЯ:

паспорт; диплом; военный билет (для военнообязанных)
или приписное свидетельство.

ОБУЧЕНИЕ ПЛАТНОЕ

Вступительные экзамены по специальности, философии, иностранному языку
проводятся с 3 сентября 2014 г.

Справки можно получить по телефонам:

8-499-724-13-91, 8-499-128-91-69

117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
aspirantura@inecon.ru

Компьютерная верстка Гришиной М.Ф.

Подписано в печать 31.03.2014

Формат 70×100 1/16. Объем 10 п.л. Тираж 1000 экз.

Печать офсетная. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ОАО «Первая образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpk.ru; marketing@chpk.ru; факс: 8(495)726-54-10, 8(495)988-63-87

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.
Тел.: 8- 499-129-07-10, e-mail: vestnik_ie@mail.ru, vestnik@inecon.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdenyye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской Академии наук», 2014